

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 4 (98)

BULLETIN
of the Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2022

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Абдраязпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе).

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник выс-

шего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Варазатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминологии и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Гейжан Наталья Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (по учебной и научной деятельности).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор РАН, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педа-

гогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заведующая кафедрой криминологии Института права Башкирского государственного университета.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (по научной работе).

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Овсепян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской акаде-

мии наук, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оператив-

но-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 25.11.2022. Дата выхода в свет: 28.11.2022.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 29. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 81. Цена свободная.

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (for scientific work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Abdrazyapov Ranis Rishatovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Deputy Head of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the

Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Geizhan Natalya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliyev (for educational and scientific activities).

Divavaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Iiakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Kovtunen Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of

Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (for scientific work).

Nadtachayev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Language and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of State (Constitutional) Law of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of the Moscow State Regional University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and

Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout A. F. Chinyaeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 25.11.2022. Release date: 28.11.2022.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 29. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 81. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

(Теория и история права и государства; история правовых учений)

<i>Грачев Н. А.</i> Форма государственного устройства СССР и его политико-правовая природа ..	12
<i>Даллакян К. А.</i> Закон и воля: гуманистический тип правопонимания.....	26
<i>Ханахмедова Л. В.</i> Гражданское общество как общечеловеческая категория: историко-теоретический аспект.....	34
<i>Хрони Н. Н.</i> Отраслевой анализ закрепления в законодательстве приоритетных обязанностей субъектов общественных отношений (на материалах Российской Федерации и Республики Казахстан)	40

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

(Конституционное право; муниципальное право; Административное право; административный процесс; Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности)

<i>Галицкий Р. В.</i> Транспортная безопасность: проблемы отраслевой коммуникации.....	47
<i>Редько А. А.</i> Граждане как особый субъект правовых инициатив в России	56
<i>Шульгин Е. П.</i> Трансформация правоохранительной деятельности Республики Казахстан в условиях развития цифровых технологий.....	64

Частно-правовые (цивилистические) науки

(Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

<i>Ищук В. Г., Семенов В. В.</i> Становление института защиты частных прав	72
<i>Киселева К. А., Улимаев Р. Ю.</i> Проблемы защиты органами опеки и попечительства имущественных прав малолетних на жилое помещение.....	79
<i>Кудасова О. И., Кормильцева С. О.</i> Административно-правовое регулирование незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).....	86
<i>Рахимов Э. Х.</i> Анализ судебной практики по вопросам функционирования контрактной системы в контексте работы комиссии по осуществлению закупок.....	94

Уголовно-правовые науки

(Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; Уголовный процесс; Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность)

<i>Акчурин А. В.</i> О предмете преступного посягательства и его особенностях при расследовании пенитенциарных преступлений.....	100
<i>Воронцов А. В.</i> К вопросу о результатах исследований криминальной среды и ее субкультуры в 1920–1930 гг. в РСФСР и СССР	109
<i>Кирица В. П., Пилат С. П.</i> Криминологические детерминанты вандализма.....	115
<i>Курсаев А. В.</i> Незаконное проникновение в жилище с применением технических или иных средств (статья 139 УК РФ)	122
<i>Моляров Е. А., Давыдов С. И.</i> Становление и перспективы развития научных представлений об отождествлении личности в оперативно-розыскной деятельности.....	129
<i>Тимина Т. Н., Семенов К. П., Душкин А. С.</i> Эффективность криминализации заранее не обещанного укрывательства тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и ее уголовно-правовое значение	138
<i>Харзинова В. М., Небрятенко Г. Г.</i> Уголовно-правовая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях.....	145
<i>Черкасова Ю. А.</i> Соотношение полномочий помощника судьи и секретаря судебного заседания: сравнительно-правовой анализ положения участников с неопределенным процессуальным статусом	150

Шалагин А. Е., Шавалеев Б. Э. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с хищением электронных денежных средств..... 156

Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. Юрислингвистика

Безземельная О. А., Баишева З. В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранным языкам..... 162

Воронцова Ю. А., Галиева Д. А., Хорошко Е. Ю. Юридический текст как базовый конструкт правовой коммуникации..... 168

Гузикова В. В. Роль аутентичного песенного материала в обучении иностранному языку в неязыковом вузе 176

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

Аксютина З. А. Влияние прозвищ на социализацию подростков 183

Баландин А. А. Обучение сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции применению боевых приемов борьбы на основе использования метода ситуационного моделирования 191

Вилкова А. В., Фадеева С. А., Лукошенко Д. В. Воспитательная работа с несовершеннолетними в следственном изоляторе 198

Исаев А. А. Воспитание как необходимый элемент образовательного процесса высшей школы 204

Камнев Р. В., Туко Д. Д., Тихонов С. В. Содержание функциональной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России 210

Ковтуненко Л. В., Титова О. А. Формирование антикоррупционной культуры у курсантов образовательных организаций МВД России как мера профилактики коррупционных преступлений 216

Мещерякова Е. И., Ендовицкая Е. А., Мазина Г. П. Правовое образование старшеклассников как условие профессионального самоопределения будущих сотрудников органов внутренних дел..... 222

Памятка 230

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

(Theory and history of law and the state; history of legal doctrines)

- Grachev N. I.* The form of state structure of the USSR and its political and legal nature 12
Dallakian K. A. Law and will: the humanistic type of legal understanding 26
Khanakhmedova L. V. Civil society as a universal category: historical and theoretical aspect 34
Khroni N. N. Sectoral analysis of the consolidation of priority responsibilities of subjects of public relations in legislation (based on the materials of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan) 40

Public law (state law) sciences

(Constitutional law; municipal law; Administrative law; administrative process; Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement activities)

- Galitsky R. V.* Transport security: issues of intra-industry communication 47
Redko A. A. Citizens as a special subject of legal initiatives in Russia 56
Shulgin E. P. Transformation of the law enforcement activity of the Republic of Kazakhstan in the context of the development of digital technologies 64

Private law (civil law) sciences

(Civil law; business law; family law; private international law)

- Ischuk V. G., Semenov V. V.* The formation of the institution for the protection of private rights 72
Kiseleva K. A., Ulimaev R. Yu. Problems of protection by guardianship authorities and guardianship of property rights minors for residential premises 79
Kudasova O. I., Kormiltseva S. O. Administrative and legal regulation of illegal use of means of individualization of goods (works, services) 86
Rakhimov E. Kh. Analysis of judicial practice on the functioning of the contract system in the context of the work of the procurement commission 94

Criminal law sciences

(Criminal law and criminology; penal law; Criminal process; Criminalistics; forensic activities; investigative activities)

- Akchurin A. V.* On the subject of criminal encroachment and its features in the investigation of penitentiary crimes 100
Vorontsov A. V. On the results of research on the criminal environment and its subculture in 1920–1930 in the RSFSR and the USSR 109
Kiritsa V. P., Pilat S. P. Criminological determinants of vandalism 115
Kursaev A. V. Illegal entry into a dwelling with the use of technical or other means (article 139 of the Criminal code of the Russian Federation) 122
Molyarov E. A., Davydov S. I. Formation and development prospects of scientific ideas about the identification of a person in operational-search activities 129
Timina T. N., Semenov K. P., Dushkin A. S. The effectiveness of criminalization of obviously not promised concealment of serious crimes committed against minors under the age of fourteen, and its criminal law significance 138
Kharzinova V. M., Nebratenko G. G. Criminal-legal characteristics of the deliberate dissemination of knowingly false information in the mass media and telecommunications networks 145
Cherkasova Y. A. Balance of power between an assistant judge and a court clerk: comparative legal analysis of the situation of participants with uncertain procedural status 150
Shalagin A. E., Shavaleev B. E. Criminological characteristics and prevention of theft with the use of information technologies 156

General questions of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

- Bezzemelnaya O. A., Baisheva Z. V.* Formation of foreign language communicative competence in the process of teaching foreign languages 162

<i>Vorontsova J. A., Galieva D. A., Khoroshko E. J.</i> Legal text as basic construct of legal communication	168
<i>Guzikova V. V.</i> The role of authentic song material in teaching a foreign language in a non-linguistic university.....	176

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of vocational education

<i>Aksyutina Z. A.</i> Influence of nicknames on the socialization of teenagers	183
<i>Balandin A. A.</i> Training of police security and convoy units in the application of fighting techniques on the basis of using the method of situation modeling.....	191
<i>Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Lukashenko D. V.</i> Educational work with minors in the pre-trial detention facility	198
<i>Isaev A. A.</i> Education as a necessary element of the educational process of higher school	204
<i>Kamnev R. V., Tuko D. D., Tikhonov S. V.</i> The content of cadets and students functional training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	210
<i>Kovtunen L. V., Titova O. A.</i> Formation of an anti-corruption culture among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a measure of prevention of corruption-related crimes.....	216
<i>Meshcheryakova E. I., Endovitskaya E. A., Mazina G. P.</i> High school students' legal education as a condition for professional self-determination of future officers of the internal affairs bodies	222

Instruction	230
--------------------------	-----

Научная статья
УДК 342.24(47+57)"1922/1991"

ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СССР И ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, grachev.n.i@mail.ru

Аннотация. В правовых исследованиях по-прежнему господствуют представления о СССР как о фактически унитарном государстве или псевдофедерации. В политико-территориальном устройстве Советского Союза, действительно, можно найти элементы унитаризма, федерализма, автономии и даже конфедерализма, а также достаточно стойкую тенденцию к фактическому унитаризму. Однако, по мнению автора, эти и другие политико-правовые признаки советского государства, исследуемые в настоящей работе, свидетельствует о том, что СССР практически на всем протяжении своего существования был наиболее ярким представителем имперской государственности, классическим образцом федеративной централизованной империи.

Ключевые слова: империя, федерализм, конфедерализм, унитаризм, революция, геополитика, цивилизационная миссия, центр и периферия, социализм.

Для цитирования: Грачев Н. И. Форма государственного устройства СССР и его политико-правовая природа // Вестник Уфимского ЮИ МВД России. 2022. № 4 (98). С. 12–25.

Original article

THE FORM OF STATE STRUCTURE OF THE USSR AND ITS POLITICAL AND LEGAL NATURE

Nikolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Volgograd, Russia, grachev.n.i@mail.ru

Abstract. Legal studies are still dominated by ideas about the USSR as a de facto unitary state or pseudo-federation. In the political and territorial structure of the Soviet Union, one can indeed find elements of unitarism, federalism, autonomy, and even confederalism, as well as a fairly persistent tendency towards de facto unitarism. But according to the author, these and other political and legal features of the Soviet state, studied in this work, indicate that the USSR, almost throughout its existence, was the most prominent representative of imperial statehood, a classic example of a federal centralized empire.

Keywords: empire, federalism, confederalism, unitarianism, revolution, geopolitics, civilizational mission, center and periphery, socialism.

For citation: Grachev N. I. The form of state structure of the USSR and its political and legal nature // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 12–25.

Советский проект имел в своей основе имперскую геополитическую природу

В декабре 2022 г. исполняется 100 лет со времени образования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) и одновременно 31 год, как его не стало. Со-

временная Российская Федерация является правопреемником и правопродолжателем СССР (ч. 1 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) [1]. Исторически она выросла

из недр советского государства, но, отвергнув советский общественный и государственный строй, погрузилась в длительный и достаточно глубокий кризис. Это предполагает необходимость глубокого изучения советской государственности, условий ее становления и эволюции, специфических черт и особенностей, факторов и обстоятельств разрушения Советского Союза. Однако, несмотря на то, что до настоящего времени современная Россия и многие другие страны вынуждены исправлять негативные геополитические последствия распада СССР, находясь по сути «в зоне его разложения» [2, с. 221], необходимого теоретического анализа советского государственного и общественного строя в современных общественных науках не происходит. Фактически анализ политической и правовой организации СССР, его социальной и государственной природы находится на периферии научных интересов отечественных политологии и юриспруденции. При этом в научных изысканиях по советской проблематике господствуют схемы и понятийный аппарат западной (буржуазной) политологии и юриспруденции, которые оказываются неадекватными для концептуализации советской действительности.

Все сказанное в полной мере можно отнести к вопросу изучения и определения формы политико-территориального (государственного) устройства СССР. Формально юридически, в соответствии с конституционным законодательством, Советский Союз позиционировался как «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (ст. 70 Конституции СССР 1977 г.) [3].

Однако в настоящее время не многие авторы признают федеративную природу СССР, хотя, на наш взгляд, целый ряд их аргументов выглядит достаточно весомо [4, с. 316–317; 5, с. 187–191]. При этом, пожалуй, лишь один из западных исследова-

телей, Э. Карр, прямо признал, что Советский Союз «был по существу федерацией», созданной «на основе соглашений между формально равными суверенными государствами» [6, с. 322]. Подавляющее большинство зарубежных и отечественных авторов определяют его как «псевдофедерацию» [7, с. 66; 8, р. 53], настаивая на фактически унитарном строении советского государства, и в доказательство своего тезиса также приводят убедительные аргументы [9, с. 162–168; 10, с. 314–316]. В то же время многие из них указывают, что это было унитарное государство особого рода, с определенными элементами федерализма, или прямо называют его «унитарной федерацией» [11; 12, с. 48]. Разновидностью этой точки зрения является подход, согласно которому Советский Союз, обладая некоторыми чертами конфедерации, благодаря формальному закреплению в советских конституциях права сепарации (свободного выхода) союзных республик из состава СССР, был все же ближе к унитарному государству [13, с. 636; 14, с. 79; 15, с. 23] и представлял тем самым квазиконфедерацию [16, с. 12]. Крайне парадоксальным выглядит вывод, что «В. Ульянов и его соратники создали рыхлую конфедерацию с жесткой партийной дисциплиной» [17, с. 124]. В итоге в качестве некоторого обобщения сложилась концепция, согласно которой в государственном устройстве СССР присутствовали элементы федерализма и конфедерализма при «устойчивой тенденции к унитарной форме» [18, с. 311]. В соответствии с этим по аналогии со смешанными формами правления В.А. Рыбаков по результатам собственного анализа территориального устройства советского государства пришел к выводу, что оно включало в себя черты унитарного государства, федерации, конфедерации и империи и обладало «нетипичной», «смешанной» формой государственного устройства [19, с. 6–12; 20, с. 91–103].

Представляется, что в большей или меньшей степени доля истины содержится во всех этих утверждениях, но их противоречивость, а иногда кажущиеся нелогичность и непоследовательность свидетельствуют о

том, что ни один из указанных подходов не объясняет политико-правовой природы государственного устройства СССР, хотя две последние точки зрения ближе всего к ее объяснению. В политико-территориальной организации Советского Союза, действительно, можно найти элементы унитаризма, федерализма, автономии и конфедерализма, а также достаточно стойкую тенденцию к унитаризму и централизации управления.

Однако наиболее адекватной является точка зрения, высказанная в отечественной и зарубежной исторической и политологической литературе, согласно которой СССР являлся продолжателем и наследником российской имперской традиции и обнаруживал в своей организации явные признаки соответствия идеальному типу империи [21, с. 56–74; 22, с. 182–183; 23, с. 448–536; 24; 25, с. 24]. После разрушения Российской Империи в 1917 году большевики, действительно, попытались «ввести» федерацию и предложили принципиально новые парадигмы организации российского гео- и этнополитического пространства. Но эти парадигмы оказались нежизнеспособными. По этой причине восстановление российской государственности, осуществляемое в новой, превращенной, советской форме, неизбежно повлекло за собой возрождение прежних, имперских механизмов и установок – иной альтернативы не было [22, с. 186–187]. Изменилась идеология, поменялись термины, внешний облик, политико-правовая оболочка государства, но суть осталась прежней. Более того, СССР оказался «самым выразительным примером гигантской континентальной империи», интегрирующей «различные континентальные территории, евразийские этносы и культуры» [26, с. 613]. Именно имперский характер советской государственности обусловил своеобразное сочетание конфедерализма, федерализма и автономии при устойчивой тенденции к унитаризму, что как раз и свойственно государственному устройству империй, особенно континентальных [27, с. 270–271; 28, с. 210–220].

СССР возник как результат революции и распада Российской империи, необхо-

димости преодоления их разрушительных последствий и восстановления российской государственности в обновленной социалистической форме. Процесс формирования СССР стал выходом из катастрофы прежней имперской государственности, основной причиной которой стали развитие капитализма в России и ее превращение в периферийную страну капиталистической мировой системы (фактически в ее полуколонию) со всеми свойственными ей неразрешимыми внутренними противоречиями [29, с. 266–331]. Другой важной причиной стали внешнеполитические факторы. На протяжении конца XIX – начала XX вв. Российское государство постепенно геополитически слабело, замыкаясь на своих внутренних проблемах, одновременно проводя авантюрную внешнюю политику, что повлекло поражение в войне с Японией и вступление в Первую мировую войну, приведшую к гибели монархии. В результате в условиях сложившейся в стране революционной ситуации периферийные окраины России начали тяготеть к сепаратизму и отходу от нее.

Однако, с распадом Империи имперское сознание основной части российского населения никуда не ушло. Цивилизационная несовместимость России с классическими западными институтами, которые пытались внедрить Временное правительство, проявилась гораздо раньше Октябрьской Революции. Невозможность оформления буржуазно-демократической республики во многом стимулировала активность большевистской партии, хотя и выступающей с марксистских позиций, но все-таки ментально находящейся в ценностно-смысловом поле российской цивилизации и исходящей фактически из необходимости строительства глобальной империи социалистического типа, откуда проистекли марксистская теория мировой революции и, соответственно, уверенность В. И. Ленина, что именно «Соединенные Штаты мира являются необходимой государственной формой объединения и свободы наций», которая связывалась им исключительно с социализмом, «пока полная победа коммунизма не приведет к оконча-

тельному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства» [30, с. 354]. Однако термин «империя» не мог быть использован для этого глобального социалистического государства, поскольку он в политико-правовом лексиконе социал-демократии имел исключительно негативный оттенок, практически отождествляясь с капиталистической колониальной экспансией.

Не вызывает сомнений искренность Владимира Ильича в желании установить федеративную форму в Советской России, а затем и Советском Союзе. Не случайно в Декларации об образовании СССР, принятой 30 декабря 1922 г., выражалась надежда, что Союз станет «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» [31], что логично вытекало из основной программной цели РКП (б) – осуществления мировой революции в качестве необходимой предпосылки построения на всей планете глобального коммунистического общества. В этом аспекте федерация рассматривалась как наиболее подходящая конструкция перехода к добровольному слиянию наций [32, с. 76], а объединение государств, организованных по советскому типу, – как одна из переходных форм на пути к их полному единству [33, с. 202]. Это предопределило и то предпочтение, которое было отдано при образовании СССР в 1922 году ленинской концепции договорной (союзной) федерации в противовес сталинскому плану «автономизации», по которому все образованные на тот момент советские республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономных образований. При этом, И. В. Сталин в целом принял идею договорного объединения советских республик, официально выступил «в качестве отца-основателя нового государства» [34, с. 389] и стал автором Декларации об образовании СССР [35, с. 155]. Лишь несколько позже он стал автором теории строительства социализма в одной стране, никогда не отказываясь при этом от идеи строительства коммунизма, под общим руководством Советского Союза и его Комму-

нистической партии в мировом масштабе. Об этом определенным образом свидетельствуют отказ Сталина исключить из проекта Конституции СССР 1936 г. положение о праве свободного выхода союзных республик из состава СССР [36, с. 161] и его последняя теоретическая работа, где он допустил возможность построения коммунизма в СССР во враждебном капиталистическом окружении [37, с. 154–223].

Однако уже тогда наиболее проницательным политикам и политическим мыслителям было ясно, что между империей и федерацией существуют глубокие параллели и генетические взаимосвязи, проявляющиеся в наличии ряда общих признаков, потенциально способствующих переходу как от империи к федерации, так и в обратном направлении, либо позволяющие таким признакам сосуществовать в рамках федеративной империи, каковой, например, была Германская империя (1871–1918 гг.), в определенном смысле продолжившая традиции Священной Римской Империи германской нации (962–1806 гг.). По этой причине концепция развития СССР как всемирной федерации советских республик, господствующая до середины 20-х годов, ничуть не противоречила имперской природе России, но сама эта природа, не прекращая своего бытия, пребывала в латентной форме, скрывшись подобно граду Китежу под воду. Однако, когда надежды на пролетарские революции в других странах не оправдались, господствующей идеологической установкой в Советском Союзе становится сталинская концепция построения социализма в одной стране [38, с. 358–401], официально закрепленная в апреле 1925 г. на XIV конференции РКП (б) [39, с. 306–319]. После этого на первый план во внутренней политике выдвигаются задачи индустриализации промышленности и всеобщей коллективизации сельского хозяйства в целях строительства великой социалистической державы, в связи с чем к началу 30-х гг. происходят переход к традиционным для России ценностям патриотизма, только теперь советского, и возвращение к властно-имперским организационным

практикам, предполагающим радикальную централизацию управления и ограничение самостоятельности союзных республик. Во внешней политике Третий Интернационал, представляющий собой сеть коммунистических партий и движений за рубежом, был переориентирован с пробуждения революции в своих странах на деятельность в интересах оказания помощи и укрепления международного положения Советской России, став по сути инструментом по расширению зоны ее геополитического влияния в мире.

Исторические условия образования СССР наглядно показывают, что при поиске оптимальной модели государственной формы, особенно в условиях революционной ситуации, нельзя догматично противопоставлять демократию диктатуре, унитаризм – федерализму, централизацию – автономии и т. д., что хорошо продемонстрировало руководство большевистской партии. Оно искало оптимальную форму, способную обеспечить государственное единство и победу в гражданской войне, и нашло ее. Чтобы восстановить разрушенное государство и удержать в своих руках власть, лидеры большевистской партии (прежде всего, Ленин и Сталин) пошли на то, чтобы разделить территорию страны на десятки национальных единиц разного уровня и статуса, от формально суверенных союзных республик до административно автономных областей и округов, сформировать в них новую национальную элиту, развивать национальное самосознание этнических меньшинств, проводить экономическое выравнивание территорий и создавать новую, социалистическую по содержанию и национальную по форме, культуру. Эти факторы стали определяющими в победе Советской власти и восстановлении Российской империи в форме союзного социалистического государства (СССР).

Таким образом, СССР по своей политико-территориальной организации представлял собой весьма сложное и оригинальное явление, по конституционной формуле и формальным признакам – федеративное, но по многим своим качественным политико-правовым характеристикам и конститу-

тивным интенциям – имперское. СССР, как в свое время Германская Империя и США в XX в., был ярким представителем одновременно и федеративной, и имперской государственности, классическим образцом федеративной централизованной империи. Весьма показательным в этой связи, что два самых больших по пространственной протяженности, военной мощи и экономическому потенциалу государства XX века – СССР и США, – которые достаточно часто в научной литературе квалифицируются как империи, являлись федерациями. Однако, в отличие от организации верховной власти США, во многом косвенной по отношению к своим сателлитам и децентрализованной относительно субъектов федерации и муниципалитетов, в СССР господствовал принцип ее единства, а официальная верховная власть всегда совпадала с реальной, вернее она и была ею, в отличие от тех же США, где несмотря на демократический фасад, она осуществляется по сути полуконспиративными структурами, являясь тайной и закулисной, а потому не вполне публичной, чем и было вызвано в конце концов появление в зарубежной публицистике и политологии концепции глубинного государства («deep state») [40, с. 43–60].

Осуществление управления СССР на основе однопартийной системы превратило правящую Коммунистическую партию в политическую структуру, сплачивающую республики Советского Союза в единое государственное целое. В связи с этим привилегии фактического суверенитета при принятии важнейших общегосударственных решений на протяжении всего существования СССР принадлежали в стране высшим организационным структурам партии: Центральному Комитету (далее – ЦК), Политбюро ЦК, Оргбюро ЦК, имплантированным в государственный аппарат или стоявшим над ним и игравшим роль последней решающей инстанции. Это было возможным, поскольку высшие государственные руководители являлись одновременно членами Политбюро и ЦК КПСС, и наоборот, – ведущие партийные функционеры являлись од-

новременно депутатами высших представительных органов и занимали министерские кресла. В состав Политбюро всегда входили: Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета Министров СССР, министр обороны, министр иностранных дел, а иногда и руководитель службы безопасности. Верховная власть в Советском Союзе принадлежала высшим партийным органам, представляя собой нечто вроде коллективного, олигархического самодержавия, которое периодически довольно легко превращалась в индивидуальное: партийный лидер (Генеральный секретарь ЦК), нередко занимающий и высшие государственные должности Председателя правительства (В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев) или Председателя Президиума Верховного Совета (Л. И. Брежнев), де-факто превращался в единоличного диктатора, «красного монарха». Однако, несмотря на не вполне правовой характер (так как формально-юридически высшим органом государственной власти признавался Верховный Совет СССР), партийное самодержавие имело вполне легальный, почти официальный характер с попытками узаконить такое положение конституционно. Статус правящей партии был закреплен фактически конституционно: в ст. 126 Конституции СССР 1936 г. Коммунистическая партия провозглашалась «руководящим ядром» государственных и общественных организаций трудящихся, а в ст. 6 Конституции СССР 1977 г. КПСС признавалась руководящей и направляющей силой всего советского общества. При этом высшие партийные органы не скрывали своего фактического верховенства, не делали из себя криптократию, открыто играя роль последней инстанции при принятии важнейших государственных решений на всех территориальных уровнях осуществления публичной власти и управления.

Начиная с конца XV в. и вплоть до революции 1917 г., верховная власть в России существовала в форме самодержавной монархии, которая по существу своему никак не могла быть юридически ограничена или разделена, и эта традиция единоличной и

централизованной власти была в целом сохранена и в Советском Союзе. По-видимому, только такое централизованное и во многом квази-федеративное государство и могло обеспечить в постреволюционной ситуации сохранение российской государственности как таковой. Характерно, что в целом СССР оказался ментально «своим» для широких слоев населения страны, в том числе и в национальных окраинах, которое восприняло процессы формирования советского государства на основе модернизированного варианта марксизма (ленинизма-сталинизма) в границах бывшей Российской империи в качестве восстановления российской государственности, причем на уровне народной толщи в первые годы советской власти даже не были осознаны принципиальные отличия новых форм правления, политического режима и политико-территориального устройства от прежних – имперских.

Наиболее ярко имперский характер советского государства проявился после Второй мировой войны, когда политика СССР приобрела ярко выраженные экспансионистские черты. По ее итогам, наряду с США, СССР стал супердержавой с собственной зоной политического влияния практически на всех континентах земного шара. Масштабы политического влияния Советского Союза простерлись далеко за его официальные государственные границы. Важнейшим событием общемирового значения в этом аспекте стали народно-демократические революции в ряде стран Европы, Азии и в Центральной Америке, превратившие их в страны социалистического содружества во главе с СССР: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия, Вьетнам, Китай, Северная Корея в 40-х годах, еще ранее, в начале 20-х гг., – Монголия, в конце 50-х гг. – Куба, в средние 70-х гг. – Лаос, в конце 70-х – Никарагуа. В значительной мере их политическая ориентация на СССР и установление социалистического общественного строя произошли благодаря политической и военной помощи СССР. Выход социалистической модели за рамки одной

страны заложил основы для возникновения государственного сообщества, получившего название «мировая система социализма» (МСС). В конце 80-х гг. XX в. в ее состав входили 15 государств, занимавших 26,2 % территории земного шара и насчитывающих 32,3 % его населения [41]. Все эти государства формально юридически не являлись составными частями СССР, но фактически были частями советской социалистической империи, выступая ее дальней периферией.

Для координации их деятельности и в противовес складывающимся международным организациям блока капиталистических государств, где фактическое руководство принадлежало США (НАТО – 1949 г.; Европейское объединение угля и стали, ставшее предшественником Евросоюза, – 1951 г. и др.), Советским Союзом были созданы конфедеративные объединения экономического и военно-политического характера. В январе 1949 г. с целью укрепления экономических и научно-технических связей стран социалистического лагеря образовался Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). В мае 1955 г. был создан военно-политический союз социалистических стран – Организация Варшавского договора (ОВД). С помощью этих организаций советское руководство контролировало внутреннюю и внешнюю политику восточноевропейских и других социалистических государств.

Кроме того, в зоне политического влияния СССР находились страны социалистической ориентации. Этот термин был принят в советской официальной политической риторике и научной литературе для обозначения государств, освободившихся от колониальной зависимости (другой термин – развивающиеся страны) и вступивших на путь строительства социализма, что официально отражалось в документах правящих в них партий и находило определенное практическое воплощение в проводимых там социально-экономических преобразованиях. Такое наименование предполагало, что указанные государства находятся на пути построения социализма, их политический и социальный строй несет в себе его отдель-

ные признаки, но на текущем этапе исторического развития считать их социалистическими еще преждевременно. В западной печати политические порядки, установившиеся в этих странах, называли не иначе как «просоветскими режимами», и в этом была большая доля истины. Среди них можно выделить две группы. К первой относятся страны «последовательной» социалистической ориентации, где у власти находились партии, называвшие себя марксистско-ленинскими: Ангола, Афганистан, Никарагуа, Сомали и др. Ко второй – страны, придерживавшиеся немарксистских теорий социализма и получившие название «страны, идущие по некапиталистическому пути развития». К ним обычно относятся Алжир, Ливия, Сирия, Чили (при президенте С. Альенде) и др. Все их вполне можно рассматривать как лимитрофы, буферные (пограничные) зоны советской империи, которые СССР стремился поставить под свой контроль и сделать плацдармом для дальнейшей политической, идеологической и экономической экспансии.

Таким образом, за время своего существования СССР оброс разнообразными периферийными и лимитрофными зонами, достигнув немыслимых для царской России успехов в экспансии и размеров своего геополитического влияния, превратившись в одну из двух сверхдержав. Все выше сказанное позволяет сделать вывод, что Советское государство обладало достаточным набором политико-правовых признаков, позволяющих отнести его к империям.

Во-первых, СССР представлял собой особую политико-территориальную форму существования евразийской (российской) цивилизации, что по мнению С. Н. Бабурина характерно именно для имперских организмов [42, с. 120]. Он занимал огромное территориальное пространство, «шестую часть земли», являясь самым большим по территории и чуть ли не самым многообразным по этно-конфессиональному составу, государством мира.

Во-вторых, в этническом и политико-административном пространстве, занимаемом

и контролируемом СССР, достаточно четко выделяются: правительственный центр; паттерн, как неотчуждаемое ядро, центральная зона, обеспечивающая его устойчивость и воспроизводство (территория Российской Федерации); ближняя (союзные республики) и дальняя (страны социалистического содружества) периферия и лимитрофы, или фронтир (страны социалистической ориентации и молодые государства, выбравшие некапиталистический путь развития). Именно такая геополитическая структура во все времена была свойственна большим имперским организмам и четко прослеживается в политико-территориальной организации СССР. Причем отношения власти и управления между всеми субъектами внутренней и внешней геополитики Союза напоминают строение вертикально-диагональной оси, от центра к периферии, описанной А. Мотылем [25, с. 33–37], а «три круга внешней периферии», куда часто относят и страны фронта, придавали советской империи поистине «глобальный масштаб» [43, с. 136].

В-третьих, в государственно-территориальном устройстве СССР и в зоне его геополитического влияния разные периферийные образования обладали по отношению к его верховной власти различными правовыми статусами, а их фактическое положение далеко не всегда находило отражение в писаном законодательстве Союза или в его международных пактах. Тем самым во внутренней структуре СССР сочетались элементы автономии, федерализма и конфедерализма при стойкой тенденции к унитаризму, что является основным государственно-правовым признаком империи [27, с. 274; 28, с. 221–219]. Даже с формально-правовой точки зрения номинально суверенные социалистические страны находились под косвенным управлением верховной власти Советского Союза, которая выступала по отношению к ним в качестве гегемона в сфере идеологии, военно-политической и финансово-экономической деятельности. А по отношению к государствам социалистической ориентации и странам идущим по некапиталистическому пути развития СССР пред-

ставлял собой, по терминологии М. Манна, неформальную империю [44, с. 26–28], контролируя их посредством использования механизмов «мягкой силы», построенных в основном на продвижении своих культурных, идеологических и политических ценностей. Таким образом, в отношениях СССР со своими союзниками, протекторатами и сателлитами можно обнаружить родовой признак имперского суверенитета, охарактеризованный Ч. Тилли как господство непрямых форм и методов осуществления верховной власти по отношению к подавляющей или значительной части периферии [45, р. 3].

В-четвертых, характер взаимоотношения центральной и периферийной элит в СССР по крайней мере в годы его наивысшего развития и наибольшего влияния в мире в целом удовлетворял имперским критериям, хотя и имел свои особенности. Здесь практически была решена основная проблема эффективного управления империей («кооптация представителей локальных элит в состав центральной и удержание их таким образом под контролем» [22, с. 187–188]). Политико-административная и правовая организация Советского Союза опиралась в целом на представителей русского народа, который был государствообразующим, стержневым имперским этносом на протяжении всей истории России, и именно его цивилизационно-культурные характеристики (язык, обычаи, традиции, нравы, право и др.) были господствующими, определяли стереотипы поведения и обуславливали структуру общественных отношений, экономический уклад и организацию власти и управления в СССР. Несмотря на это, здесь существовало юридическое и во многом фактическое равноправие между представителями различных этносов и социальных слоев, поскольку советская образовательная система сумела создать общество, практически ликвидировавшее культурную пропасть между различными национальными и социальными группами населения. Не случайно Д. Ливен связывал многие успехи Советского Союза с сформированием там новой надэтнической идентичности [23, с. 472–473], получившей

в Преамбуле Конституции СССР 1977 г. наименование «новая историческая общность людей – советский народ».

В-пятых, идеократический характер советского государства, который проявлялся в том, что все сферы общественной жизни Советского Союза и других социалистических стран всецело или в очень значительной степени определялись коммунистической идеологией, которой была придана форма универсальной (квази)религии. Ее фундаментальные постулаты выступали как высшие социально-нравственные ценности и по этой причине являлись основными регуляторами всех общественных отношений, с которыми должны были соотноситься политика и право. Кроме того, так же, как в традиционных империях прошлого, в СССР параллельно с марксистско-ленинской догматикой в сталинский период формировалась и созревала собственная, самостоятельная имперская идентичность со своей метафизикой и комплексом особых советских святынь. Это способствовало признанию за партийными и государственными лидерами СССР (прежде всего, Ленином и Сталином) со стороны населения союзных республик и социалистических стран, включая их элиту, особой сакральности и трансцендентной силы, откуда и происходило восприятие имперской по существу и содержанию власти Советского Союза не как произвола и насилия, а как сверхличностной функции, олицетворяющей идею построения бесклассового коммунистического общества, аналога Царства социальной справедливости, рая на земле для всех трудящихся.

В-шестых, СССР позиционировал себя как носителя особой цивилизационной миссии, которая прямо вытекала из идеократического характера советского государства и социалистической государственности в целом. По своему глубинному содержанию эта миссия была попыткой воплощения, претерпевшей секулярную трансформацию идеи «Москва – Третий Рим». Только теперь Третий Рим стал столицей Третьего коммунистического Интернационала, а средневековая идея религиозного спасения через истинную Веру «была заменена на

миссию построения коммунизма во всем мире, отправляясь от уникального исторического опыта русского социалистического государства» [26, с. 621]. Эта миссия не претерпела больших изменений и после того, как у советских лидеров рухнули надежды на мировую революцию и на первый план выдвинулась сталинская стратегия построения социализма в одной стране. Сталину в достаточно короткий срок удалось произвести российскую национализацию коммунистического учения, которое стало «русской национальной идеей» [46, с. 118]. Отождествив Запад с буржуазией и капитализмом, Советская Россия постепенно превратилась в новое издание могущественной евразийской империи, а ее противостояние с капиталистическим миром во главе с США стало «кульминационной стадией «великой войны континентов», битвы между сухопутным Бегемотом и морским Левиафаном» [47, с. 398] в терминологии К. Шмитта [48, с. 581].

Господство квазирелигиозного сознания в Советском Союзе, вполне характерное для этапа перехода от традиционного общества к индустриальному, позволило русской цивилизации не только сохранить себя в сложнейших военно-политических условиях XX в., но и эффективно решить задачу модернизации Большой России без утраты культурной идентичности ее народами. Во многом именно коммунистическая идеология и советский менталитет населения позволил пройти СССР в своем развитии путь от почти полностью разрушенного постреволюционного государства до великой сверхдержавы, одного из центров (наряду с США) биполярного мира, «соучредителя» послевоенной (ялтинской) системы мироустройства. В начале 90-х гг. XX в. советская квазирелигия сошла с исторической сцены, но создала возможности для органичного синтеза традиционализма и модернизма на постсоветском пространстве, что, в свою очередь, создает перспективы для возвращения современной России на то место, которое она последние столетия занимала в мировой геополитике, но утратила за несколько лет после распада СССР.

Поэтому, глядя по многим внешним параметрам историческим разрывом с Санкт-Петербургской Империей, Советское государство с точки зрения логики русской истории и своего имперского политико-правового содержания явилось необходимым звеном в эволюции российской государственности, представляя собой совершенно закономерную фазу ее развития. По сути, советский проект имел в своей основе имперскую геополитическую природу.

Однако нынешним державникам-патриотам, ратующим за восстановление нового варианта российской империи, необходимо помнить, что СССР был государством системного антикапитализма, альтернативным буржуазной колониальной государственности имперским проектом, на протяжении полувека владевшим стратегической инициативой в противостоянии с мировым капитализмом, которое, как считают многие аналитики, вполне могло завершиться его победой. А попытка совместить в России империю с капиталистической социально-экономической системой была буквально за полвека провалена в конце XIX – начале XX вв.

СССР рухнул в апогее своего политического могущества, имея вполне конкурентную экономику и развитое общество с высоким уровнем образования и культуры. В последние десятилетия его существования в периферийных зонах окрепли национальные элиты, получили значительную самостоятельность аппараты компартий союзных республик и стран социалистического содружества, которые стали пренебрегать интересами имперского ядра и советской империи

в целом. Это дает основание целому ряду авторов утверждать, что основной причиной гибели СССР была его международная и внутренняя национальная политика, которая привела к формированию этнически-наследственных властных кланов в странах народной демократии, союзных и автономных республиках Союза ССР, что стало причиной подъема в них «националистических» настроений и роста центробежных процессов. Все это имело место точно так же, как и идеологическое противостояние и геополитическая конкуренция с Западом, запаздывание с ответами на новые технологические вызовы, перенапряжение в гонке вооружений с США и в помощи многочисленным «союзникам» по социалистическому лагерю и странам социалистической ориентации.

Однако основная причина гибели советской империи заключалась в первую очередь в отказе от социалистического пути развития, что позволило СССР построить великую державу и выиграть Великую Отечественную войну. Решающим фактором, предопределившим поражение Советского Союза в «холодной войне» с коллективным Западом, явилось не его имперское по сути и политической форме государственно-территориальное устройство, а постепенный переход после смерти И. В. Сталина к олигархической системе власти и управления и как результат – перерождение, прежде всего, центральной партийно-правительственной элиты, подпавшей под влияние западных ценностей, утратившей цивилизационную российскую идентичность и изменившей делу строительства социализма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.09.2022).
2. Фурсов А. И. Коммунизм как понятие и реальность // Русский интерес. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. С. 220–255.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. М. : Зерцало, 1997. С. 444–479.

4. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М. : Норма, 2010. 672 с.
5. Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года : учебное пособие. М. : ИКД «Зерцало-М», 2004. 224 с.
6. Карр Э. История Советской России. Книга 1. Большеви́стская революция 1917–1923. Т. 1–2. М. : Прогресс, 1990. 763 с.
7. Ившина И. Н. Создание федеративного государства. Сравнительно-правовое исследование. М. : Юрлитинформ, 2014. 321 с.
8. Pipes R. Russia's shuddering Empire // New Representative. Washington, 1989. Vol. 201. No. 19. P. 51–68.
9. Глигич-Золотарева М. Г. Правовые основы федерализма. М. : Юристъ, 2006. 422 с.
10. Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ) : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Юрист, 2000. 344 с.
11. Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М. : Московская школа политических исследований, 2008. 144 с.
12. Кузеев Р. Г. Национальные движения и федерализм в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 45–58.
13. Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России : в 3 т. Т. 1. М. : Профобразование, 2001. 799 с.
14. Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург : Издательство Уральской государственной юридической академии, 1994. 126 с.
15. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья вторая. Стратегическая ошибка советской федерализации как рефлексия в отношении имперского устройства // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 10–23.
16. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья первая // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 10–17.
17. Александров-Деркаченко П. П. Европейская школа федерализма // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 118–129.
18. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А. Конституционное право Российской Федерации : курс лекций. М. : ООО «Полиграф Опт», 2004. 384 с.
19. Рыбаков В. А. Смешанная форма государственного устройства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4 (37). С. 6–12.
20. Рыбаков В. А. Форма Советского государства. М. : Инфра-М, 2020. 191 с.
21. Зубов А. Б. Советский Союз: из империи в ничто? // Полис. 1992. № 1–2. С. 56–74.
22. Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 256 с.
23. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М. : Европа, 2007. 688 с.
24. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 663 с.
25. Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М. : Изд-во Моск. школы полит. исслед., 2004. 248 с.
26. Дугин А. Г. Мыслить пространством // Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М. : АРКТОГЕЯ-Центр, 1999. С. 579–892.
27. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М. : Книгодел, 2009. 468 с.
28. Грачев Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика : учебное пособие. Волгоград : ВА МВД России, 2020. 524 с.
29. Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. История России: миросистемный анализ. М. : ЛЕНАНД, 2014. 432 с.
30. Ленин В. И. О лозунге Соединенных штатов Европы // Полное собрание сочинений. Т. 26. М. : Политиздат, 1969. С. 351–355.
31. Декларация I Съезда советов СССР об образовании Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 г. // URL: <https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1922.html> (дата обращения: 01.09.2022).

32. Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 70–76.
33. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) : принята VIII съездом партии 18–23 марта 1919 г. // URL: <http://agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (дата обращения: 01.09.2022).
34. Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. Т. 1 (1879–1924). Тверь : Северная корона, 2004. 736 с.
35. Сталин В. И. Об объединении советских республик : доклад на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. // Сочинения. Т. 5. М. : ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. С. 145–155.
36. Сталин В. И. О проекте Конституции Союза ССР // Сочинения. Т. 14. Тверь : Информационно-издательский центр «СОЮЗ», 2007. С. 137–169.
37. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сочинения. Т. 16. М. : Издательство «Писатель», 1997. С. 154–223.
38. Сталин И. В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов // Сочинения. Т. 6. М. : ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. С. 358–401.
39. О задачах Коминтерна и РКП (б) в связи с расширенным пленумом ИККИ : резолюция XIV конференции РКП (б) // Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической Партии большевиков (стенографический отчет). М.-Л. : Государственное издательство, 1925. С. 306–319.
40. Понкин И. В. Концепт глубинного государства («deep state») // Право и государство. 2019. № 3 (84). С. 43–60.
41. Мировая система социализма и ее распад // URL: https://studref.com/314347/istoriya/mirovaya_sistema_sotsializma_raspad (дата обращения: 01.09.2022).
42. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 769 с.
43. Шишков В. В. Политика Советского Союза как имперский проект // Полития. 2013. № 2 (69). С. 129–141.
44. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция. 1890–1945 годы. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 696 с.
45. Tilli Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires / edited by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder, Colo; Oxford : Westview Press, 1997. P. 3–13.
46. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
47. Дугин А. Г. Геополитика России : учебное пособие для вузов. М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2012. 523 с.
48. Шмитт К. Земля и море. Рассказ для моей дочери // Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. С. 573–639.

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Access from the ConsultantPlus legal system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
2. Fursov A. I. Communism as a concept and reality // Russian interest. М. : Fellowship of scientific publications of KMK, 2014. P. 220–255. (In Russ.)
3. The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977 // Reader on the history of the domestic state and law. 1917–1991. М. : Zertsalo, 1997. С. 444–479. (In Russ.)
4. Sinyukov V. N. Russian legal system. Introduction to General Theory. М. : Norma, 2010. 672 p. (In Russ.)
5. Chistyakov O. I. The Constitution of the USSR of 1924: a textbook. М. : IKD «Zertsalo-M», 2004. 224 p. (In Russ.)

6. Carr E. History of Soviet Russia. Book 1. The Bolshevik Revolution 1917–1923. T. 1–2. M. : Progress, 1990. 763 p. (In Russ.)
7. Ivshina I. N. Creation of a federal state. Comparative legal research. M. : Yurlitinform, 2014. 321 p. (In Russ.)
8. Pipes R. Russia's shuddering Empire // New Representative. Washington, 1989. Vol. 201. No. 19. P. 51–68. (In Russ.)
9. Gligich-Zolotareva M. G. Legal foundations of federalism. M. : Yurist, 2006. 422 p. (In Russ.)
10. Federalism: theory and history of development (comparative legal analysis) : textbook. allowance / otv. ed. M. N. Marchenko. M. : Lawyer, 2000. 344 p. (In Russ.)
11. Zakharov A. Unitary Federation. Five studies on Russian federalism. M. : Moscow school of political research, 2008. 144 p. (In Russ.)
12. Kuzeev R. G. National movements and federalism in Russia // Ethnographic Review. 1993. No. 6. P. 45–58. (In Russ.)
13. Bezuglov A. A., Soldatov S. A. Constitutional law of Russia : in 3 volumes. T. 1. M. : Vocational education, 2001. 799 p. (In Russ.)
14. Kokotov A. N. Russian nation and Russian statehood. Yekaterinburg : Publishing House of the Ural State Law Academy, 1994. 126 p. (In Russ.)
15. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Why the reasons for the collapse of the USSR should be sought before the formation of the USSR. Article two. The strategic mistake of Soviet federalization as a reflection on the imperial structure // Management consulting. 2020. No. 12. P. 10–23. (In Russ.)
16. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Why the reasons for the collapse of the USSR should be sought before the formation of the USSR. Article one // Management consulting. 2020. No. 10. P. 10–17. (In Russ.)
17. Aleksandrov-Derkachenko P. P. European school of federalism // Modern Europe. 2016. No. 4 (70). P. 118–129. (In Russ.)
18. Avdeenkova M. P., Dmitriev Yu. A. Constitutional law of the Russian Federation: a course of lectures. M. : Polygraph Opt LLC, 2004. 384 p. (In Russ.)
19. Rybakov V. A. Mixed form of government // Bulletin of the Omsk University. Series «Right». 2013. No. 4 (37). P. 6–12. (In Russ.)
20. Rybakov V. A. The form of the Soviet state. M. : Infra-M, 2020. 191 p. (In Russ.)
21. Zubov A. B. The Soviet Union: from empire to nothing? // Polis. 1992. № 1–2. P. 56–74. (In Russ.)
22. Kaspé S. I. Empire and modernization: General model and Russian specifics. M. : Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2001. 256 p. (In Russ.)
23. Liven D. The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present day. M. : Europe, 2007. 688 p. (In Russ.)
24. Martin T. Empire of positive activity. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939. M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN): B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011. 663 p. (In Russ.)
25. Motyl A. Ways of empires: decline, collapse and revival of imperial states. M. : Publishing house Mosk. political schools. issled., 2004. 248 p. (In Russ.)
26. Dugin A. G. Thinking in space // Fundamentals of geopolitics. Geopolitical future of Russia. Think in Space. M. : ARCTOGEYA-Center, 1999. P. 579–892. (In Russ.)
27. Grachev N. I. State sovereignty and forms of territorial organization of the modern state: main patterns and development trends. M. : Knigodel, 2009. 468 p. (In Russ.)
28. Grachev N. I. Forms of government in the modern world: fundamentals of theory and constitutional and legal practice : textbook. Volgograd : VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 524 p. (In Russ.)
29. Kagarlitsky B. Yu., Sergeev V. N. History of Russia: world-system analysis. M. : LENAND, 2014. 432 p. (In Russ.)
30. Lenin V. I. On the slogan of the United States of Europe // Complete Works. T. 26. M. : Politizdat, 1969. P. 351–355. (In Russ.)
31. Declaration of the First Congress of Soviets of the USSR on the formation of the Union of Soviet Socialist Republics on December 30, 1922 // URL: <https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1922.html> (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
32. Lenin V. I. Draft draft of the program // Lenin V. I. Poln. coll. op. T. 36. M. : Politizdat, 1969. P. 70–76. (In Russ.)

33. Program of the Russian Communist Party (Bolsheviks): adopted by the VIII Party Congress on March 18–23, 1919 // URL: <http://agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
34. Kapchenko N. I. Political biography of Stalin. T. 1 (1879–1924). Tver: Severnaya Korona Publ., 2004. 736 p. (In Russ.)
36. Stalin V. I. On the draft Constitution of the USSR // Works. T. 14. Tver: Information and Publishing Center «SOYUZ», 2007. P. 137–169. (In Russ.)
37. Stalin I. V. Economic problems of socialism in the USSR // Works. T. 16. M. : Publishing house «Pisatel», 1997. P. 154–223. (In Russ.)
38. Stalin I. V. The October Revolution and the tactics of Russian communists // Works. T. 6. M. : OGIZ; Gospolitizdat, 1947. P. 358–401. (In Russ.)
39. On the tasks of the Comintern and the RCP (b) in connection with the expanded plenum of the ECCI: resolution of the XIV conference of the RCP (b) // Fourteenth conference of the Russian Communist Party of Bolsheviks (verbatim report). M.-L. : State Publishing House, 1925. P. 306–319. (In Russ.)
40. Ponkin I. V. The concept of the deep state («deep state») // Law and State. 2019. No. 3 (84). P. 43–60.
41. The world system of socialism and its collapse // URL: https://studref.com/314347/istoriya/mirovaya_sistema_sotsializma_raspad (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
42. Baburin S. N. World of empires: the territory of the state and the world order. SPb. : Legal Center Press, 2005. 769 p. (In Russ.)
43. Shishkov V. V. Policy of the Soviet Union as an imperial project // Politiya. 2013. No. 2 (69). P. 129–141. (In Russ.)
44. Mann M. Sources of social power: in 4 vols. T. 3. Global empires and revolution. 1890–1945 Moscow : Delo Publishing House, RANEPА, 2018. 696 p. (In Russ.)
45. Tilli Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires / edited by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder, Colo; Oxford : Westview Press, 1997. P. 3–13. (In Russ.)
46. Berdyaev N. A. The origins and meaning of Russian communism. M. : Nauka, 1990. 224 p. (In Russ.)
47. Dugin A. G. Geopolitics of Russia : textbook for universities. Moscow : Academic Project; Gaudeamus, 2012. 523 p. (In Russ.)
48. Schmitt K. Land and Sea. A story for my daughter // Nomos of the land in the law of peoples jus publicum europaeum. SPb. : Vladimir Dal, 2008. P. 573–639. (In Russ.)

Информация об авторе:

Грачев Н. И., доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

Grachev N. I., Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 340.114:101.1

ЗАКОН И ВОЛЯ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ТИП ПРАВОПОНИМАНИЯ

Карлен Ашотович Даллакян

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, dak58@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь права, закона и воли в различных парадигмах правопонимания. Раскрывается сущность закона как эманации воли субъектов различных уровней: природы, государства, общества, личности. Анализируя особенности эпохи современного цифрового глобализма, автор наряду с существующими тремя типами правопонимания предлагает признать новую парадигму – гуманистическую, рассматривающую право как меру человечности. Гуманизация отношений между социальными субъектами включает в себя и оптимизацию их отношения к природной и социокультурной среде, поэтому в статье говорится о необходимости нового энвайроментально-гуманистического типа правопонимания. Право, в отличие от закона как воли тех или иных социальных субъектов, является отражением их потребности не столько в свободе и формальном равенстве, сколько в потребности человека быть человеком и жить в человеческом обществе. Поэтому право раскрывается в статье не просто как мера свободы и справедливости, а как мера человечности.

Ключевые слова: воля, закон, право, право genesis, правопонимание, гуманизм, человечность, государство, свобода, справедливость

Для цитирования: Даллакян К. А. Закон и воля: гуманистический тип правопонимания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 26–33.

Original article

LAW AND WILL: THE HUMANISTIC TYPE OF LEGAL UNDERSTANDING

Karlen A. Dallakian

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, dak58@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship of law, law and will in various paradigms of legal understanding. The essence of the law is revealed as an emanation of the will of various levels subjects: nature, state, society, personality. Analyzing the features of the era of modern digital globalism, the author, along with the existing three types of legal understanding, proposes to recognize a new paradigm – humanistic, considering law as a measure of humanity. The humanization of relations between social subjects also includes the optimization of their relationship to the natural and socio-cultural environment, therefore, the article talks about the need for a new environmental-humanistic type of legal understanding. Law, in contrast to the law, as the will of certain social subjects, is a reflection of their need not so much for freedom and formal equality as for the human need to be human and live in a human society. Therefore, the right is revealed in the article not just as a measure of freedom and justice, but as a measure of humanity.

Keywords: will, law, right, legal genesis, legal understanding, humanism, humanity, state, freedom, justice

For citation: Dallakian K. A. Law and will. The humanistic type of legal understanding // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 26–33.

Одним из основных предназначений философии права является «разотождествление» права как феномена и его субъективно-

го понимания. Суть философии собственно и состоит в преодолении «земной гравитации» мысли, подъеме ее во вселенские про-

© Даллакян К. А., 2022

сторы, освобождении не только от личностной, социокультурной, но порой и видовой субъективности. Это практически нереализуемая задача, поэтому и истинных философов за всю человеческую историю можно пересчитать по пальцам. Если в философии вообще подобная субъективация реальности обычно влияет в основном на жизнь личностей, то в случае с философией права трансформируется жизнь общества, государства, а иногда и человечества в целом.

Мы предлагаем рассмотреть социокультурное влияние не только когнитивных, но и поведенческо-волевых искажений правовой реальности, о которых специальная научная литература практически безмолвствует. Между тем, такие понятия, как «закон», «право», «государство», «справедливость», «свобода» непосредственно связаны с понятием «воля», то или иное понимание которого меняет тип правопонимания, да и всю правовую реальность. Неоднозначное толкование феномена воли в отечественной и мировой науке в целом превращает наше исследование в трудоемкую и не гарантированную успехом попытку разобраться в этой многосложной проблеме.

Начнем с общепринятого положения о существовании трех типов правопонимания: легистского, естественно-правового (юснатурализма) и либертарно-юридического. Общеизвестно, что легисты, то есть «законники», отождествляли право, закон и волю, считая право волей господствующего класса, возведенной в закон. Юснатуралисты рассматривали закон как проявление Божьей или Природной воли. Сторонники либертарно-юридического типа правопонимания практически сводят закон к воле граждан. Прежде всего, необходима дифференциация разноуровневых реалий, обозначаемых понятиями «закон» и «воля». Закон природы, в отличие от юридического закона как нормативно-правового акта, принятого государством, представляет собой сущностное отношение, то есть взаимосвязь и взаимозависимость явлений природы, которые всегда проявляются одинаково. Естественно, что такая взаимозависимость элементов

неслучайна и определяется системой, в то же время определяя ее. Создавая систему, элементы в дальнейшем зависят от нее, и частичные их изменения уже детерминируются необходимостью поддержания целостности системы. Можно ли В таком случае назвать закон волей системы? В определенной степени и с определенными оговорками, на наш взгляд, можно, конечно, заключая слово «воля» в кавычки. Подчеркнем, что речь идет о природном законе именно как «воле» системы, а не каких-либо ее элементов.

Воля, в нашем понимании, является не просто способностью к мобилизации человеком своих сил для реализации поставленной цели, как обычно рассматривается в специальной литературе [см. 1, с. 37]. Мобилизовать свои усилия может и человек, реализующий навязанные ему чужие цели, как это часто происходит. Это уже будет чужеволем, а не волей, так же, как и реализация человеком своих эгоистических желаний – своеволием. Истинная воля представляет собой самореализационную потенцию сущности человека, его духа, высшего «Я». Именно воля, как самореализационная способность духа, его «мускулы», как выразился Николай Рерих, делает человека человеком. Поведение социального субъекта может называться волевым лишь в случае адекватной самоидентификации, осознания им своей сущности и деятельности по ее реализации, способствующей в свою очередь реализации потребности более широкой системы, в которую входит субъект деятельности. По Этой причине мы называем волю феноменом энвайронментального отношения [2, с. 94].

В таком случае становится понятным, почему при определении права общество как система подменяется легистами представителями господствующего класса. Остальная часть общества, лишенная истинной воли, ими людьми не считается. Такое понимание подтверждается известным аристотелевским определением раба лишь как «говорящего орудия», за что великий стагирит часто подвергался упрекам: «Как можно не считать человека человеком только лишь из-за

его социального положения?!» Дело в том, что Аристотель считал говорящим орудием не раба по положению, а раба по сущности, ведь и его учитель Платон, и один из свободнейших людей Диоген, и фракиец Спартак, да и многие другие достойные люди попадали в рабство на какое-то время. Однако они не превращались в рабов по сущности, так как были свободными личностями. Так в чем же сущность раба? Не в том ли, что он признает право хозяина на владение собой, сознательно лишая себя права, а значит и человеческого достоинства?

Никто не сможет лишить человека достоинства и права быть человеком, кроме его самого. Раб – это человек, лишенный человеческой воли в истинном ее понимании. Не поэтому ли и само понятие воли весьма слабо разработано в отечественной, да и в мировой научной литературе? Порой оно сознательно или несознательно заменяется его суррогатами. Человек, лишенный истинной человеческой воли, не представляет собой безвольного в общепринятом понимании человека, как человека, не способного на поступки, реализующие его цели. Ведь раб по сущности тоже совершает поступки, реализует поставленные цели. Однако характер, сущность и субъектность этих целей требуют особого анализа. Чьи цели реализует раб? Этот вопрос не столь прост, как может показаться на первый взгляд. Попробуем разобратся.

Если мы говорим о рабе эпохи рабовладения, то по закону он является собственностью своего хозяина, он раб по положению, но мыслить самостоятельно, ставить цели и достигать их, иметь свое собственное достоинство ему никто запретить не может. Рабы по сущности существовали всегда, в любую эпоху. Самое парадоксальное, что чем больше человек стремился к свободе, тем ухищреннее становилось его порабощение: при феодализме – посредством земли, при капитализме – предприятия и денег, а в современном глобально-цифровом обществе – информации, программирующей сознание. Раньше у человека не было свободы перемещения, а сегодня – свободы мысли. Дело

отнюдь не в том, что современным людям запрещают мыслить, а в том, что в сознании большинства из них господствует информация, которая необходима хозяевам. Матрица программирует людей, производя «Смитов». В этих условиях актуализируется необходимость новой парадигмы, нового типа правопонимания – гуманистического. Право в таком типе правопонимания становится уже не мерой свободы, за которую могут выдать все, что угодно, а мерой человечности. Субъектом права в этом случае становится общество в целом, а право представляет собой волю гражданского общества.

Воле природы как предельно широкой системы, которая трактовалась различными культурами как Божья воля или воля Небес, был посвящен практически весь натурфилософский или досократический период Античной философии. Закон (Воля) и Логос (Мировой Разум) приносили порядок во Вселенную, превращая Хаос в Космос. Сократовский период античной философии поставил во главу угла Личность, ее волю и свободу. Философы Средневековья вновь вернулись к отождествлению закона с Божественной волей, трактуемой в Новое время как Воля природы. Именно в Новое время начинается развитие гражданского общества, зачатки которого были заложены в Античности. Закон теперь все больше начинал ассоциироваться с волей граждан.

Таким образом, все типы правопонимания дифференцируются в зависимости от субъекта воли. Причем, если закон непосредственно связан с волей социальных субъектов, то право скорее является отражением их потребности в свободе и формальном равенстве, а точнее в потребности человека быть человеком и жить в человеческом обществе. Поэтому мы считаем право мерой человечности, а не просто мерой свободы и справедливости, как утверждает либертарно-юридическая парадигма. Ни в коей мере не отрицая либертарно-юридический тип правопонимания, мы лишь подчеркиваем необходимость его дополнения на современном этапе развития глобально-цифрового общества. Подобно тому, как христианство

дополнило иудаизм, выдвинув в качестве своего основного принципа любовь. Справедливость как основной принцип иудаизма отнюдь не отрицался, но дополнялся любовью, которая порой выше справедливости, человечней. Часто бывает справедливым наказать, к примеру, несовершеннолетнего, но правильнее все же простить, указав на его ошибки. Не справедливость родителей делает из ребенка человека, а их любовь. То же самое происходит и на социальном уровне: все формы общественного сознания совместно «ваяют» человека. Следует подчеркнуть, что со стороны общества необходимо формировать потребность у людей не только в праве, но и во всех других формах общественного сознания. Иначе их место могут занять лишь «тени». Вместо права – закон, вместо морали – «моральный кодекс строителя коммунизма», вместо религии – идеология, вместо философии – демагогия и т. д.

При рассмотрении взаимодействия права, воли и закона нельзя не обратиться к такому феномену, как власть, который обычно понимают как способность влиять на чужую волю. Воздействие на чужую волю – это лишь одна сторона власти. Другая же сторона – трансформация под прессом власти собственной воли, а значит и сущности. Особенно ярко это выражается при обладании политической властью, которая трансформирует человека, превращая его в существо другого порядка. Во всяком случае в собственном представлении. «Государство – это Я» – слова короля Франции Людовика XIV председателю парламента, подтверждающие это. Человек, лишившись большой власти, практически уже не может адаптироваться к жизни обычного человека. Власть как проявление воли трансформирует уже и волю, и чувства, и разум в целом, поэтому власть представляет собой не столько возможность влиять на чужое поведение, сколько форму зависимости. Человек впадает в зависимость от влияния, которое работает в обе стороны – зависимость других от себя и своя зависимость от кого-либо или чего-либо.

Интересно, что в различных культурах разное понимание власти отражается в язы-

ке. Не вдаваясь в психолингвистический анализ, приведем лишь несколько примеров. В русском языке слово «власть» происходит от древнерусского «волость», «владеть», то есть подчеркивается право внешнего обладания, собственности, а в английском «power», «authority», «rule» («мощь», «энергия», «авторитет», «закон») больше подчеркивают обладание личностными качествами субъекта. Однако личностные качества тоже можно понимать по-разному: дарованы ли они человеку природой, обществом, либо присвоены. Например, с турецкого слово «власть» переводится на русский язык как «сила» («guch»), а с китайского – «quanli» – «полномочие», «могущество». Все-таки отождествление власти с внешним владением не так однозначно, как в русском языке.

Важную роль в реализации воли, закона и власти играет страх, причем так же в зависимости от культуры общества. Страх в отличие от боязни, которая всегда конкретна, абстрактен и иррационален. Человек в основном не понимает, почему именно он страшится чего-либо. Исследования показывают, что причиной страхов взрослого человека могут быть детские комплексы, эмоции и даже младенческая боль при рождении. Власть посредством страха трансформирует волю не только тех, кого пугают, заставляя их совершать порой несвойственные им поступки, но и волю пугающих, считающих себя вынужденными реализовать свою «святую» обязанность обеспечить закон и порядок. В этих случаях «чужеволлие» поглощает волю. «Страх – это желание того, чего страшатся», – пишет С. Кьеркегор. [3, с. 367]. Такой страх в большей степени присущ народам с патриархальной культурой. Тотальное тиражирование страха посредством общественного сознания и средств массового информирования, порождающее несвободных, боящихся людей – свидетельство господства легистской парадигмы сегодня во многих странах.

Право и закон являются эманациями воли субъектов различных уровней: природы, общества, государства, личности. Противоречат ли эти формы существования

единого друг другу? Ответом на этот вопрос может послужить рассмотрение природных и социокультурных закономерностей. Гармонично развивающаяся личность, правовое государство, свободное демократическое экологически ориентированное общество, выражающее интересы не только всех слоев населения, но и биосферы в целом, способствуя ее самоорганизации, – все это является проявлением единой воли к жизни и развитию. Многообразие социокультурного развития объясняется различием культур, способствующим увеличению степени вероятности выживания человечества. В самом общем плане можно сравнить культуру Востока и культуру Запада, отличающихся вектором правогенеза. Восточная культура в своем развитии опиралась в большей степени на коллективную волю, а Западная – на индивидуальную.

Подойдя к стадии цифрового глобализма, мир стал тяготеть к необходимости единой гуманистической модели существования. Интегративные тенденции в развитии различных культур и стран стали преобладать. Понятно, что это с необходимостью вызывает сопротивление сторонников дифференциации и сепарации. Политика всегда опиралась на принцип «Разделяй и властвуй!». Однако единство и борьба противоположных тенденций ни в коей мере не противоречат направленности пространственно-временного развития. Сегодня в решении глобальных проблем человечеству для выживания необходима интеграция, и гуманистический тип правопонимания является важнейшим средством ее достижения.

Дальнейшее погружение в проблему гуманизации общечеловеческой культуры приводит нас к идее ее энвайронментализации, так как гуманизация культуры как способа отношения к окружающему миру предполагает учет его «интересов», закономерностей. Гуманизация отношений между социальными субъектами включает в себя и оптимизацию их отношения к природной и социокультурной среде, поэтому корректнее, на наш взгляд, было бы говорить о новом энвайронментально-гуманистическом типе правопонимания. Сегодня человек мо-

жет сохраниться как вид, относясь как к самому себе не только к другому человеку, но и ко всему окружающему миру. Эманация природно-космической воли заставляет человека и культуру в целом, включая право, становиться более человечными. Так воля творит закон.

Предвосхищая возможные возражения сторонников традиционного понимания воли как мобилизационной способности человека для реализации поставленной цели, представим детальнее наше понимание воли. Подчеркнем, что речь идет в данном случае о многоуровневом феномене в зависимости от субъекта активности. Как уже отмечалось, «вертикальная» восточная культура отождествляет личную волю с всеобщей, волей Небес, Абсолюта, считая ее эманацией последней. Человек в такой энвайронментально ориентированной парадигме подобно рамакришновской соленой кукле должен раствориться в бесконечном океане абсолютного Брахмана. «Кукла, сделанная из соли, – писал Рамакришна, – пошла к океану, чтобы измерить его глубину. Она хотела рассказать другим, как глубок океан, но, увы. Ей не удалось этого сделать. Как только она опустилась в океан, она сразу же начала таять и очень скоро растворилась в океане, стала с ним одним. Кто же мог принести другим куклам сведения о глубине океана? Положение Дживы, когда она входит в бесконечный океан абсолютного Брахмана подобно этому» [4, с. 34]. Закон поэтому рассматривается восточным человеком как нечто внешнее, привнесенное извне, но это отнюдь не означает чуждое.

Западная же культура всегда грезилась идеей тотального господства, в том числе и над природой. «Западный человек, – писал К. Г. Юнг, – не нуждается в большом господстве над природой, внешней или внутренней. Господство над обеими достигло у него чуть ли дьявольского совершенства. К сожалению, при этом отсутствует ясное понимание собственной неполноценности по отношению к природе. Он не ведает того, что против него самоубийственно восстает его собственная душа» [5, с. 42].

Такое различие в культурах, отношении к свободе и господству, обусловлено, на наш взгляд, отсутствием на Востоке рабовладения. Только познавший рабство может ценить свободу выше жизни и желать господствовать над другими людьми, существами, включая природу в целом. Восточный человек являлся собственностью своего господина вместе со всей своей деревней, находясь в единстве со всей семьей, родственниками, соседями и даже природной средой. В то время как западный человек, попадая в рабство, все это терял, поэтому его воля требовала закон, обеспечивающий правами и свободой гражданина. Доминирование внешней коллективистской воли восточного человека сменяется на Западе приоритетом индивидуалистическо-личностной воли. Однако это, на наш взгляд, не означает отсутствие личности у восточного человека, как это утверждают многие авторы. «Безличный человек, – пишет Д. Манро о древних китайцах, – всегда готов подчинить свои личные интересы или интересы малой группы (например, деревни, к которой он принадлежит) интересам большой социальной группы» [6, р. 40.] Подчинение личных интересов коллективным – не показатель безличности, это – лишь проявление особенностей культуры, воспитания, приоритизирующих общественные интересы. Советским людям это хорошо известно, также, как и то, сколько выдающихся личностей жило в то время.

Несколько другое взаимоотношение закона и воли наблюдается у древних греков. Воля Небес частично снисходит на Землю, приобретая дуальный характер Судьбы, которая в понимании греков, хоть и ниспослана свыше богами, в то же время в какой-то мере зависит и от активности человека. Классическим примером такого дуализма воли является личность Сократа, признававшего в существовании личного демона или гения, который хранил его от неверных поступков. Важно подчеркнуть, что по утверждению самого Сократа, этот демон никогда не принуждал его к какому-либо действию, лишь удерживая от неправильных шагов. Это один

из примеров взаимодействия закона и воли. Именно с Сократа начался поворот внимания античной мысли с натурфилософской воли Космоса к признанию сосуществования ее с волей человека.

Его гениальный ученик Платон идет несколько дальше, вычлняя духовные основания материального мира и поведения человека – эйдосы Истины, Добра и Красоты. Как Солнце является причиной и условием существования и видения вещей, так и Добро, по Платону, – причина и цель всего сущего. Единство Истины, Добра и Красоты – эманация воли творца. Дуализм воли человека объясняется Платоном наличием в ней двух начал – разумной, божественной, бессмертной и неразумной, чувственной, индивидуально-личностной, смертной. Именно воле принадлежит работа по контролю за влиянием разумной части души на чувственно-эмоциональную, неразумную.

Следующим этапом развития понимания взаимоотношения закона и воли выступила философия Аристотеля, акцентирующая внимание на психофизиологических и социокультурных детерминантах воли. Понимая волю как деятельную сторону разума, средство превращения внутреннего во внешнее, Аристотель связывал ее как с внутренними факторами, например, потребностями, влечениями человека, так и с внешними – социокультурными явлениями, традициями, законами. Особенно ярко наблюдается взаимосвязь закона и воли в теории государства Аристотеля. В правильных формах правления – монархии, аристократии и политии субъект закона и воли расширяется от единоличного монарха, через власть лучших к выборной власти граждан. Таким образом, воля царя со временем трансформируется в волю граждан, соответственно, и закон становится выражением интересов всего общества.

Эпоха Средневековья практически преодолевает дуализм воли, сводя ее однозначно к воле Божьей. Представители и патристики, и схоластики, и мистики отождествляли закон и волю, считая одно проявлением другого. Свобода воли признавалась ими лишь как проявление божественного провидения,

а предназначение доброй воли виделось в подчинении божественным заповедям. Интересны в этой связи взгляды Мейстера Экхарта, рассматривающего волю человека как «коридор», через который душа может соединиться с его Божественной сущностью. Однако ей в этом необходима Божья помощь, поэтому самосовершенствование человеческой и мировой души – взаимный единый процесс. Уподобляясь Творцу, душа творит образ мира [7, с. 116].

Новое время, оправдывая свое название, переворачивает представление о единстве закона и воли как проявлении божественного провидения. Зарождающиеся капиталистические отношения настоятельно продвигают волю гражданского общества в качестве детерминанта закона. Френсис Бекон, Джон Локк, Томас Гоббс и другие развивают представление о государстве и законе как совместном проявлении воли граждан. Однако двойственность закона и воли все еще сохранялась и в Новое время. «Право во многом рассматривалось как традиционный порядок жизни, как нечто «естественное», но в то же время признавалась необходимость «сделанного» права как эманации воли суверена» [8, с. 26].

В XIX веке в западноевропейской правовой культуре начинает господствовать

либертарная парадигма, признающая право на свободу личности как высшую ценность. Либертарно-юридический тип правопонимания, разработанный академиком РАН В. С. Нерсесянцем, называвшим право «математикой свободы» [9, с. 31], включает три составляющие: признание формального равенства, то есть равенства всех людей перед законом, всеобщей свободы и справедливости. Заметим, что эти принципы не всегда предполагают друг друга. Общество может исходить из принципа справедливости, не признавая формального равенства и всеобщей свободы. Восточная культура демонстрирует множество примеров этому, что отнюдь не означает принципиального отсутствия права там. Гуманистическая парадигма, будучи более универсальной, интегрирует принципы свободы и справедливости, ведь при всем культурно-историческом различии в трактовке таких ценностей, как свобода и справедливость, человечность понимается одинаково всеми людьми независимо от возраста, пола и национальности. Даже животные, растения и экосистема в целом, как показывают исследования, своим отношением к доброму поведению людей подталкивают нас к человечности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калин В. К. Психология воли. Симферополь, 2011. 208 с.
2. Даллакян К. А. Воля как феномен энвайронментального отношения. Уфа : Таллер, 1998. 140 с.
3. С. Кьеркегор. Страх и трепет. М. : Республика, 2010. 490 с.
4. Провозвестие Рамакришны. М. : Амрита, 2019. 272 с.
5. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философии. М. : Медиум, 1994. 256 с.
6. Donald Manro. The shape of Chinese Values in the Eye of American Philosopher // The China Difference. New York : Harper and Row, 1979. 230 p.
7. Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. М. : Политиздат, 1991. 192 с.
8. Правогенез: традиции, воля, закон. СПб : Алатейя, 2021. 650 с.
9. Нерсесянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М. : Юрист, 1996. 157 с.

REFERENCES

1. Kalin V. K. Psychology of will. Simferopol, 2011. 208 p. (In Russ.)
2. Dallakyan K. A. Volya as a phenomenon of environmental relations. Ufa : Taller, 1998. 140 p. (In Russ.)
3. S. Kierkegaard. Fear and trembling. M. : Respublika, 2010. 490 p. (In Russ.)
4. Proclamation of Ramakrishna. M. : Amrita, 2019. 272 p. (In Russ.)

5. Jung K. G. On the psychology of Eastern religions and philosophy. М. : Medium, 1994. 256 p. (In Russ.)
6. Donald Manro The shape of Chinese Values in the Eye of American Philosopher // The China Difference. New York : Harper and Row, 1979. 230 p.
7. Meister Eckhart. Spiritual sermons and reasoning. М. : Politizdat, 1991. 192 p. (In Russ.)
8. Pravogenesis: traditions, will, law. St. Petersburg : Alateya, 2021. 650 p. (In Russ.)
9. Nersesyants V. S. Law is the mathematics of freedom. Experience of the past and prospects. М. : Lawyer, 1996. 157 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Даллакян К. А., доктор философских наук, профессор.

Information about the author:

Dallakian K. A., Doctor of Philosophy, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 34.01

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Людмила Викторовна Ханахмедова

Рязанский филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия, milars-19@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы аспекты формирования гражданского общества, его характеристики и историческая роль. Рассмотрен процесс формирования научного понятия «гражданское общество» на разных этапах исторического развития. Предложена авторская позиция о понятии и элементном составе гражданского общества. Обосновывается точка зрения о том, что специфика построения взаимоотношений гражданского общества с государством свидетельствует о стабильности происходящих государственно-правовых процессов.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, общество, согласие, паритет, личность, интерес, элементный состав, взаимодействие, сотрудничество, общественный контроль

Для цитирования: Ханахмедова Л. В. Гражданское общество как общечеловеческая категория: историко-теоретический аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 34–39.

Original article

CIVIL SOCIETY AS A UNIVERSAL CATEGORY: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

Lyudmila V. Khanakhmedova

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot, Ryazan, Russia, milars-19@mail.ru

Abstract. The article analyzes aspects of the formation of civil society, its characteristics and historical role. The process of formation of the scientific concept of «civil society» at different stages of historical development is considered. The author's position on the concept and the elemental composition of civil society is proposed. The author substantiates the position that the specifics of building relations between civil society and the state indicate the stability of the ongoing state-legal processes.

Keywords: civil society, state, society, consent, parity, personality, interest, elemental composition, interaction, cooperation, public control

For citation: Khanakhmedova L.V. Civil society as a universal category: historical and theoretical aspect // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 34–39.

Создание идеальной модели общественного устройства, отражающей важнейшие ценности человеческого общежития, исторически связано с дефиницией «гражданское общество». Следует согласиться с мнением М. Н. Марченко о том, что становление и развитие гражданского общества в теоретической и практической плоскости следует

рассматривать как два разных процесса [1, с. 52–54]. В этой связи, полагаем, что особенности религиозного понимания мира, ментальность, национальный характер русского человека способны влиять на развитие гражданского общества в России, которое долгое время являлось ценностью западного мира.

© Ханахмедова Л. В., 2022

Теоретически от гражданского общества и его участия в политических и социальных процессах обычно ожидают переустройства существующей действительности. Между тем основы гражданского общества как социокультурного феномена были заложены еще в эпоху Античности и Средние века, продолжились формироваться в Новое время.

Гражданское общество было и до сих пор остается объектом исследования многих западных и отечественных ученых. Так, Т. Гоббс считал индивидуализм стержнем гражданского общества, И. Кант предложил идею всемирного гражданского общества, Э. Дюркгейм проработал вопросы солидарности добровольных групп и организаций [2].

В дореволюционной России проблемой становления гражданского общества занимались В. О. Ключевский, Н. М. Карамзин и другие. Отметим, что в советский период развития Российского государства категория «гражданское общество» практически не изучалась. В настоящее время она вновь вызывает общетеоретический и прикладной интерес, что обусловлено стремительными изменениями в мире, отражающимися на взаимодействии государства и гражданского общества, влияющими на его гармоничное развитие. Данной проблеме посвящены исследования С. А. Авакьяна, В. П. Малахова, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, В. С. Нерсесянца, А. А. Уварова и др.

С периодом времени государство и гражданское общество адаптировались друг к другу. Более того, уже можно говорить о проходящих процессах конвергенции, в которых государство занимает активную позицию в управлении общественными процессами.

Кроме того, существует мнение, что гражданское общество представляет собой определенную форму зависимости от государства. Так, В. П. Малахов отмечает: «... как ни парадоксально, эта зависимость состоит в свободе, в пределах, определенных, установленных, узаконенных, поддержанных государством <...> степень ориентации на власть определяет степень независимо-

сти, самостоятельности гражданского общества <...>, насколько посредством гражданского общества может быть реализована установка на общественное благо, демократию, право...» [3, с. 188]. Подтверждением этому служит высказывание Г. Гегеля о гражданском обществе как «испытательном полигоне» [4] для внедрения различных общественных проектов.

Очевидно, что до сих пор правоведам не пришли к единому пониманию категории «гражданское общество». В связи с чем попытаемся обобщить существующие в юридической литературе подходы к определению этой дефиниции.

В самом общем виде под гражданским обществом понимается состояние общества, его социальная, экономическая, политическая природа, степень его развития. К примеру, Н. И. Матузов предлагает считать гражданское общество «условным наименованием способа современной жизни <...> определяющим тип цивилизации...» [5, с. 83].

По мнению В. С. Нерсесянца, гражданское общество представляет собой «мозаику, состоящую из отдельных институтов, групп, индивидов, отношения которых регулируются гражданским правом» [6, с. 56]. К. С. Гаджиев, определяя понятие гражданского общества, предлагает считать его системой независимых от государства общественных институтов и отношений... [7].

Между тем, имеет место быть мнение о том, что гражданское общество является таковым, если в нем «существуют неофициальные структуры в виде различных политических партий, организаций, движений <...>, действующие в рамках юридических законов и норм и оказывающие заметное влияние на официальные органы власти» [8, с. 75]. Так, А. А. Уваров при исследовании данного социального явления утверждает, что гражданское общество является совокупностью отношений между лицами, группами и институтами, не находящимися под властью государства [9, с. 7]. Считаем возможным согласиться с компромиссной, интегративной концепцией гражданского

общества как сообщества равноправных участников, способных обеспечивать устойчивое развитие различных сфер деятельности государства.

Таким образом, гражданское общество является качественно новым устойчивым состоянием общества, основанным на различных формах самоорганизации, оптимальном соотношении публичных и частных интересов. При этом важно, чтобы определяющее значение имели именно частные интересы и признание человека в качестве высшей ценности.

Очевидно, что, по сути, гражданское общество является наивысшим этапом развития социальной общности, эталоном справедливости и разумности. В связи с этим Н. И. Магузов утверждает, что гражданское общество характеризуется высоким уровнем развития социума, это мера его зрелости, разумности, справедливости, человечности [12, с. 83].

С учетом вышесказанного считаем возможным предложить следующее определение понятия гражданского общества как социокультурного пространства, в котором создается и развивается система общественных институтов и отношений, предоставляется узаконенная возможность самостоятельно реализовать свои права и законные интересы.

Отметим, что практическими проявлениями деятельности института гражданского общества следует считать:

- участие индивида в правотворческой деятельности государства (референдум 1993 г.);
- взаимодействие органов власти с гражданином посредством политических партий;
- организация контроля за деятельностью государственных органов со стороны общества (например, создание Общественной палаты, деятельность которой осуществляется в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» [10]);
- оказание помощи в решении социальных проблем (например, профилактика

заболеваний социального характера, таких как ВИЧ-инфекции, противодействие злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту и др. посредством проведения общеизвестных молодежных акций «Круг безопасности», «Мы против СПИДа» и других).

Отметим, что каждая личность самостоятельно определяет стратегию своего гражданского участия в жизни государства и общества.

Суммируя вышеизложенное, можно согласиться с исследователями в том, что в современном государстве имеется запрос на функционирование гражданского общества, в котором с помощью правовых институтов были бы реализованы права человека, обеспечено его развитие и его участие в управлении публичными делами [11, с. 46].

Проанализировав природу гражданского общества, необходимо отметить, что оно способно развиваться и совершенствоваться в разных направлениях, при этом оно является механизмом, обеспечивающим общественный контроль за реализацией потребностей и интересов социума, а его сущность определяется мерой индивидуальной свободы конкретного индивида.

Проблема элементов гражданского общества и их функционального назначения является актуальной для современной российской науки правоведения. Оценка развития социума в целом происходит посредством понимания и осмысления структуры гражданского общества, определения первостепенных задач его элементов деятельности, а также готовностью населения принимать участие в процессах общественной и государственной модернизации.

Ю. А. Тихомиров, определяя природу гражданского общества, отмечает, что это «способ легального самовыражения мыслей, мнений, позиций граждан по вопросам регулирования и изменения, улучшения общественной жизни» [12, с. 35].

По мнению В. В. Гриба, основной задачей институтов гражданского общества выступает реализация гражданских инициатив, а критериями (признаками) таковых являются:

- достижение общих целей;
- обладание политической и экономической самостоятельностью;
- добровольность участия [13, с. 38].

Так, И. Ж. Искаков, рассматривая сферы жизнедеятельности общества, выделяет «легальную оппозицию, демократическое законодательство, политический плюрализм; различные социальные группы <...>, негосударственные средства массовой информации; культурные идеалы и ценности...» [14]. В свою очередь С. А. Никоненко предлагает считать основным элементом гражданского общества личность, а также семью, образовательные организации, церковь, различные социальные группы, институты демократии, собственность, независимое правосудие, общественные объединения и другое [15, с. 278].

И. С. Усватов предлагает иную классификацию институтов гражданского общества:

- формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления с учетом положений Федерального закона Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [16] (например, сход граждан, публичные слушания, собрания и конференции граждан и другое);
- профессиональные союзы;
- некоммерческие (неправительственные) общественные организации [17, с. 82–84].

Заслуживает внимания позиция Г. Гегеля, выделявшего среди элементов гражданского общества полицию и правосудие. Важная роль в отправлении правосудия отводится соответствующим законам и правосознанию граждан. В этом философ видит позитивный смысл гражданского общества. В гражданском обществе, по мнению Гегеля, индивид должен быть свободным в достижении своих целей, а роль полиции сводится к предоставлению индивидам такой возможности [4].

Данные позиции демонстрируют, что элементы гражданского общества связыва-

ют различные сферы общественной жизни и делают правильный акцент на возможность осуществления их влияния на государство с различных сторон.

Анализируя вышесказанное, полагаем, что под структурными компонентами гражданского общества могут быть признаны относительно независимые, как политически, так и экономически, обособленные добровольные сообщества людей, созданные для достижения общих целей функционирования правового и социального государства. Отметим, что протекающие в обществе процессы становления гражданской активности взаимосвязаны с социальными противоречиями, уровнем тревожности и политической стабильностью и измеряют потенциал гражданского общества.

В настоящее время обеспечение взаимодействия между государством и гражданским обществом является одним из ведущих направлений развития демократического общества. Ни одно государство не способно эффективно функционировать без опоры и поддержки своих граждан, не привлекая их сотрудничеству и не взаимодействуя с ними в решении различных проблем. Так, в период демократизации общества и органы внутренних дел, включая полицию, являются субъектами различного рода социальных отношений. Однако возникают проблемы, связанные с отсутствием четких социальных ориентиров, что в конечном счете осложняет процесс создания действенных моделей взаимодействия полиции с обществом.

Вместе с тем эффективное развитие любой социальной организации возможно только посредством общественной и юридической коммуникации, обеспечивающей конструктивное сотрудничество социальных субъектов на благо всего общества. Примеряя данные правила к деятельности полиции, следует отметить, что ее стратегический альянс с элементами гражданского общества возможен на основе социального партнерства. Это в конечном счете будет способствовать формированию благоприятной криминологической обстановки в целом.

На основании вышеизложенного представляется возможным заметить, что гражданское общество способно развиваться и совершенствоваться в разных направлениях. Вместе с тем оно функционирует как саморегулирующаяся социальная система,

определяющая и направляющая вектор развития всех социальных и политических процессов в государстве, при этом представляет собой саморегулирующуюся и одновременно управляемую государством систему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марченко М. Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 52–64.
2. Лавриненко В. Н. Философия в 2 т. Том 1. История философии: учебник и практикум для вузов / В. Н. Лавриненко, Л. И. Чернышова, В. В. Кафтан; ответственный редактор В. Н. Лавриненко. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 240 с.
3. Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография. М., 2011.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной. М., 1990.
5. Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3.
6. Нерсисянц В. С. Гегелевская философия права: история и современность. М., 1993.
7. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7.
8. Либанова С. Э. Демократия как способ обеспечения эффективности государственного управления гражданским обществом // Вестник Курганского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 74–78.
9. Уваров А. А. Теоретико-правовые вопросы функционирования современного гражданского общества в России // Российская юстиция. 2016. № 10.
10. Об Общественной палате Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.
11. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы: монография / рук. авт. колл. и отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2015.
12. Тихомиров Ю. А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10.
13. Гриб В. В. Место и роль общественных палат в системе общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5.
14. Искаков И. Ж. Гражданское общество и его институты в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
15. Никоненко С. А. Политические партии как институт политической организации гражданского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Тамбов, 2011. Вып. 10 (102).
16. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
17. Усватов И. С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 82–84.

REFERENCES

1. Marchenko M. N. Correlation of civil society and the state: questions of theory // Journal of Russian Law. 2008. No. 10. P. 52–64. (In Russ.)
2. Lavrinenko V. N. Philosophy in 2 vols. Volume 1. History of Philosophy: textbook and workshop for universities / V. N. Lavrinenko, L. I. Chernyshova, V. V. Kaftan; responsible editor V. N. Lavrinenko. 7th ed., reprint. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 240 p. (In Russ.)

3. Malakhov V. P. Methodological and ideological problems of modern legal theory: monograph. Moscow, 2011. (In Russ.)
4. Hegel G. V. F. Philosophy of Law / per. B. G. Stolpner and M. I. Levina. M., 1990. (In Russ.)
5. Matuzov N. I. Civil society: essence and basic principles // Pravovedenie. 1995. № 3. (In Russ.)
6. Nersesyants V. S. Hegelian Philosophy of Law: History and Modernity. Moscow, 1993. (In Russ.)
7. Gadzhiev K. S. The concept of civil society: ideological origins and the main milestones of formation // Questions of philosophy. 1991. No. 7. (In Russ.)
8. Libanova S.E. Demokuria as a way to ensure the effectiveness of public administration by civil society // Bulletin of Kurgan State University. 2017. No. 1 (44). P. 74–78. (In Russ.)
9. Uvarov A. A. Theoretical and legal issues of functioning of modern civil society in Russia // Russian justice. 2016. No. 10. P. 7. (In Russ.)
10. On the Public Chamber of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 32-FZ of April 4, 2005 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 15. St. 1277. (In Russ.)
11. Civil society as a guarantee of political dialogue and countering extremism: key constitutional and legal problems. monograph / hand. author. call. and ed. S. A. Avakian. M., 2015. (In Russ.)
12. Tikhomirov Yu. A. Civil society in the focus of law // Journal of Russian Law. 2013. No. 10. (In Russ.)
13. Grib V. V. The place and role of public chambers in the system of public control in the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2015. No. 5. (In Russ.)
14. Iskakov I. Zh. Civil society and its institutions in modern Russia: dis. ... cand. jurid. sciences. SPb., 2004. (In Russ.)
15. Nikonenko S. A. Political parties as an institution of political organization of civil society // Bulletin of the Tambov University. The series “Humanities”. Tambov, 2011. Issue 10 (102). (In Russ.)
16. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 131-FZ of October 6, 2003 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. St. 3822. (In Russ.)
17. Usvatov I. S. On the question of the structure of civil society: definition of the concept of the institution of civil society // Gaps in Russian legislation. 2009. No. 4. P. 82–84. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ханахмедова Л. В., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Khanakhmedova L. V., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 03.11.2022; одобрена после рецензирования 10.11.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 03.11.2022; approved after reviewing 10.11.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 342.74.05(470+574)

**ОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ПРИОРИТЕТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ СУБЪЕКТОВ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)**

Наталья Николаевна Хрони

Академия управления МВД России, Москва, Россия, N.Khroni@bk.ru

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка провести отраслевой анализ приоритетных обязанностей субъектов общественных отношений. Проводится правовое сопоставление законодательства (конституционного, трудового, уголовного, уголовно-исполнительного) Российской Федерации и Республики Казахстан, перечислены пробелы в законодательстве, касающиеся систематизации обязанностей в соответствии с иерархичной последовательностью. Определяется взаимосвязь приоритетной обязанности с такими феноменами, как «правовой статус личности», «правовые преимущества» и др. Автором статьи уделено особое внимание приоритетной обязанности, направленной на обеспечение и безусловное соблюдение прав и свобод человека.

Ключевые слова: юридическая обязанность, субъективное право, приоритетная обязанность, правовой статус личности, правовые преимущества, законность

Для цитирования: Хрони Н. Н. Отраслевой анализ закрепления в законодательстве приоритетных обязанностей субъектов общественных отношений (на материалах Российской Федерации и Республики Казахстан) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 40–46.

Original article

**SECTORAL ANALYSIS OF THE CONSOLIDATION OF PRIORITY
RESPONSIBILITIES OF SUBJECTS OF PUBLIC RELATIONS IN LEGISLATION
(BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)**

Natalia N. Khroni

Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, N.Khroni@bk.ru

Abstract. The author of the article attempts to conduct an industry analysis of the priority responsibilities of subjects of public relations in the article. A legal comparison of legislation (constitutional, labor, criminal, penal enforcement) of The Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is carried out, the gaps in the legislation concerning the systematization of duties in accordance with the hierarchical sequence are listed. The interrelation of the priority duty with such phenomena as «the legal status of the individual», «legal advantages», etc. is determined. The author of the article pays special attention to the priority duty aimed at ensuring and unconditional observance of human rights and freedoms.

Key words: legal duty, subjective right, priority duty, legal status of a person, legal advantages, legality

For citation: Khroni N. N. Sectoral analysis of the consolidation of priority responsibilities of subjects of public relations in legislation (based on the materials of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan) // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 40–46.

Юридическая обязанность, являясь одним из ключевых понятий в науке, представ-

ляет собой одно из наиболее эффективных средств развития правовых отношений, фор-

© Хрони Н. Н., 2022

мирования правового сознания у граждан, а также укрепления правопорядка и законности. Современное развитие общества, его дифференциация обуславливают тенденции расширения обязанностей, принадлежащих каждому члену общества в зависимости от его правового статуса. Среди разнообразия юридических обязанностей выделяются приоритетные, предусматривающие безотлагательные действия субъекта, наделенного специальным правовым статусом, по реализации и обеспечению высших ценностей – жизни, прав и свобод человека.

Приоритетные направления развития общества, определяемые государством в настоящий период, нацелены на обеспечение и защиту основных прав человека. Несомненно, их реализация связана с определенными обязанностями, которые являются важными, первостепенными, то есть приоритетными.

В послании Президента Республики Казахстан от 1 сентября 2020 г. приоритетом определяется достижение социального благополучия граждан и говорится: «Мы обязаны обеспечить достойную жизнь нашим гражданам, защитить их права, укрепить верховенство закона, усилить борьбу против коррупции» [1].

В Российской Федерации Президент в своем послании Федеральному Собранию в апреле 2021 г. определил высшим национальным приоритетом страны – сбережение русского народа [2].

Выполнение поставленных целевых установок непосредственно зависит от исполнения приоритетных обязанностей, которые, как нами указывалось ранее, наделены рядом качеств: абсолютность, непреложность, важность, социальная чувствительность, аксиологическая направленность [3, с. 113–118].

Предпримем попытку рассмотрения некоторых видов приоритетных обязанностей, в соответствии с отраслевой системой законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан: конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного, трудового законодательства и т. д. Остановимся более подробно на указанных отраслях.

Обращаясь к конституционной отрасли права, воспользовавшись историческим методом, рассмотрим приоритетные обязанности на примере конституций, действовавших на территории России с 1918 года по настоящее время. Проведя анализ текстов конституций, мы можем выделить определенные приоритеты, которые соответственно направлены на:

– борьбу с капитализмом, установление диктатуры пролетариата, защиту социалистической собственности (Конституция РСФСР 1918 г.) [4];

– исполнение общественного долга, соблюдение правил социалистического общежития, защиту Отечества и социалистической собственности (Конституция СССР 1936 г.) [5];

– развертывание социалистической демократии, усиление социальной однородности общества, уважение личности, охрана прав и свобод граждан (Конституция СССР 1977 г.) [6, с. 26];

– провозглашение обязанностью государства – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Человек, его права и свободы объявляются высшей ценностью (Конституция Российской Федерации в редакции 1993 г.) [7];

– обеспечение приоритета семейного воспитания, принятие государством обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Дети провозглашаются приоритетом государственной политики России (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации в редакции 2020 г.) [8].

Согласно указанным направлениям и выстраиваются приоритетные обязанности как личности, так и государства как субъекта правоотношений. Кроме того, нормативное содержание конституционной обязанности конкретизируются и реализуется в отраслевом законодательстве. В процессе такой конкретизации не допускается отступление от буквы и духа Конституции [9, с. 287–288].

Обращаясь к зарубежному опыту можем указать, что, например, в Конституции Бельгии (в ст. 22) зафиксировано, что государство и публичные учреждения совместно с их должностными лицами, служащими и

представителями несут гражданскую ответственность за действия и бездействие, допущенные при исполнении служебных обязанностей, если в результате этого нарушены права и свободы человека, их гарантии или нанесен ущерб другим. Конституция Испании говорит об обязанности всех органов власти соблюдать права и свободы, перечисленные в Главе 2 (ст. 53). Приведенные примеры свидетельствуют о верном акценте на приоритетной обязанности, направленной на обеспечение и безусловное соблюдение прав и свобод человека.

Обратимся к трудовому законодательству и определим приоритетные обязанности согласно Трудовому кодексу Республики Казахстан (далее – ТК РК), в котором четко обозначены обязанности работодателя, работника, уполномоченных государственных органов и др.

Необходимо отметить, что с 2007 года в ТК РК определены принципы трудового права. Их всего 12, из них 8 направлены на выполнение приоритетных обязанностей:

- 1) недопустимость ограничения прав человека и гражданина в сфере труда;
- 2) запрещение дискриминации, принудительного труда и наихудших форм детского труда;
- 3) обеспечение права на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены;
- 4) приоритет жизни и здоровья работника по отношению к результатам производственной деятельности;
- 5) обеспечение права на справедливое вознаграждение за труд не ниже минимального размера заработной платы;
- 6) равенство прав и возможностей работников;
- 7) государственное регулирование вопросов безопасности и охраны труда;
- 8) обеспечение права представителей работников осуществлять общественный контроль за соблюдением трудового законодательства Республики Казахстан.

Сравним содержание обозначенных принципов с перечнем обязанностей работодателя, перечисленных в ТК РК.

Недопустимость ограничения прав человека и гражданина в сфере труда, запрещение дискриминации, принудительного труда и наихудших форм детского труда, равенство прав и возможностей работников не выражаются в конкретных обязанностях, а отсылают нас к обязанности работодателя по соблюдению требований законодательства Республики Казахстан, в том числе Конституции.

В п. 1 ст. 39 Конституции Республики Казахстан устанавливается, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. Запреты и ограничения на заключение трудового договора и трудоустройство строго регламентированы ТК РК (ст. 26).

Согласно ст. 6 данного кодекса никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по любым мотивам (происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства, возраста или физических недостатков, а также принадлежности к общественным объединениям). Однако на практике так происходит не всегда. По результатам исследования общественного мнения, проведенного в рамках проекта «Правовая защищенность на рынке труда сегодня – достойная старость завтра», 63 % респондентов указали возрастной признак как негласную причину отказа при трудоустройстве [10].

Приоритет жизни и здоровья работника, требование безопасности и контроль за выполнением со стороны государства и общественности обеспечиваются следующими обязанностями работодателя: приостанавливать работу, если ее продолжение создает угрозу жизни и здоровью; оформлять страховку от несчастных случаев при исполнении им трудовых (служебных) обязанностей; предупреждать о вредных и (или) опасных условиях труда и возможности профессионального заболевания.

Таким образом, в трудовом законодательстве отчетливо выделяются приоритетные обязанности, соответствующие всем ранее указанным нами признакам. Для более конкретного понимания приоритетных обязанностей и дальнейшего совершенствования правоотношений между личностью и государством, укрепления доверия со стороны граждан к государству, полагали бы целесообразным указывать в законодательстве обязанности в иерархичной последовательности, начиная с приоритетных. Данная систематизация наглядно соответствовала и доказывала бы, что высшей ценностью для государства являются человек, его права и свободы, как это провозглашено в Конституции Республики Казахстан.

Обратимся к уголовно-правовой отрасли (уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право). В соответствии с иерархией ценностей, защищаемых уголовных правом, которая выглядит в настоящее время следующим образом: личность – общество – государство, – мы можем определить приоритетные обязанности субъектов.

Анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан демонстрирует, что на органы государственной власти возлагается приоритетная обязанность по соблюдению прав и свобод граждан при определении и назначении наказания, при проведении процессуальных действий, при исполнении наказания. Кроме того, обязанность привлечь виновное в совершении преступления лицо к уголовной ответственности связана также с обеспечением защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. С этой целью госорганы осуществляют определенные законом действия для изобличения преступника, которые должны согласовываться с принципами уголовного права.

Следует отметить, что в отличие от российского законодательства (ст. ст. 3–7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) принципы уголовного права Казахстана в самостоятельных нормах уголовного законодательства не выделены, что

является, на наш взгляд, упущением законодателя. Конечно, это не означает, что принципов в уголовном праве Казахстана нет вообще, они вытекают из других норм уголовного законодательства. С целью осознания и должного исполнения приоритетных обязанностей необходимо четкое усвоение и следование следующим принципам: законности (пп. 10 п. 3 ст. 77 Конституции Республики Казахстан и ст. 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), равенства граждан перед законом (ст. 14 Конституции Республики Казахстан), справедливости, гуманизма (ст. 4 УК РК) и др.

Полагаем, что перечисление принципов в отдельной статье УК РК способствовало бы лучшему пониманию субъектами своих обязанностей и выстраиванию иерархии, обозначению приоритетов. Кроме того, со стороны общества данное изменение получило бы поддержку, так как обозначило бы для обывателя приоритетные принципы, по которым действует государство, в том числе делегируя полномочия своим представителям.

В Уголовно-исполнительном кодексах обеих стран уделяется значительное внимание правовому положению осужденных, в отдельной главе определяются права и обязанности осужденных, прописываются принципы и задачи, на основании которых базируются в том числе и приоритетные обязанности представителей органов власти, ответственных за исправление осужденных. Республика Казахстан и Российская Федерация фиксируют, что государство уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, а также правовую защиту и личную безопасность (п. 1 ст. 9 Гл. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (далее – УИК РК); п. 1 ст. 10 Гл. 2. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)). Отметим, что осужденный – гражданин с ограниченным правовым статусом [11, с. 193]. Соответственно у данного субъекта юридические обязанности сужаются до соблюдения нормативных правовых актов,

распоряжений уголовно-исполнительной администрации. При этом они же и будут являться приоритетными, так как их соблюдение связано с гарантией обеспечения высших ценностей человека, в том числе и безопасности для тех, кто находится за пределами отношений с осужденными (т. е. на свободе). При этом в ст. 11 УИК РФ устанавливается обязанность осужденных вежливо относиться к тем, кто находится на территории учреждения по исполнению наказания в силу исполнения служебных обязанностей (персоналу учреждения), иным лицам, посещающим учреждения (родственникам), а также к другим осужденным. Полагаем, что данная норма установлена именно для акцента на гарантии защищенности и для тех, кто временно находится на территории учреждения.

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство предусматривает в процедуре исполнения и отбывания наказания возможность его отягчения (ст. 115, 136, 168, 190 УИК РФ), в том числе признание осужденного злостным нарушителем (ст. 116 УИК РФ), при этом его специальный правовой статус не изменяется, он остается осужденным, но индивидуальный статус меняется.

Кроме того, предусмотрены меры смягчения путем изменения вида исправительного учреждения (ст. 78 УИК РФ), замены его на более мягкий вид либо применения отсрочки его отбывания (ст. 80, 82, 82.1 УК РФ), досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79, 81 УК РФ), амнистии и помилования (ст. 84, 85 УК РФ). Это является проявлением гуманизма, указывающего на отсутствие в уголовной политике государства стремления причинять излишние страдания осужденному, исправляющемуся в пределах назначенного срока наказания. Ослабление карательного принуждения и освобождение от наказания в целом законодатель поставил в зависимость от стремления осужденного к исправлению [12, с. 12].

Мерой государственного одобрения положительного поведения осужденного выступают правовые преимущества – совокуп-

ность юридических норм, обусловленных специальным статусом данного субъекта, имеющих стимулирующее и компенсирующее значение, направленных на создание режима послабления порядка отбывания наказания и благоприятствования путем полного или частичного освобождения от некоторых обязанностей, смягчения установленных ограничений и запретов [13, с. 151]. Исполнение приоритетных обязанностей влияет на получение правовых преимуществ, что оказывает непосредственное влияние на изменение правового статуса субъекта. Таким образом, определяется взаимосвязь приоритетных обязанностей с такими правовыми понятиями как «правовой статус личности», «правовые преимущества» и др.

Полагаем, что в рамках одной статьи сложно отразить все аспекты приоритетной обязанности, однако основываясь на отраслевой классификации возможно обозначить имеющиеся проблемные вопросы в технико-юридическом закреплении приоритетной обязанности в нормах законодательства.

Подводя итоги сказанному, отметим:

– в качестве положительных моментов возможно указать, что в правовой системе Российской Федерации и Республики Казахстан прослеживается некий акцент на исполнение приоритетных обязанностей, выделяются приоритетные направления при закреплении в отраслевых законах;

– отсутствие в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан четкой систематизации обязанностей в соответствии с иерархичной последовательностью, наличие множества бланкетных норм, которые затрудняют для граждан, руководителей и иных заинтересованных лиц определение первостепенности и важности в массиве существующих обязанностей. Подчеркнем, что систематизация в соответствии с провозглашаемой ценностной ориентацией на права человека, демонстрировала бы обществу стремления государства к достижению демократических идеалов;

– перечисление принципов уголовного права в УК РК по примеру Российской Федерации и других стран обозначило бы прио-

ритеты, по которым действуют представители государства, наделенные полномочиями, в одной из значимых отраслей права, определяющей общественно опасные деяния и устанавливающей наказания за них. Ошибки и злоупотребления, к сожалению, имеющие место в правоприменительной практике рассматриваемых государств, носят серьезный резонансный характер в обществе.

Считаем, что дальнейшие исследования феномена приоритетной обязанности в теории права способствуют расширению научных знаний по ряду взаимодействующих, взаимообуславливающих категорий, в том числе самих понятий «приоритет», «юридическая обязанность», «специальный правовой статус», «правовые преимущества» и др. С практической стороны понимание приоритетных обязанностей решает задачи:

- закрепление правовых ценностей, провозглашаемых в государстве;
- исключение фактов злоупотреблений со стороны правообязанных лиц, в том числе представителей власти;
- укрепление понимания того, что для достижения и получения прав необходимо выполнение обязанностей, в том числе и особенно приоритетных;
- модернизация законодательства в направлении совершенствования процессов обеспечения прав человека;
- привлечение внимания научного сообщества и практиков, а также общественности к имеющимся проблемам по исполнению приоритетных обязанностей, порождающих злоупотребления со стороны правообязанных лиц, факты коррупции и правового нигилизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2020 г. / URL: <http://akorda.kz/> (дата обращения: 17.01.2022).
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/ (дата обращения: 17.01.2022).
3. Хрони Н. Н. Приоритетные обязанности субъектов общественных отношений по законодательству Республики Казахстан / Н. Н. Хрони // Академическая мысль. 2021. № 3 (16). С. 113–118.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. / URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (ст. 18–19) (дата обращения: 18.01.2022).
5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. / URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (ст. 130–133) (дата обращения: 18.01.2022).
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. М.: Юрид. лит., 1978. 576 с.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. № 237(853), 25 декабря 1993 г.
8. Конституция Российской Федерации с поправками 2020 г. / URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 18.01.2022).
9. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Изд. Норма, 2008. 384 с.
10. Трудовые и пенсионные права: насколько защищены работники и работодатели в Республике Казахстан: аналитический отчет по итогам исследования общественного мнения (проведен Социальным корпоративным фондом «ЗУБР» в рамках проекта «Правовая защищенность на рынке труда сегодня – достойная старость завтра») / URL: <http://www.zubr-consulting.kz/node/24> (дата обращения: 07.04.2022).
11. Советское исправительно-трудовое право / под ред. Н. А. Беляева, В. С. Прохорова. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989.
12. Маликов Б. З. Выражение и реализация уголовной ответственности в наказании и некарательных мерах уголовно-правового характера / Б. З. Маликов // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4 (87).

13. Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2020.

REFERENCES

1. Message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan. September 1, 2020 / URL: <http://akorda.kz/> (date of access: 17.01.2022). (In Russ.)
2. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of April 21, 2021 / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/ (date of access: 17.01.2022). (In Russ.)
3. Khroni N. N. Priority obligations of subjects of public relations under the legislation of the Republic of Kazakhstan / N. N. Khroni // Academic thought. 2021. No. 3 (16). P. 113–118. (In Russ.)
4. The Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic: adopted by the V All-Russian Congress of Soviets in the meeting of July 10, 1918 / URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (Art. 18–19) (date of access: 01.18.2022). (In Russ.)
5. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936 / URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (Article 130–133) (date of access: 18.01.2022). (In Russ.)
6. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Constitutions (Basic Laws) of the Union Soviet Socialist Republics. M.: Yurid. lit., 1978. 576 p. (In Russ.)
7. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. No. 237 (853), December 25, 1993. (In Russ.)
8. The Constitution of the Russian Federation as amended in 2020 / URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (date of access: 18.01.2022). (In Russ.)
9. Ebzeev B. S. Personality and state in Russia: mutual responsibility and constitutional obligations. M.: Ed. Norma, 2008. 384 p. (In Russ.)
10. Labor and pension rights: how protected are employees and employers in the Republic of Kazakhstan: an analytical report on the results of a public opinion survey (conducted by the ZUBR Social Corporate Fund as part of the project «Legal protection in the labor market today – a dignified old age tomorrow») / URL: <http://www.zubr-consulting.kz/node/24> (date of access: 07.04.2022). (In Russ.)
11. Soviet corrective labor law / ed. N. A. Belyaeva, V. S. Prokhorova. L.: Publishing house of the Leningrad University, 1989. (In Russ.)
12. Malikov B. Z. Expression and implementation of criminal liability in punishment and non-punitive measures of a criminal law nature / B. Z. Malikov // Man: crime and punishment. 2014. No. 4 (87). (In Russ.)
13. Repiev A. G. Advantages in Russian law: theory, methodology, technique: dis. ... doct. legal sciences. Saratov, 2020. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 351.81:625-049.5(470)

**ТРАНСПОРТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Руслан Владимирович Галицкий
Владимирский линейный отдел МВД России на транспорте,
Владимир, Россия, Bigrylik@mail.ru

Аннотация. С целью выработки теоретико-практических предложений в части гармонизации нормативно-правового регулирования сферы обеспечения транспортной безопасности, оздоровления состояния функционального взаимодействия ее субъектов в настоящей работе будет проанализировано законодательство, упорядочивающее общественные отношения, возникающие по вопросам обеспечения соответствующего вида отраслевой безопасности; рассмотрена учебно-методическая документация, используемая в области транспортного образования; выделены правовые неопределенности, возникающие в рамках практической реализации противодействия актам незаконного вмешательства, а также сформулированы предложения по совершенствованию процедурной части обмена информацией. Особое внимание уделено внутриотраслевой коммуникации в части получения, обработки и передачи информации между специализированными субъектами. Обозначено перспективное направление позитивного правового развития феномена обеспечения транспортной безопасности.

Ключевые слова: транспортная безопасность, акты незаконного вмешательства, субъекты обеспечения транспортной безопасности, обработка информации, проблемы отраслевой коммуникации, транспортный кодекс

Для цитирования: Галицкий Р. В. Транспортная безопасность: проблемы отраслевой коммуникации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 47–55.

Original article

**TRANSPORT SECURITY:
ISSUES OF INTRA-INDUSTRY COMMUNICATION**

Ruslan V. Galitsky
Vladimir Linear Department of the Ministry of Internal Affairs
of Russia on transport, Vladimir, Russia, Bigrylik@mail.ru

Abstract. In order to develop theoretical and practical proposals regarding the harmonization of regulatory and legal regulation of the sphere of ensuring transport security, improving the state of functional interaction of subjects of its provision, this work will analyze legislation regulating public relations arising on issues of ensuring the appropriate type of industry security; . considered educational and methodological documentation used in the field of transport education; the legal uncertainties that arise in the framework of the practical implementation of counteracting acts of unlawful interference are highlighted, and proposals are made to improve the procedural part of the exchange of information. Particular attention is paid to intra-industry communication in terms of receiving, processing and transmitting information between specialized entities. A promising direction of positive legal.

Keywords: transport security, acts of unlawful interference, subjects of transport security, information processing, problems of industry communication, transport code

---

© Галицкий Р. В., 2022

For citation: Galitsky R. V. Transport security: issues of intra-industry communication // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 47–55.

Состояние транспортной безопасности как приоритетного направления государственной политики традиционно привлекает внимание научного сообщества, а противоречивость созданного в ее развитии законодательства придает дополнительный стимул к теоретико-правовым исследованиям. При этом в предметную плоскость, как правило, попадают скорее общие по своему содержанию вопросы, связанные, например, с определением места транспортной безопасности в системе национальной безопасности; видами угроз на объектах транспорта; структурой и административно-правовыми статусами субъектов ее обеспечения [1, с. 122–125; 2, с. 5–12; 3, с. 41–57; 4, с. 19–21].

Меньшей степенью научной разработанности характеризуются общественные отношения, возникающие при проведении досмотровых мероприятий; аттестации сил обеспечения транспортной безопасности и в иных специальных областях внутреннего регулирования [5, с. 28–33; 6, с. 55–61; 7, с. 19–23]. И, к сожалению, совсем незначительное внимание уделено специфическим дефектам практической реализации отдельных отраслевых дефиниций, наблюдаемых в области функционального взаимодействия ее субъектов. В частности, С. Н. Махина и М. А. Попова в своем исследовании феномена транспортной безопасности как правовой категории справедливо обозначают в качестве очевидной проблемы вопросы специальной терминологии, где во избежание интерпретационных рисков предлагают прийти к единообразию в ее понимании [8, с. 115–118].

На наш взгляд, позитивное структурирование правовой материи внутриотраслевой коммуникации, обусловленное наличием значительного количества участвующих субъектов, разной степенью их вовлеченности в специально регламентированные процедуры, формирует достаточно высокую степень востребованности такого исследования.

Следует отдельно оговориться о том, что в настоящей работе будет применена условная, обобщающая категория «субъекты обеспечения транспортной безопасности», в связи с чем необходимо раскрыть ее содержание. Формально-юридически Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» возлагает обязанность по ее обеспечению на субъектов транспортной инфраструктуры (п. 9, ст. 1) [9] и перевозчиков. Вместе с тем, важно понимать, что реализация поставленных целей невозможна без привлечения иных специализированных участников, наделенных в установленном порядке различными правами, обязанностями и обладающих специфическими полномочиями, в числе которых: компетентные органы в области обеспечения транспортной безопасности (Минтранс России); Федеральная служба безопасности Российской Федерации; Министерство внутренних дел Российской Федерации; специально аккредитованные юридические лица; субъекты транспортной инфраструктуры и др. Таким образом, предложенное абстрагирование позволит предметно консолидировать обозначенные категории, сформировать концептуальное представление об их внутриотраслевой релевантности, а также несколько снизить излишнюю теоретическую нагруженность.

Специфичность поставленной задачи определяет в качестве отправной точки настоящего исследования анализ транспортного законодательства, в рамках которого особое внимание будет уделено юридическим основаниям, специальным дефинициям и алгоритмам взаимодействия специализированных субъектов по вопросам получения, обработки и последующей передачи информации указанной категории.

Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее – Федеральный закон № 16-ФЗ), являясь основой конструкции правового регулирования, устанавливает, что исключитель-

ными целями обеспечения транспортной безопасности являются устойчивое и безопасное функционирование транспортного комплекса, защита интересов личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства. Реализуя свой функциональный атрибут¹, настоящий Закон специфически связывает значительное количество юридических норм, однако, учитывая предмет нашего исследования, отметим лишь некоторые из них.

С целью определения потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства (далее – АНВ) в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и/или транспортных средств (далее – ОТИ и/или ТС) приказом Минтранса России, ФСБ России и МВД России от 5 марта 2010 г. № 52/112/134 (далее – межведомственный приказ) утвержден соответствующий закрытый перечень, согласно которому к ним отнесены: угроза захвата; угроза взрыва; угроза размещения или попытки размещения на ОТИ и/или ТС взрывных устройств (взрывчатых веществ); угроза поражения опасными веществами; угроза захвата критического элемента ОТИ и/или ТС; угроза взрыва критического элемента ОТИ и/или ТС; угроза размещения или попытки размещения на критическом элементе ОТИ и/или ТС взрывных устройств (взрывчатых веществ); угроза блокирования; угроза хищения [10].

В рамках правового развития рассматриваемого феномена Минтранс России устанавливает порядок информирования субъектами транспортной инфраструктуры и перевозчиками об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства [11]. И, наконец, последним элементом юридического конструкта выступают Правила взаимодействия субъектов обеспечения транспортной безопасности²,

определяющие их действия при проверке информации об угрозе совершения АНВ на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве [12].

Вместе с тем имеющийся правовой массив все еще не получил надлежащего развития. Не решены проблемы внутреннего взаимодействия субъектов ее обеспечения (к чему мы вернемся позже), наблюдаются процедурно-логические дефекты, в том числе в сфере профессионального образования.

Так, в соответствии с вышеуказанным порядком информирования субъекты транспортной инфраструктуры (в лице их персонала) обязаны незамедлительно предоставлять информацию об отраслевых угрозах соответствующим субъектам обеспечения транспортной безопасности. Однако при сопоставлении приведенных в настоящем нормативном документе установленных алгоритмов действий «Угроза размещения или попытки размещения взрывных устройств (взрывчатых веществ)» необоснованно выпадает из области правового регулирования.

В представленной таблице визуализированы наблюдаемые дефекты в части прохождения информации по видам транспорта.

Другими словами, по мнению законодателя, информирование субъектами обеспечения транспортной безопасности при получении данных о намерении размещения взрывного устройства либо о факте его размещения, например, на железнодорожном вокзале или метрополитене, осуществляться не должно. Тем не менее, сложно представить, что на практике обработка и передача таких сведений может быть проигнорирована. Кроме того, учебные материалы, используемые в области транспортного образования, не всегда содержат верное понимание отраслевых норм, что приводит к неточностям в определении границ компетенций акторов, обеспечивающих комплекс специ-

¹ Речь идет о том, что настоящий федеральный закон является бланкетным, в связи с чем функционально связывает различные нормативно-правовые акты, созданные в целях обеспечения безопасности на транспорте.

² Напомним, что субъекты обеспечения транспортной безопасности упоминаются авторами в качестве обобщающей категории исключительно в рамках настоящего исследования.

Таблица – Угроза размещения или попытки размещения взрывных устройств (взрывчатых веществ) по видам транспорта

Вид угрозы / транспорта	ОТИ метрополитена	ОТИ дорожного хозяйства	ОТИ автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта	ТС автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта	ОТИ железнодорожного транспорта	ТС железнодорожного транспорта	ОТИ воздушного транспорта/морского и внутреннего водного транспорта	ТС воздушного транспорта/морского и внутреннего водного транспорта
Угроза размещения или попытки размещения взрывных устройств (взрывчатых веществ)	-	-	-	+	-	+	-/+	-/-

альных мер, а также к субъективной интерпретации имеющейся терминологии.

Например, учебно-методическая документация дисциплины «Транспортная безопасность», определяя для работников порядок действий при угрозе совершения и совершении АНВ на ОТИ и (или) ТС железнодорожного транспорта, предписывает передавать указанную информацию силам обеспечения транспортной безопасности. Однако, согласно положениям Федерального закона № 16-ФЗ, персонал субъекта должен соблюдать порядок информирования, определенный Минтрансом России, в соответствии с которым субъекты транспортной инфраструктуры обязаны незамедлительно предоставлять информацию указанной категории в Министерство транспорта, органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации и органы внутренних дел Российской Федерации.

В учебном пособии, предназначенном для студентов технических специальностей железнодорожного транспорта, к основным факторам уязвимости объектов транспортной инфраструктуры в части потенциальной возможности осуществления на них актов незаконного вмешательства отнесены отсутствие или недостаточность процедур встреч-

ного досмотра на выходе из объекта транспортной инфраструктуры [14, с. 52]. Вместе с тем, напомним, что «встречный досмотр» в качестве досмотрового мероприятия в российской правовой системе не закреплен. На практике же подобные действия со стороны специализированных субъектов будут выходить за пределы компетенции последних и являться деликтными. В результате такой околонучной рефлексии молодые специалисты в своей повседневной деятельности будут экстраполировать искаженные теоретические представления, что, безусловно, негативно скажется на состоянии отраслевой защищенности.

Общая дефектность юридического массива способствует формированию весьма спорных теоретико-правовых представлений, излагаемых и в некоторых научных работах. В частности М. А. Смирнов в качестве примера АНВ приводит неумышленное действие пьяного пассажира метрополитена, выразившееся в падении последнего на рельсы и, как следствие, – последующей остановке поездов [15]. Полагаем, что автор соотносит моделируемое событие с угрозой блокирования, которое в рамках уже упомянутого межведомственного приказа выражено в возможности создания препятствия,

делающего невозможным движение ТС или ограничивающего функционирование ОТИ, угрожающего жизни и здоровью персонала, пассажиров и других лиц. Однако дефиниция указанного акта незаконного вмешательства имеет нормативную легализацию³, выраженную в противоправном действии (бездействии), в связи с чем такое деяние является виновным, а значит, и обусловлено наличием субъективной стороны. Таким образом, независимо от наступивших последствий неумышленное деяние пьяного пассажира не может быть отнесено к категориям отраслевых угроз. В действительности, анализируемый вид АНВ следует квалифицировать по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 267 УК РФ «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения», либо юридически оценивать в рамках ст. 11.1 КоАП РФ «Действия, угрожающие безопасности движения на железнодорожном транспорте и метрополитене».

Существующая проблема понимания законодательства в сфере транспортной безопасности, в том числе субъектами ее обеспечения, является комплексной и не ограничивается теоретико-правовым полем. Различная природа актов внутриотраслевого регулирования создает предпосылки к появлению неопределенностей, в том числе в области практического применения, связанных, например, с коммуникацией информации.

Далее в целях настоящей статьи следует дополнительно сузить предмет исследования, ограничив его анализом состояния взаимодействия в вопросах обмена информацией наиболее вовлеченных в такую деятельность организационно-правовых структур. При этом в качестве источника информирования целесообразно рассмотреть субъекты транспортной инфраструктуры, а в качестве получателя – территориальные либо линейные органы МВД России.

Итак, приказ Минтранса России от 16 февраля 2011 г. № 56 в п. 7 определяет, что источники информирования при получении анонимной информации об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства предоставляют ее в органы внутренних дел Российской Федерации. Однако положения утвержденной приказом МВД России № 736 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – Инструкция), не распространяются на анонимные заявления (сообщения), содержащие сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также о лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем, за исключением сведений о совершенном или готовящемся террористическом акте, в связи с чем возникают определенные коммуникационные сложности, а также выделяется первая правовая неопределенность [16].

Напомним, что согласно межведомственного приказа к категориям отраслевых угроз отнесены не только АНВ террористической направленности. Например, уже упомянутая угроза блокирования либо угроза хищения имеют иную правовую природу. Таким образом, анонимная информация об упомянутых видах угроз, поступившая в орган внутренних дел непосредственно от лица ее транслирующего, регистрации не подлежит. Вместе с тем правомерность принятия к учету органами внутренних дел этих же сведений, но поступивших уже через источник информирования (например, персонал железнодорожного вокзала), обосновано вызывает некоторые учетно-регистрационные затруднения.

Будет ли утрачивать статус анонимности информация, если ее ретранслирует

³ Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 16-ФЗ, акт незаконного вмешательства – это противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт; угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий.

конкретное и установленное лицо субъекта обеспечения транспортной безопасности после получения от анонима первоисточника? Возьмет ли на себя ответственность сотрудник дежурной части транспортной полиции за формально правомерный отказ в регистрации анонимного сообщения, например, о намерении некоего лица воспрепятствовать движению скоростного поезда «Сапсан» путем наложения на железнодорожный путь посторонних предметов? Представляется, что подобные коммуникационные алогизмы требуют дополнительного осмысления вне рамок настоящего исследования.

Вторая правовая неопределенность отсылает нас к проблемам специальной терминологии, обозначенным еще в начале настоящего исследования, проявляясь в части несогласованности видов решений, принимаемых субъектами обеспечения транспортной безопасности по результатам проверки информации об отраслевых угрозах.

Так, Постановление Правительства Российской Федерации от 15 августа 2018 г. № 943 предписывает МВД России в рамках своих полномочий принять одно из следующих решений: о достоверности информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства; о недостоверности информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства; о необходимости проведения дополнительных мероприятий по установлению достоверности информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства [17].

Вместе с тем напомним, что вся, за исключением установленных случаев, поступающая в органы внутренних дел информация подлежит регистрации и последующему разрешению в порядке, определенном законодательством, где, например, по результатам рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях соответствующим уполномоченным лицом принимается одно из видов решений: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о передаче по подследственности. Иными словами, правоохранительные орга-

ны при обработке получаемой информации будут оперировать юридическими категориями исключительно в рамках уголовного и уголовно-процессуального законодательства, не используя при этом внутреннюю терминологию сферы транспортной безопасности.

Подводя итог всему сказанному, следует заключить, что с одной стороны, ошибочная интерпретация отраслевого законодательства, наблюдаемая дефектность информационно-функционального взаимодействия между субъектами обеспечения транспортной безопасности, безусловно не приемлема. С другой стороны, учитывая значительное количество задействованных субъектов, понимание алгоритмов функционирования сферы обеспечения транспортной безопасности должно проходить посредством доступного осознания отраслевых дефиниций именно широким кругом лиц, а первичная (в первую очередь со стороны персонала транспортной инфраструктуры) классификация актов незаконного вмешательства не может быть обусловлена оперированием специально-юридическими категориями, что препятствует реализации внутриотраслевой коммуникации на практике.

Выделенная же в настоящем исследовании фрагментированность правовой материи может быть устранена посредством:

– включения в порядок информирования субъектами транспортной инфраструктуры и перевозчиками об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства по всем видам транспорта – угрозы размещения или попытки размещения взрывных устройств (взрывчатых веществ);

– дополнения подпункта 2.2.1 приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 относительно анонимного сообщения, содержащего данные о признаках совершенного или готовящегося террористического акта, следующим текстом: «либо угрозе бесперебойного функционирования транспортного комплекса и (или) крушения транспортного средства».

Вместе с тем предложенных мер недостаточно. Важно продолжить дальнейшее

осмысление предельных оснований возникновения фиксируемых дефектов. Требуется скорейшее приведение всех субъектов обеспечения транспортной безопасности в единое кодифицированное правовое поле путем

создания транспортного кодекса Российской Федерации, который специфически свяжет весь имеющийся правовой массив в части обеспечения отраслевой безопасности по видам транспорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трофимов Д. А. Транспортная безопасность в системе национальной безопасности // Труды академии управления МВД России. 2016. № 3. С. 122–125.
2. Зырянов С. М., Кузнецов В. И. Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 5–12.
3. Зиганшин М. М. Транспортная безопасность как объект административно-правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 41–57.
4. Смирнов М. А. Административно-правовой статус субъектов, обеспечивающих транспортную безопасность // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2017. № 3. С. 19–21.
5. Галицкий Р. В. Досмотровые мероприятия на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры: сравнительно-правовой анализ // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1. С. 28–33.
6. Мусин С. М., Волынский В. Ю. Аттестация сил обеспечения транспортной безопасности на воздушном транспорте // Sciences of Europe. 2020. № 49-4. С. 55–61.
7. Семенов С. А. Транспортная безопасность: проблемы становления // Транспорт Российской Федерации. 2018. № 3. С. 19–23.
8. Махина С. Н., Попова М. А. Транспортная безопасность как правовая категория: теоретико-правовой анализ // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 115–118.
9. О транспортной безопасности: федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ / URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 23.01.2022).
10. Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств: приказ Минтранса России, ФСБ России и МВД России от 5 марта 2010 г. № 52/112/134 / URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 23.01.2022).
11. О порядке информирования субъектами транспортной инфраструктуры и перевозчиками об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах: приказ Минтранса России от 16 февраля 2011 г. № 56 / URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 23.01.2022).
12. Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 августа 2018 г. № 943 / URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 23.01.2022).
13. Методические указания к выполнению практических работ для учебной дисциплины ОП.09 Транспортная безопасность, по специальности 27.02.03. Автоматика и телемеханика на транспорте (железнодорожном транспорте). СПб: ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019 / URL: <https://www.sptgt.ru/upload/iblock/7d5/Spetsialnost-27.02.03-AT-2019g.-OP.09-met.ukaz-Ivanova-V.A.pdf> (дата обращения: 23.01.2022).
14. Мартынова Ю. А. Транспортная безопасность: учебное пособие для студ. 4-го курса. Волгоград, 2017. С. 52 / URL: http://vtgtvolgograd.ru/sveden/Metod/Metod_74.pdf (дата обращения: 23.01.2022).
15. Смирнов М. А. Административно-правовое обеспечение общественной безопасности на объектах метрополитена: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 180 с.
16. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступле-

ниях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 / URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

17. Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 августа 2018 г. № 943 / URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

REFERENCES

1. Trofimov D. A. Transport security in the system of national security // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3. P. 122–125. (In Russ.)
2. Zyryanov S. M., Kuznetsov V. I. Transport security and the system of subjects of its provision // Journal of Russian law. 2012. No. 12. P. 5–12. (In Russ.)
3. Ziganshin M. M. Transport security as an object of administrative and legal regulation // Administrative and municipal law. 2017. No. 2. P. 41–57. (In Russ.)
4. Smirnov M. A. Administrative and legal status of subjects providing transport security // Actual problems of administrative law and process. 2017. No. 3. P. 19–21. (In Russ.)
5. Galitsky R. V. Inspection measures at the objects of transport and transport infrastructure: a comparative legal analysis // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. No. 1. P. 28–33. (In Russ.)
6. Musin S. M., Volynsky V. Yu. Certification of forces for ensuring transport security in air transport // Sciences of Europe. 2020. No. 49-4. P. 55–61.
7. Semenov S. A. Transport security: problems of formation // Transport of the Russian Federation. 2018. No. 3. P. 19–23. (In Russ.)
8. Makhina S. N., Popova M. A. Transport security as a legal category: theoretical and legal analysis // Problems of law enforcement. 2016. No. 3. P. 115–118. (In Russ.)
9. On transport security: federal law of February 9, 2007 No. 16-FZ / URL: <https://base.garant.ru> (date of access: 23.01.2022). (In Russ.)
10. On approval of the List of potential threats of acts of unlawful interference in the activities of transport infrastructure facilities and vehicles: order of the Ministry of Transport of Russia, the Federal Security Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 5, 2010 No. 52/112/134 / URL: <https://base.garant.ru> (date of access: 23.01.2022). (In Russ.)
11. On the procedure for informing transport infrastructure entities and carriers about threats and acts of unlawful interference at transport infrastructure facilities and vehicles: order of the Ministry of Transport of Russia dated February 16, 2011 No. 56 / URL: <https://base.garant.ru> (date of access: 23.01.2022). (In Russ.)
12. On approval of the Rules for the interaction of federal executive authorities, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, local authorities, transport infrastructure entities and carriers when verifying information about the threat of an act of unlawful interference at a transport infrastructure facility and (or) a vehicle: Decree of the Government of the Russian Federation dated August 15, 2018 No. 943 / URL: <https://base.garant.ru> (date of access: 23.01.2022). (In Russ.)
13. Guidelines for the implementation of practical work for the academic discipline of the EP. 09 Transport security, specialty 27.02.03. Automation and telemechanics in transport (railway transport). St. Petersburg: FGBOU VO PGUPS, 2019 / URL: <https://www.sptgt.ru/upload/iblock/7d5/Spetsialnost-27.02.03-AT-2019g.-OP.09-met.ukaz-Ivanova-V.A.pdf> (date of access: 23.01.2022). (In Russ.)
14. Martynova Yu. A. Transport security: a textbook for students 4th course. Volgograd, 2017. P. 52 / URL: http://vtgtvolgograd.ru/sveden/Metod/Metod_74.pdf (date of access: 23.01.2022). (In Russ.)
15. Smirnov M. A. Administrative and legal support of public security at metro facilities: dis. ... cand. legal sciences. M., 2020. 180 p. (In Russ.)
16. On approval of the Instruction on the procedure for receiving, registering and resolving in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation applications and reports on crimes, administrative offenses, incidents: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 29, 2014 No. 736 / URL: <https://base.garant.ru> (date of access: 12.01.2022). (In Russ.)

17. On approval of the Rules for the interaction of federal executive authorities, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, local authorities, transport infrastructure entities and carriers when verifying information about the threat of an act of unlawful interference at a transport infrastructure facility and (or) a vehicle: Decree of the Government of the Russian Federation dated August 15, 2018 No. 943 / URL: <https://base.garant.ru> (date of access: 23.01.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 342.572(470)

ГРАЖДАНЕ КАК ОСОБЫЙ СУБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ИНИЦИАТИВ В РОССИИ

Александр Александрович Редько

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, aredko3@mvd.ru

Аннотация. Правовая инициатива насчитывает значительное количество форм реализации. По своей глубине она гораздо объемнее законодательной инициативы, может быть частью законотворческого процесса, предшествовать ему или не иметь с ним связи. Ее реализуют основные и факультативные субъекты.

Субъекты правовой инициативы – это физические или юридические лица (индивидуальные или коллективные субъекты), которые, исходя из своих личных потребностей или должностных обязанностей, создают возможность изменения культурной, политической, правовой, религиозной или других сфер общественной жизни в сторону рационального и осмысленного их упорядочивания для эффективной защиты прав, свобод личности, правопорядка, различных форм собственности, основ конституционного строя, федеративного устройства и других демократических ценностей.

Ключевые слова: правовая инициатива, гражданская активность, правовая политика, обращения граждан, правовой статус, политика, право

Для цитирования: Редько А. А. Граждане как особый субъект правовых инициатив в России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 56–63.

Original article

CITIZENS AS A SPECIAL SUBJECT OF LEGAL INITIATIVES IN RUSSIA

Aleksandr A. Redko

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia, aredko3@mvd.ru

Abstract. Legal initiative is manifested in various forms of implementation. In terms of its content, it is much more voluminous than a legislative initiative. It may be part of the legislative process, precede it or have no legal connection with it. It is implemented by the main and optional subjects.

Subjects of legal initiative – these are individuals or legal entities (individual or collective entities) who, for reasons of personal needs or official duties, create the possibility of changing the cultural, political, legal, religious or other areas of public life. These transformations are necessary for their rational and meaningful systematization in order to effectively protect the rights of individual freedoms, the rule of law of various forms of ownership, the foundations of the constitutional system of the federal structure and other democratic values.

Keywords: legal initiative, civic engagement, legal policy, citizens' appeals, legal status, politics, law

For citation: Redko A. A. Citizens as a special subject of legal initiatives in Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 56–63.

Политические события, произошедшие в мире за последнее время, показали важность идеи прав человека в обществе и их неразрывной связи с построением современ-

ного, инновационного демократического государства. Ценность прав человека выдвигается на передний план в правовой политике стран как на международном уровне, так и

внутри государства. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, когда на чаше весов столкнулись экономическое благополучие государства и жизнь, здоровье каждого человека и гражданина. Можно много рассуждать о правильности или неправильности стратегических решений руководителей различных стран, но факт остается фактом: экономика приостановилась ради спасения населения, жизни каждого члена общества. Такое событие стало значимой вехой в теории права, переломным моментом, когда государство своими действиями обозначило приоритет интереса граждан над своими задачами. В этот период крайне важно разработать теоретико-правовую концепцию трансляции идей граждан в управленческий аппарат государственного и правового механизмов.

При исследовании правовой инициативы необходимо определить круг ее субъектов, т. е. потенциальных участников передачи идей общества государству. Субъекты правовой инициативы – это юридические и физические лица, общественные объединения и государства в целом – носители многообразных правовых и политических идей, направленных на инновационное развитие общества и государства путем рационального упорядочивания общественных отношений. В их роли могут выступать как индивидуальные, так и коллективные субъекты.

Круг субъектов правовой инициативы можно установить с учетом участия в политико-правовой, общественной и культурной жизни страны тех или иных физических или юридических лиц. Сложность возникает только при определении границ дифференциации правовой инициативы от иных видов социальных инициатив, правотворческого процесса и иных смежных категорий, поскольку эти границы до настоящего времени размыты. Все чаще сфера, на первый взгляд не относящаяся к правоинициативной, претерпевает серьезное реформирование, если должным образом освещается в СМИ. Здесь общественные отношения, как правило, по-

лучают развитие путем усмотрения отдельных специальных властных субъектов.

Однако специфика субъектов правовой инициативы остается неизменной. Они должны удовлетворять основным требованиям: быть самостоятельными, обособленными лицами; обладать способностью к принятию решений; доводить свои решения до сведения общества; опираться при их выработке на идеи совершенствования функционирования общества и взаимодействия государства и гражданина; оказывать своими действиями влияние на развитие правовой, политической и общественной жизни общества. Часто субъекты правовой инициативы выступают субъектами формирования правозащитной и правовой политики. Здесь необходимо привести мнение М. Г. Короткова: «Субъект правовой политики – это лицо или социальное образование, которое способно своими решениями и действиями, основанными на стратегических идеях, систематически оказывать существенное влияние на правовое развитие общества» [1, с. 11]. Полагаем, что приведенная дефиниция нуждается в дополнении: субъектом правовой инициативы может выступить лицо, группа лиц, социальное образование, общественное формирование, учреждение или организация, побуждающие своими активными действиями, лозунгами или демонстративным бездействием к возникновению новых правил поведения, которые могут получить нормативное закрепление в дальнейшем или протекать в форме саморегуляции.

К субъектам правовой инициативы относятся физические и юридические лица вне зависимости от правового статуса, учреждения, общественные формирования, государства в целом (например, при формировании протокольных обычаев подписания двусторонних договоров, алгоритмов действий между представителями государств, во взаимоотношениях с прессой).

При всем многообразии субъектов правовую инициативу в государстве должен реализовывать именно гражданин. Назрела необходимость изменить парадигму бездействия граждан, нужны стимулирующие

институты во всех отраслях права, побуждающие их к активным действиям, участию в формировании новых правовых отношений, заинтересованности в грамотно выстроенном механизме действия права. В настоящее время проблема заключается именно в том, что государство не желает замечать отторжение гражданских правовых инициатив. Подобное положение дел вызывает дисбалансирующие правовую систему процессы. Так, после принятия закона или подзаконного акта человек и гражданин не спешит проявлять правовую активность в форме соблюдения, исполнения или использования, а старается подстроить норму под себя. Ни для кого не секрет, что граждане проявляют своего рода усмотрение по отношению к закону, интерпретируют его по-своему, пытаются найти возможность его не соблюдать и при этом не быть привлеченными к юридической ответственности. Для многих это стало привычным образом жизни: запретили тонировать стекла автомобиля – приобрету двойные; нельзя приобретать алкоголь после 22 часов – закажу через доставку еды из ресторана или произведу самостоятельно; установлена фиксированная цена на табачные изделия – буду продавать подарочные наборы, состоящие из сигарет и зажигалки. Данная проблема глобальна и на поверку пронизывает все сферы жизни российского общества. Закон от момента своего принятия до конечного исполнителя может измениться настолько, что станет диаметрально противоположным. Эти обстоятельства вынуждают субъектов законотворческой инициативы активно реагировать: создавать уточняющие законы, ужесточать санкции, принимать на службу новых государственных служащих и должностных лиц, как следствие, – мы имеем разросшийся бюрократический аппарат, нескончаемые «подзаконы», дополняющие и уточняющие уже существующие акты.

Голландский фотограф Ян-Дирк ван дер Бург утверждает, что существует идеальная страна, в которой строители сначала смотрят, где люди ходят, а затем делают там дорожки [2]. Применительно к современной правовой системе можно сказать, что перед

принятием того или иного нормативного акта стоит задуматься об удобстве граждан. При правильном выстраивании механизма правовых инициатив результативность работы государственных органов повысится, а количество противоправных деяний и процент латентности бизнеса от общего финансового оборота снизятся, произойдут и другие положительные изменения. Очевидно, что человек XXI века сам хочет формировать свою действительность. Необходимо закрепить правовую инициативу в качестве неотъемлемого права гражданина, а в дальнейшем дать такую возможность в отдельных сферах политикоправовой среды бипатридам, апатридам и беженцам. Таким образом, правовая инициатива выступает в качестве инструмента, дающего гражданину способность самостоятельно выстраивать права, которыми он в дальнейшем будет обладать. Идеальное демократическое государство должно выглядеть как пирамида: ее вершина – человек, затем идет гражданское общество и только потом государство и его интересы.

Гражданин – особый субъект правовой инициативы. Его необходимо дифференцировать от других, на первый взгляд, однородных субъектов. Так, когда говорят о личности, человеке, гражданине, индивиде, часто не ограничивают эти понятия. Безусловно, они тесно связаны, иногда могут заменять друг друга, но при этом не тождественны [3, с. 23]. Человек есть разумное существо, обладающее мышлением и речью. Этим он отличается от всех иных биологических видов. Человек – существо не только биологическое, но и социальное, он находится в сложной системе отношений с другими людьми, осознает и аккумулирует в себе окружающую его действительность, способен изменять ее или по крайней мере влиять на нее. Гражданин – это человек, наделенный правами и обязанностями, указанными в системе позитивного права отдельно взятого государства.

Исходя из этих суждений правовая инициатива есть деятельность, призванная создать комфортные условия для суще-

ствования человека и его взаимодействия с подобными ему существами, соответственно, это естественная потребность, заложенная в живой природе и естественно-правовой теории права. Вероятно, вся эволюция человека сопряжена с проблемой формирования удобной, находящейся в гармонии с природой, логичной и упорядоченной с государством деятельности. Исследование проблем правовой инициативы – это комплекс вопросов, связанных с привнесением в юридическую материю человеческого потенциала, выражающего демократическую зрелость и гуманистическую направленность всего правового образа жизни современного общества. Без преувеличения можно сказать, что признание факта существования права на правовую инициативу будет одним из основных признаков построения правового и подлинно демократического государства.

Активность граждан и ее правовые формы имеют особое значение для характеристики включенности их в общественные позитивно-преобразовательные процессы, формирование правового государства. Люди должны осознавать, что они вправе самостоятельно принимать решения и, что важно, контролировать их выполнение всеми разрешенными законом способами; если же этих способов окажется недостаточно, граждане могут воспользоваться правом инициировать изменение законодательства.

На протяжении последних десятилетий россияне были заняты собственными, в первую очередь социально-экономическими проблемами. Были пройдены этапы политического взросления. Сегодня нужно говорить о том, что граждане готовы участвовать в политической жизни страны, бороться за свои права, объединяться, высказывать претензии власти. Все больший интерес вызывают политико-правовые процессы, происходящие в молодежной среде, особенно если они получили должное освещение в средствах массовой информации.

Нарастающее влияние сети Интернет упростило поиск близких по духу, взглядам и мыслям граждан. Они объединяются, создают форумы и чаты, проявляют правовую

и политическую заинтересованность. На информационных и развлекательных сайтах современный пользователь буквально впитывает тезисы, что политико-правовое положение дел в стране слабо соотносится с реальными настроениями в обществе. Единственным громкоотводом выступают электронные петиции как формы реализации правовой инициативы, при этом по причине низкого уровня правового сознания и правовой культуры, а часто и правового нигилизма и инфантилизма члены общественных объединений просто не знают, что не существует законодательства, которое бы регулировало сферу общественных отношений, возникающих в области формирования и рассмотрения петиций. Указанные обстоятельства устраивают власть, так как накопившуюся негативную энергию можно нивелировать посредством петиций, которые в дальнейшем будут рассмотрены как обращения граждан в соответствии с Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ [4].

Таким образом, основным субъектом правовой инициативы выступает гражданин отдельно взятого государства ввиду его правового статуса. Однако эффективность деятельности этого субъекта в настоящее время находится на очень низком уровне, при этом появление института правовой инициативы способствовало бы установлению реального народовластия. Об этом говорит и И. М. Япрынцева [5], указывая на то, что гарантия реализации правотворческой инициативы граждан – это механизм непосредственного народовластия. При этом автор ограничил деятельность граждан правовым полем и не учел желания политических, культурных, научных, общественных и других изменений, хотя в его работе речь идет именно о правовой, а не о правотворческой инициативе.

Еще в 1995 г. Правительство Российской Федерации осознало потребность молодежи в политико-правовых изменениях, ее стремление к объединению. «Молодежные и детские объединения имеют право вносить

предложения субъектам права законодательной инициативы по изменению федеральных законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы детей и молодежи» [6]. Однако не было учтено следующее: чтобы понять весь механизм правотворчества, найти единомышленников, получить доступ к административным ресурсам, оформить необходимую законодательную инициативу и т. д., нужно быть либо вундеркиндом (до 18 лет), либо очень образованным молодым человеком (до 30 лет). Своевременная разработка концепции правовой инициативы упростила бы все эти механизмы, повысила эффективность участия молодежи в жизни страны, способствовала формированию комфортной общественной среды. Государству необходимо признать его существование, услышать рациональные просьбы граждан, в том числе молодежи, проанализировать здоровую и нужную инициативу. В этом случае эффективность увеличивается пропорционально количеству участвующих в инициативе.

Сегодня, с некоторой осторожностью, но все же можно говорить и о фактах, когда правовая инициатива может противоречить регулятивной или охранительной норме права, и, если на чаше весов перед коллективными и индивидуальными субъектами стоит выбор между комфортным взаимодействием или административным наказанием в виде штрафа, часть из таких субъектов выбирает оплату штрафа. Такое положение вещей свидетельствует сразу о нескольких фактах: во-первых, правовая инициатива отражает реальное состояние в обществе многих аспектов частного и публичного права; во-вторых, усиливает запрос общества на ту или иную потребность; в-третьих, подтверждает тот факт, что правовая инициатива не может быть деструктивной, отрицательной, негативной, разрушительной и нецелесообразной.

Так, в случае возникновения логичного вопроса о том, что правовая инициатива гражданина, если таковая является продолжением социально активного поведения, может преследовать и негативные цели,

необходимо обратиться к трактату «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», в котором Т. Гоббс указывает на то, что все субъекты находятся в состоянии коллективного договора, который реализуется благодаря власти суверена. Участники общественных отношений постоянно договариваются о рациональных действиях, находясь в поиске выгоды для себя. Именно баланс и паритет с одновременным психологическим ощущением власти суверена и позволяют людям взаимодействовать между собой, в ином случае каждый получал бы по «силе своего меча» [7]. Отрицательное воздействие подразумевает разрушение чьих-либо интересов, пусть иногда и в угоду второй стороне. В связи с этим правовая инициатива несет только инновационный, рациональный и преобразовательный характер. Возможно кто-то и готов инициировать преобразования в правовой, политической, культурной или иной сферах, исходя из собственных интересов, но в этом случае стоит говорить о лоббизме, коррумпированности и кумовстве, а не о сущности правовой инициативы.

Ярким примером в современном мире является политика США и Украины, когда несправедливые и не отвечающие нормам общепризнанного естественного права действия в политическом пространстве как на международной арене, так и внутри государства, оправдываются нормами позитивного права, принятого Верховной Радой Украины или Конгрессом США. Такие инициативы формально обладают всеми характеристиками правовых, но фактически являются противоправными и требуют незамедлительного вмешательства со стороны международных правозащитных организаций. Речь идет в том числе и о правовых инициативах, основанных на идеях расизма, национализма, ненависти, инфантилизма, нигилизма, терроризма и экстремизма. «Множатся разнообразные факторы, националистические по сути и по форме воздействия на политико-образование. Инерционный в силу укоренившихся предрассудков и аллергичный к изменениям во внешнем мире, национализм

не лишился внутренних источников своей живучести – это эмоциональный выход недовольности немалой части населения своей жизнью» [8]. Такие инициативы граждан могут развиваться по двум направлениям: либо действующая власть пресекает их и объявляет вне конституционного поля, либо они подавляют действующую власть путем насильственной или ненасильственной революции, навязывают свое видение политических процессов в стране и на международной арене и, пользуясь алгоритмами нормотворчества, закрепляют все свои инициативы в нормативных правовых актах государства. Указанные процессы отчетливо наблюдались на ближнем зарубежье. В этом контексте можно говорить о легитимной (в гносеологическом смысле этого слова) правовой инициативе и нелегитимной правовой инициативе граждан. Последняя внешне отвечает большинству признакам: она связана с правом, отражает запросы общества, реализуется в межотраслевом правовом пространстве, но сформировалась в результате нарушения всех общепризнанных на международной арене принципов правового государства и гражданского общества и приводит к дисбалансу органов и институтов власти, к искажению самой сущности государства и права.

При этом в обществе присутствует понимание того, что если физическое лицо совершает противоправное деяние, оно привлекается к юридической ответственности, если специальные субъекты нормотворчества совершают противоправные деяния и их административные и политические ресурсы достаточны, они могут создать нормативно-правовой акт, оправдывающий такие деяния и переводящий их в разряд правовых. В том числе и по этим причинам необходимо позволить гражданам участвовать в правовой и политической жизни страны путем правовых инициатив. У населения в Российской Федерации исконно повышенное стремление к справедливости, народ просто не допустит использования тех или иных правомочий в угоду политической элите или отдельных заинтересованных лиц.

С этой точки зрения можно говорить о том, что право в позитивной интерпретации может или служить целям правовой инициативы или противодействовать ее возникновению. В то же время для того, чтобы правовая инициатива возникла в обществе, гражданин должен действовать альтруистически. Вполне вероятно, что инициативный субъект не пожелает делиться своими наработками с обществом и государством и в этом будет проявляться его свобода воли. К слову говоря, это еще одно отличие правовой инициативы от социально активного поведения. Субъект может проявлять социальную, политическую, правовую, культурную активность, но при этом придерживать свои наработки по применению и использованию тех или иных обнаруженных инноваций в сфере своей деятельности. Правовая инициатива подразумевает возможность пожертвовать свою идею широкому кругу лиц.

Сегодня понимание правовой инициативы переживает новый этап теоретического переосмысления, его разработка неразрывным образом связана с процессами демократизации общества и государства и формированием нового взгляда на место и роль правовой инициативы в механизме действия современного российского права. Успехи в развитии указанного направления во многом будут определяться тем, насколько в современных условиях удастся использовать позитивный теоретический багаж, наработанный авторами [9, с. 22]. Появление, осознание и научное обоснование таких явлений объективной действительности, как правовая инициатива, позволит сформировать новое актуальное правовое и политическое движение, что повлечет за собой необходимость разъяснения и уяснения механизмов соединения права и воли людей. Необходимо разработать такую систему законодательства, которая была бы направлена на создание условий комфортного существования в обществе всем его гражданам. Именно процессы правовых инициатив могут нести в себе комплекс юридических идей, направленных в первую очередь на защиту

жизни, здоровья, имущественных и неимущественных ценностей и так далее, а также формировать правильное положительное восприятие государства в лице его органов и организаций со стороны общества, которое судит об их эффективности, ориентируясь на инновационные преобразования. Другими словами, для граждан необходимо создать такие условия, при которых у лиц была

бы заинтересованностью в процессах политикообразования и правотворчества.

Анализ, систематизация, моделирование правовой сферы на основании правовых инициатив граждан могут позволить существенно повысить качество, а главное – эффективность принимаемых государством законов, и сформировать позитивное восприятие населением органов власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Короткова М. Г. Суд как субъект правовой политики (к постановке проблемы) // Российский судья. 2006. № 8.
2. Jan Dirk van der Burg. Olifantenpaadjes. Holland, 2011. 134 p.
3. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972.
4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 20.02.2022).
5. Япрынцеv И. М. Правовые требования как гарантия реализации правотворческой инициативы граждан в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 41–46.
6. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7041/ (дата обращения: 20.02.2022).
7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. 352 с.
8. Быков О. Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2011, 274 с.
9. Рудковский В. А. Некоторые особенности развития теории правовой политики в Советской юридической литературе // Право как ценность и средство государственного управления обществом. Волгоград, 2007.

REFERENCES

1. Korotkova M. G. The court as a subject of legal policy (to the formulation of the problem) // Russian judge. 2006. No. 8. (In Russ.)
2. Jan Dirk van der Burg. Olifantenpaadjes. Holland, 2011. 134 p.
3. Matuzov N. I. Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1972. (In Russ.)
4. On the procedure for considering applications from citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006 / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (date of access: 20.02.2022). (In Russ.)
5. Yaprntsev I. M. Legal requirements as a guarantee of the implementation of the law-making initiative of citizens in the constituent entities of the Russian Federation // State power and local self-government. 2016. No. 4. P. 41–46. (In Russ.)
6. On state support of youth and children’s public associations: federal law of June 28, 1995 No. 98-FZ / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7041/ (date of access: 20.02.2022). (In Russ.)
7. Hobbes T. Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state / foreword. and ed. A. Cheskis. M.: State. social economy publishing house, 1936. 352 p. (In Russ.)
8. Bykov O. N. National interests and foreign policy. M.: IMEMO RAN, 2011. 274 p. (In Russ.)

9. Rudkovsky V. A. Some features of the development of the theory of legal policy in the Soviet legal literature // Law as a value and means of public administration of society. Volgograd, 2007. (In Russ.)

Информация об авторе:

Редько А. А., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Redko A. A., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 09.11.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 09.11.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.132:004(574)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Евгений Петрович Шульгин

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова,
Караганда, Казахстан, shulgin_e@internet.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы трансформации правоохранительной деятельности Республики Казахстан в условиях развития цифровых технологий. Цифровые технологии как составляющая технологической сферы общества являются ведущим драйвером создания новой технологической, экономической и социальной реальности. Однако вызовы, стоящие перед новейшим индустриальным обществом, трудно переоценить, речь идет об изменении глобального социально-технологического уклада. Общая цифровизация в Республике Казахстан не могла обойти стороной правоохранительный сектор. Ускоренная цифровизация всех процессов, связанных с правоохранительной деятельностью, создает принципиально новые условия их функционирования. Динамические процессы цифровой трансформации требуют адекватной реакции на новые вызовы и условия адаптивного цифрового развития правоохранительных органов, что обуславливает необходимость определения их готовности к дальнейшей цифровой трансформации и приоритетов цифровых изменений.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, Республика Казахстан, организационно-распорядительная деятельность, трансформация, цифровизация, электронное уголовное дело

Для цитирования: Шульгин Е. П. Трансформация правоохранительной деятельности Республики Казахстан в условиях развития цифровых технологий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 64–71.

Original article

TRANSFORMATION OF THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Evgeny P. Shulgin

Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
named after Barimbek Beisenov, Karaganda, Kazakhstan, shulgin_e@internet.ru

Abstract. The article deals with topical issues of the transformation of law enforcement activities of the Republic of Kazakhstan in the context of the development of digital technologies. Digital technologies, as a component of the technological sphere of society, are the leading driver of the creation of a new technological, economic and social reality. However, it is difficult to overestimate the challenges facing the newest industrial society, we are talking about changing the global socio-technological order. The general digitalization in the Republic of Kazakhstan could not ignore the law enforcement sector. The accelerated digitalization of all processes related to law enforcement creates fundamentally new conditions for their functioning. Dynamic processes of digital transformation require an adequate response to new challenges and conditions of adaptive digital development of law enforcement agencies, which makes it necessary to determine their readiness for further digital transformation and priorities of digital changes.

Keywords: law enforcement, Republic of Kazakhstan, organizational and administrative activities, transformation, digitalization, electronic criminal case

© Шульгин Е. П., 2022

For citation: Shulgin E. P. Transformation of the law enforcement activity of the Republic of Kazakhstan in the context of the development of digital technologies // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 64–71.

В условиях глобальной цифровизации мировых процессов происходит инновационная трансформация правоохранительной деятельности, в частности стадии досудебного производства. Если раньше принятие решений основывалось на субъективных оценках, поиск данных был сложным и бюрократическим процессом, а взаимодействие с участниками уголовного процесса происходило преимущественно через физический контакт, то с развитием информационных технологий и новых цифровых инструментов произошло расширение возможностей оптимизации всей правоохранительной деятельности. На развитие цифровых технологий в Республике Казахстан большое внимание уделяется со стороны первых лиц государства.

Так, в Послании народу Казахстана от 31 января 2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» первый Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев подчеркнул необходимость ориентирования всей государственной службы на потребности граждан, что предполагает расширение сферы цифровизации [1]. Действующий Президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев в Послании народу Казахстана от 1 сентября 2021 г. «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны» отметил, что «Казахстан должен реализовать свой огромный информационно-телекоммуникационный потенциал. В новую цифровую эпоху он будет иметь геополитическое значение. Казахстан должен стать центральным цифровым хабом на значительной части евразийского региона» [2].

Активное развитие цифровых технологий в обществе обусловлено ежегодным ростом пользователей Интернета, обладателей персональных компьютеров и смартфонов, что позволяет находиться в онлайн-среде почти каждую минуту своей жизни. Кроме того, использование большинства инстру-

ментов цифровизации является либо полностью бесплатным, либо они доступны в деятельности любого государственного органа: электронные каталоги, собственные веб-сайты, мобильные приложения, сервисы сбора аналитических материалов, автоматизированные базы данных.

Трансформационные процессы, происходящие в обществе, не могут обойти стороной и правоохранительный сектор. Современные мировые тенденции требуют развития новых подходов в правоохранительной деятельности, ориентации современных глобальных цифровых платформ для системы, новых цифровых методов осуществления производства, стремительного распространения цифровой информации и т. п., что вносит существенные изменения в повседневный уклад.

В этой связи в декабре 2017 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан внесены изменения, позволяющие расследовать уголовные дела в электронном формате [3]. При этом информационно-коммуникационные технологии непосредственно в деятельности органов, осуществляющих досудебное производство, связаны с утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 Инструкцией о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате [4]. Данный нормативный правовой акт презентовал создание модуля «Электронное уголовное дело» как дополнительного функционала ранее действующей автоматизированной базы данных «Единый реестр досудебных расследований» [5].

Из этого следует, что в цифровой эре в условиях периодического локдауна с переориентацией деловых отношений на онлайн-пространстве, каждый сотрудник вынужден перестраиваться. Правоохранительные органы Республики Казахстан в XXI веке кардинально изменились. Сейчас почти все стадии и процессы оцифровыва-

ются, поэтому мы должны понимать, что этот путь развития является единственно возможным, чтобы соответствовать стремительно меняющимся условиям окружающего мира. По своей природе трансформационные преобразования, происходящие сейчас в правоохранительной деятельности Республики Казахстан, направлены на оптимизацию всех ее процессов. Данная оптимизация реализуется посредством внедрения отдельных элементов цифровых технологий, направленных в первую очередь на сокращение сроков всех видов производств.

Влияние информационных технологий на эффективность уголовного судопроизводства измеряется целым рядом параметров: возможностью облегчения работы участников; воздействием на степень взаимопонимания участников; приватностью информации, отсутствием несанкционированного доступа к ней других лиц; уровнем комфорта; безопасностью; отношением самих участников к соответствующему формату связи; возможностью обеспечения справедливости судебного разбирательства и некоторых других.

Внедрение информационных технологий в деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, имеет определенный ряд особенностей, в частности возможность использования в ходе расследования передовых технологий (включая 3D-принтеры, искусственный интеллект и др.). При этом, когда затрагиваются вопросы цифровизации самой деятельности, как правило, оговаривается, что существуют значительные препятствия не столько правового, сколько организационного характера. С точки зрения специфики деятельности, связанной с досудебным расследованием преступлений, несколько утопичными представляются мнения о том, что в скором времени работа следователя в данном направлении может быть в значительном объеме заменена технологиями, в частности роботами.

Электронный формат досудебного расследования полностью вписывается в кон-

струкцию учения об организации расследования преступлений, которое до сих пор дополняется новыми фрагментами в свете происходящих изменений. Деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, по-прежнему выступает как правовая охрана основных социальных ценностей, установление истины при расследовании совершенных правонарушений, предание виновных лиц суду.

С внедрением в практику деятельности органов досудебного расследования электронного формата произошло изменение не структурно-содержательного наполнения деятельности по досудебному расследованию, а преобразование ее отдельных внутренних параметров, преимущественно связанных с использованием имеющихся технических средств и специально созданных информационно-коммуникационных ресурсов (модуль «Электронное уголовное дело»). Вместе с тем соответствующий вид деятельности органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, и их должностных лиц, если оценивать его в качестве самостоятельного сегмента деятельности (в условном отрыве от непосредственного осуществления расследования по уголовному делу), также обладает набором специфических существенных признаков.

Далее следует отметить, что в настоящее время элементы цифровизации в правоохранительной деятельности четко прослеживаются в возможностях осуществления досудебного производства в электронном формате. Возможности осуществления досудебного производства в электронном формате содержат в своей сути множество положительных аспектов оптимизационного характера, за счет чего происходит:

- 1) значительная экономия рабочего времени сотрудников, осуществляющих досудебное производство;

- 2) повышение качества работы сотрудников за счет устранения бюрократических процедур и перераспределения ресурсов на реальное расследование преступлений;

3) усовершенствование и упрощение процедуры досудебного расследования (электронный формат общения между субъектами расследования – ликвидация бюрократических процедур, удаленный доступ к материалам следствия; сокращение рисков утери, удаления или фальсификации материалов досудебного расследования; устранение необходимости перевозки или пересылки бумажных носителей);

4) оптимизация систем контроля и надзора (самостоятельное получение субъектами контроля и надзора актуальной информации в минимальные сроки; автоматический контроль процессуальных нарушений путем обработки расширенной базы анализируемого материала в минимальные сроки);

В современных условиях для повышения эффективности деятельности необходимо:

– ускорить цифровую трансформацию: процессы, которые возможны в онлайн-режиме, желательно перевести в цифровую среду (в современных условиях эту задачу необходимо сделать приоритетной);

– оперативно реагировать на изменения: регулярно проводить мониторинг и анализировать динамику происходящих изменений в обществе, проявлять гибкость во взаимоотношениях, повышая авторитет в глазах народа;

– быть гиперчувствительными: привычная жизнь пошатнулась, поэтому доверие населения к правоохранительным органам сейчас важнее, чем когда-либо;

– внимательнее посмотреть на опыт сотрудников: если они будут чувствовать собственную ценность и безопасность, их деятельность будет более продуктивной.

В обозначенном следует выделить, что электронное уголовное дело позволяет также своевременно информировать участников процесса о принятых процессуальных решениях. В современных реалиях взаимосвязи между субъектами правоотношений проявляются в виде коммуникаций. Коммуникационная деятельность правоохранительной деятельности как открытой системы основывается на построении взаимоотношений с населением. Коммуникации в определенной

степени характеризуются взаимоотношениями, которые всегда возникают в процессе удовлетворения взаимных интересов участников. Поскольку население и правоохранительные органы находятся в динамическом взаимодействии, то коммуникационный процесс направлен на осуществление досудебного производства, удовлетворяющего потребности сторон. Коммуникация всегда должна возникать, когда необходимо вызвать определенную адекватную реакцию противоположной стороны.

Специфика деятельности правоохранительных органов заключается в том, что она организуется исключительно на основе нормативно-правовых предписаний. Иными словами, деятельность органов досудебного расследования, как и вся правоохранительная сфера, отличается четкой подверженностью правовой регламентации. Все остальные элементы данной деятельности (планирование, координация действий, контроль и др.) формируются уже в рамках тех необходимых условий, обстоятельств, последовательности действий и т. д., которые закреплены в нормативных правовых актах. Должностное лицо соразмеряет свою работу исключительно с действующими нормативными правовыми актами, что полностью исключает возможность критической, избирательной оценки соответствующих предписаний на стадии реализации деятельности по досудебному расследованию.

Цифровизация правоохранительной деятельности, несмотря на наличие необходимого «правового поля» в законодательстве Республики Казахстан, выделилась в самостоятельный сегмент деятельности только после ее общественного признания. В свою очередь, легитимизация стала возможной путем осуществления обеспечительных мероприятий, направленных на создание, апробацию и внедрение необходимых технических средств и систем, без функционирования которых деятельность органов досудебного расследования была бы затруднена.

В теории права творческая, преобразовательная, исследовательская деятельность

преимущественно трактуется в двух самостоятельных аспектах: она либо имеет характер преобразования действительности, направленного на выявление новых явлений, связей, взаимодействий; либо связана с «репродукцией тех или иных закономерностей, применением их в контексте конкретной ситуации к соответствующему объекту воздействия» [6]. Если применить соответствующую трактовку к деятельности по досудебному расследованию, то она в большей степени обусловлена прикладным аспектом использования тех или иных объективных закономерностей. Безусловно, весьма значительна и роль коммуникации в работе по расследованию преступлений. Характер данных коммуникаций различный: это и необходимые контакты с лицами-носителями информации о совершенном преступлении, и служебные взаимодействия (руководитель следственного подразделения, прокурор, эксперт и др.).

При внедрении и использовании элементов цифровизации в правоохранительную деятельность немаловажное значение имеет и психологический аспект, заключающийся в особенностях восприятия субъектом деятельности цифровых элементов носителя информации. Здесь следует учитывать неизбежные функции интеллектуальной и поведенческой рефлексии у сотрудников правоохранительных органов, когда на протяжении длительного времени они работали исключительно с документами в бумажном формате. Так, еще на первых этапах появления электронных документов утрата бумажной формы, как считают исследователи, делает источники информации абсолютно идентичными и практически равнозначными с точки зрения значения «авторитетности» текста. Имеется целый ряд особенностей восприятия электронного документа: повышенная скорость прочтения, снижающая качество оценки информации; разная степень внимательности при восприятии большого текста в течение более или менее продолжительного времени; предпозиционная установка на сниженную степень уникальности документа и некоторые другие.

В настоящее время на повестке дня стоит вопрос дальнейшей цифровизации и оптимизации стадии досудебного производства. Целесообразным является внедрение видеоформата. Внедрение видеоформата позволит:

- повысить качество выполнения функциональных обязанностей лиц, осуществляющих досудебное производство;
- исключить факты фальсификации и превышения должностных полномочий;
- сократить сроки досудебного расследования за счет экономии времени, затрачиваемого на составление протокола следственного действия.

Относительно актуальности возможного перехода досудебного производства на видеоформат свидетельствуют произошедшие в Казахстане «Январские события». Так, в частности, Президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев в Послании народу Казахстана от 16 марта 2022 г. «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» отметил, что «имели место факты, когда сотрудники правоохранительных органов применяли к задержанным запрещенные методы дознания и даже пытки. Такие варварские проявления средневековья противоречат принципам любого прогрессивного общества. Они неприемлемы и для нас» [7].

Возможности видеоформата (видеофиксация хода всего следственного действия) в будущем может исключить подобные факты. При этом бытует мнение, что видеофиксация следственного действия обязательно должна сопровождаться дублированием в протоколе [8; 9], так как видеозапись может прийти в негодность или быть утерянной. Другая группа ученых придерживаются мнения о целесообразности при производстве следственного действия отражать ход его проведения в протоколе с параллельной видеофиксацией [10; 11].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в настоящее время теория и практика придерживается мнения об обязательности составления протокола следственного действия. Однако мы придерживаемся несколько иной позиции. В частности, мы считаем, что видеоформат позволит значи-

тельно оптимизировать стадию досудебного производства, внесение соответствующих изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность правоохранительных органов, позволит процессуально его закрепить. Относительно вопросов организационно-распорядительной деятельности следует отметить, что выход из ситуации есть, предлагаем на базе информационной системы «Единый реестр досудебных расследований» разработать дополнительный функционал «Видеоархив», который позволит аккумулировать записи следственных действий.

Следовательно, процесс законодательного закрепления данного формата досудебного производства можно обозначить легитимизацией уже существующих форм работы с электронными носителями информации, сопровождающейся алгоритмизацией действий должностных лиц в целях обеспечения необходимого уровня защищенности, строгой системы доступа к соответствующей информации, а также защиты прав и законных интересов участников стадии досудебного расследования.

Видеоформат в своей перспективе должен дополнить электронный формат досудебного производства. Деятельность органов досудебного расследования, осуществляющих производство в электронном формате, не может быть представлена без четко выраженной структуры. Таким образом, определенная статичность оправдавших свою эффективность форм и методов чаще всего обоснована. Безусловно, достижение основных показателей качественного расследования преступлений возможно и при традиционной (бумажной) форме. В части большинства показателей качества досудебного расследования констатируется весьма слабая зависимость от изменения внешних форм, не затрагивающих непосредственно содержательную часть расследования. Вместе с тем отдельные весьма значимые индикаторы расцениваются находящимися в прямой зависимости от оптимизации системы электронных средств обмена информации в правоохранительной деятельности [6, с. 34].

Кроме того, необходимо учитывать, что и видеоформат следует воспринимать как новую юридическую категорию, однако несколько другого, преимущественно организационно-технического уровня. Во-первых, важно признание, что внедрение видеоформата будет иметь только одно направление – отказ от бумажного протоколирования. Видеоформат может подвергаться изменениям только с появлением новых технологических возможностей. Во-вторых, сам видеоформат, безусловно, будет находиться в динамическом процессе за счет расширения сферы информационно-коммуникационных взаимодействий.

Происходящая в данное время в Республике Казахстан цифровая трансформация правоохранительной деятельности является неизбежным фактором, который затрагивает все без исключения общественные институты. Правоохранительная деятельность должна защищать права и законные интересы граждан, а элементы цифровых технологий в свою очередь должны способствовать быстрому, качественному и беспристрастному восстановлению нарушенных прав граждан.

Из изложенного следует, что правоохранительная деятельность в современном мире строится на концепции интегрированных цифровых коммуникаций, которая предусматривает оценку роли каждого из их элементов в стратегии продвижения, а также поиска их оптимального сочетания, чтобы обеспечить эффективное влияние коммуникационных аспектов на общее развитие правоохранительного сектора. Цифровизация сегодня является влиятельной сферой, и на данный момент именно цифровые технологии мощно оказывают воздействие на все преобразования в стране. Положительные результаты цифровизации возникают отнюдь не автоматически. У нее есть потенциал поддержки и развития. Как отмечалось выше, итоговое воздействие будет зависеть от уровня развития и готовности стран и их заинтересованных сторон, а также от политики, проводимой на национальном, региональном и международном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность: послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана // Казахстанская правда. 2017. 31 января.
2. Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность: послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана // Казахстанская правда. 2017. 31 января.
3. О внесении изменения и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности: закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК // Казахстанская правда. 2017. 22 декабря.
4. Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 // Эталонный контрольный банк НПА Республики Казахстан в электронном виде. 2018.
5. Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 (ред. от 2 июля 2020 г.) / URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744>.
6. Шульгин Е. П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 262 с.
7. Новый Казахстан: путь обновления и модернизации: послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева народу Казахстана / URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_1/.
8. Маслов И. В., Шапков С. А. Применение технических средств фиксации осмотра места происшествия, производимого без участия понятых / И. В. Маслов, С. А. Шапков // Уголовный процесс. 2014. № 1 (109). С. 22–29.
9. Глушков М. Р. Обязательна ли непрерывная видеофиксация следственного действия? / М. Р. Глушков // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 85–89.
10. Шиканов В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. На материале процессуальных и криминалистических исследований уголовных дел об убийстве / В. И. Шиканов. Иркутск: Издательство: Иркутского университета, 1978. 190 с.
11. Криминалистическая видеозапись: учебное пособие (курс лекций) / под общей ред. Р. Ю. Трубицина и О. А. Щеглова. М.: Щит-М, 2004. 208 с.

REFERENCES

1. The third modernization of Kazakhstan: global competitiveness: the message of the President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan // *Kazakhstanskaya Pravda*. 2017, January 31. (In Russ.)
2. The third modernization of Kazakhstan: global competitiveness: the message of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan // *Kazakhstanskaya Pravda*. 2017, January 31. (In Russ.)
3. On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the modernization of the procedural foundations of law enforcement: Law of the Republic of Kazakhstan dated December 21, 2017 №. 118-VI ZRK // *Kazakhstanskaya Pravda*. 2017, december 22. (In Russ.)
4. On approval of the Instruction on conducting criminal Proceedings in electronic format : Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated January 3 , 2018 № 2 // Reference control Bank of the RLA of the Republic of Kazakhstan in electronic form. 2018. (In Russ.)
5. On approval of the rules for receiving and registering applications, reports or reports on criminal offenses, as well as maintaining a Unified register of pre-trial investigations: Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated September 19, 2014 № 89 (editorial board from 02.07.2020) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744>. (In Russ.)
6. Shulgin E. P. Legal and organizational bases of the activities of the pre-trial investigation bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, conducting proceedings in electronic format: dis. ... cand. jurid. M., 2021. 262 p. (In Russ.)

7. New Kazakhstan: the path of renewal and modernization: message of the President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh. K. Tokayev to the people of Kazakhstan / URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_1/. (In Russ.)

8. Maslov I. V., Shpakov S. A. The use of technical means of fixing the inspection of the scene of an incident carried out without the participation of witnesses / I. V. Maslov, S. A. Shpakov // Criminal process. 2014. № 1 (109). P. 22–29. (In Russ.)

9. Glushkov M. R. Is continuous video recording of an investigative action mandatory? / M. R. Glushkov // Problems of law enforcement activity. 2016. № 3. P. 85–89. (In Russ.)

10. Shikanov V. I. Actual issues of criminal proceedings and criminalistics in the conditions of modern scientific and technological progress. Based on the material of procedural and criminalistic studies of criminal cases of murder / Shikanov V. I. Irkutsk: Publishing House: Irkutsk University, 1978. 190 p. (In Russ.)

11. Forensic video recording : textbook (course of lectures) / under the general editorship of R. Y. Trubitsin and O. A. Shcheglova. M.: Shield-M, 2004. 208 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Шульгин Е. П., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Shulgin E. P., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 03.09.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 347.122(470)(091)

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ

Владимир Григорьевич Ищук¹, Виктор Владимирович Семенов²

^{1,2} Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Рязань, Россия

¹ valdemar130@yandex.ru, ² viktor-sem@ya.ru@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления института защиты гражданских прав в российском праве. Проведен анализ начального этапа исторического развития указанного института. Показано место наиболее ранних письменных памятников древних славян в его формировании. Автор обращает внимание на то, что древнерусское законодательство не только имело довольно развитую систему гражданско-правовых норм, регулирующих вещные и обязательственные правоотношения, но и предусматривало возможность защиты их субъектов от посягательств. Вопросы гражданско-правовой защиты в древнерусском праве сливаются с ответственностью за преступления. Автор отмечает, что зарождение отдельных элементов института защиты частных прав в Древней Руси началось в X веке. В Русской Правде, а также в Судебниках Ивана III Васильевича и Ивана IV Грозного происходит их дальнейшее развитие, регулирование защиты осуществляется под влиянием правительственной политики, существенное место отводится судебным органам, возрастает роль органов государства в разрешении споров.

Ключевые слова: защита права, институт защиты гражданских прав, способы защиты гражданских прав, ответственность за нарушение прав, защита по Русской Правде, защита по договорам Руси с Византией 907, 911, 944 и 971 гг., защита частных прав по Судебнику 1497 года, защита частных прав по Судебнику 1550 года

Для цитирования: Ищук В. Г., Семенов В. В. Становление института защиты частных прав // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 72–78.

Original article

THE FORMATION OF THE INSTITUTION FOR THE PROTECTION OF PRIVATE RIGHTS

Vladimir G. Ischuk¹, Viktor V. Semenov²

^{1,2} Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya, Ryazan, Russia

¹ valdemar130@yandex.ru, ² viktor-sem@ya.ru@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of the Institute of civil rights protection in Russian law. The author carries out analysis of the initial stage of the historical development of the institution. The significance of the earliest written artifacts of the ancient Slavs for its formation is shown. The author draws attention to the fact that ancient Russian legislation not only had a sufficient developed system of civil law rules concerning property and legal relations, but also provides for the possibility to protect their subjects from infringement. The issues of civil law protection in Old Russian law merge with responsibility for crimes. The author notes that the emergence of certain elements of the institution of protection of private rights in Ancient Russia began in the 10th century. In Russkaya Pravda, as well as in the Code of Laws of Ivan III Vasilyevich and Ivan IV Grozny, their further development took place, the regulation of protection is carried out under the

---

© Ищук В. Г., Семенов В. В., 2022

influence of government policy, an important place is given to the judiciary, the role of state bodies in resolving disputes is increasing.

Keywords: right protection, institute of civil rights protection, the institution of protection of civil rights, civil law protection methods, responsibility for violation of rights, protection according to the Russkaia Pravda (Rus' Justice), protection under the treaties between Russia and Byzantium in 907, 911, 944 and 971, protection of private rights according to the Code of Laws of 1497, protection of private rights according to the Code of Laws of 1550.

For citation: Ischuk V. G., Semenov V. V. The formation of the institution for the protection of private rights // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 72–78.

Характеристика современного состояния института защиты частных прав и определение перспектив его дальнейшего развития невозможны без изучения исторических особенностей становления, развития частного права и выявления в них элементов рассматриваемого института. Истоки института защиты частных прав в нашей стране следует искать в ранних письменных памятниках древних славян. Статус института защиты частных прав претерпевал с течением времени значительные преобразования. Наиболее отчетливо это можно увидеть в постсоветский период. Современная кодификация гражданского законодательства активизировала изучение вопросов защиты частных прав с позиции цивилистики.

Исторический анализ защиты частных прав возможен в связке гражданско-правовой ответственности и защиты. Ни один памятник Древней Руси не содержал ни понятия защиты нарушенных прав, ни способов их защиты, однако в них закреплялись нормы, предусматривающие ответственность за допущенные правонарушения. В связи с этим интерес должен представлять вопрос о соотношении защиты и ответственности. В. П. Грибанов отмечал, что право на защиту в материально-правовом значении представляет собой возможность применения в отношении правонарушителя мер принудительного воздействия [1, с. 106]. Известные цивилисты меры принуждения зачастую отождествляют с мерами ответственности, а также указывают на то, что по своему назначению они являются способами защиты. По мнению Н. С. Кузнецовой, ответственность выполняет функцию образа защиты нарушенных прав [2, с. 94]. При изучении развития института защиты частных прав мы

будем исходить из того, что само по себе закрепление мер ответственности, влекущих для нарушителей норм права неблагоприятные последствия в виде, например, убытков, штрафов и т. д. уже свидетельствует о предоставлении защиты.

Исследование особенностей становления института защиты частных прав следует начать с самых первых письменных памятников Древней Руси. К ним относят договоры, которые в разные годы были заключены с Византией. Следует обратить внимание на отсутствие единого мнения относительно договора 904 года. Не все историки уверены в его существовании. Дошедший до нашего времени текст, который относят к указанному договору, не представляет особого значения для исследования рассматриваемого института, так как не содержал положений частного права, а регулировал исключительно вопросы обеспечения русских греками. Заключенные в 907, 911, 944 и 971 годах соглашения Древней Руси с византийскими правителями более интересны с точки зрения изучения вопросов зарождения института защиты частных прав, в них можно увидеть зачатки частного права, в том числе и положения, относящиеся к защите нарушенных прав. Они отражали состояние законодательства греческого и русского государств и послужили основой для формирования современного института защиты частных прав.

Среди памятников Древней Руси существенной вклад внесла Русская Правда. С ней связан переломный момент в развитии института защиты частных прав, заключающийся в переходе от саморасправы, когда сами потерпевшие или их родственники самостоятельно защищали нарушенные права,

к легитимной защите, когда вопросы защиты стал определять и регулировать закон. В этот период можно наблюдать переход защиты в правовое поле. Изучение Русской Правды показывает, что законодательство по вопросам защиты нарушенных прав совершенствовалось и на тот период времени было достаточно развитым. Закреплялись нормы, которые позволяли защищаться от возможных посягательств не только в вещных, но и в обязательственных правоотношениях. С определенной долей уверенности можно сказать, что в ней получили отражение первые способы защиты частных прав, к которым следует отнести возврат имущества и выплату компенсации. Такой вывод основан на закреплённой в Русской Правде ответственности в виде возврата имущества и выплаты компенсации.

Значительный этап развития института защиты частных прав связан с Судебниками 1497 года и 1550 года. Отличительной особенностью, демонстрирующей нам особое внимание к частному праву, было то, что в них не только разделялись уголовно-правовая и гражданско-правовая ответственности, но и то, что последняя в ряде случаев была приоритетней, то есть предшествовала уголовному наказанию [3, с. 157]. В рассматриваемый период законодательство развивалось с учетом необходимости охраны прав господствующего класса. Развитие правового регулирования защиты напрямую было связано с необходимостью обеспечения защиты личности феодала и его собственности. Этого требовало образование централизованного феодального государства.

Судебник 1497 года являлся первым кодексом Русского централизованного государства. В нем можно встретить статьи из других правовых памятников Древней Руси, а его содержание было обусловлено социально-экономическим развитием Русского государства. Несмотря на то, что уголовная и гражданско-правовая ответственность в Судебнике по-прежнему переплетались, защите частных интересов стало уделяться значительно больше внимания. Судебник 1497 года был правовым актом своего вре-

мени и отражал особенности этого периода. Так, его текст пронизывают нормы о защите интересов феодалов, что являлось следствием усиления феодальной эксплуатации и обострения классово-вой борьбы. Закрепляя уголовную и гражданскую ответственность, он предоставлял защиту частным лицам от возможных нарушений. Отчетливо можно наблюдать проявление того, что не только наказание правонарушителя в виде неблагоприятных для него последствий стало иметь существенное значение при привлечении его к ответственности за совершенное деяние, но и компенсация потерпевшему того, чего он лишился в результате противоправных действий. Проследим это на примере преступлений, за которые Судебник 1497 года предусматривал не только уголовное наказание преступника, но и возмещение ущерба. Из содержания Судебника мы видим, что «при воровстве, разбое, убийстве или злостной клевете с целью вымогательства, или в ином каком-либо преступлении, и окажется (что тот, на кого приведены улики, действительно заведомый) преступник, то боярину велеть его казнить смертной казнью, а сумму иска велеть взыскать с его имущества, а что останется из имущества, то боярину и дьяку взять себе» [4, с. 159]. Интересно дело обстояло в том случае, когда имущества у преступника было недостаточно для покрытия иска. В таком случае, как следует из Судебника, преступник боярину не выдавался, а подлежал смертной казни тиуну великого князя московского и дворскому. Взыскание суммы иска предусматривалось также за воровство в первый раз. Причем, если взыскать сумму иска не получалось, то преступника подвергали наказанию в виде битья кнутом и продажи (штрафа). Если же не оказывалось «у того татя» имущества, которым можно было бы заплатить сумму иска, то преступника продавали в рабство. Можно предположить, что это имело двойное назначение: наказать его за совершенное деяние и покрыть ущерб истцу. При повторном задержании вора казнили, а сумму иска, равную убытку истца, истребовали из его имущества [4, с. 358]. При рассмотрении норм

о воровстве можно сделать вывод о том, что наказание для вора было нескольких видов, но в любом случае предусматривалось возмещение убытков потерпевшему от воровства. Использование термина «равный» свидетельствует о том, что основная задача такого возмещения заключалась в компенсации убытков. Из этого следует, что в Судебнике 1497 года уделялось внимание защите прав потерпевших от преступных действий, защита нарушенных частных прав носила не только штрафной, но и компенсационный характер, который предполагал восстановление того имущественного состояния, которое было до нарушения. Стоит обратить внимание на то, что отсутствие имущества у обвиняемого в татьбе, разбое, душегубстве и ином лихом деле не позволяло истцу рассчитывать на компенсацию, так как в этом случае ст. 8 Судебника 1497 года не предполагала возможность отмены смертной казни («... А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу въ его гибели не выдати, а велети его казнити смертною казнию тиуну великого князя московскому да дворскому»). С течением времени ответственность в форме компенсации в частно-правовых отношениях стала приобретать большее значение, а в настоящее время имеет основной характер.

Судебник 1497 года уже содержит положения, регулирующие некоторые вопросы судопроизводства. Так, в ст. ст. 4–7 «О полевых пошлинах» формально определяется при проведении судебного поединка размер судебных пошлин и порядок их взимания в казну. «Поле» являлось пережитком старых форм судопроизводства и применялось при разрешении гражданских споров (в «заемном деле» или в «бою») и при рассмотрении уголовных дел [4, с. 379]. Увеличение размера таких пошлин и расширение перечня лиц, которым они выплачивались (судебных агентов), являются наглядным примером того, как правительство оказывало влияние на сферу защиты нарушенных прав, как оно своими действиями предопределило дальнейшую ликвидацию вооруженных состязаний перед лицом суда – «поля». Стоит отме-

тить, что любые изменения в регулировании размера и порядка уплаты пошлины и в настоящее время способны повлиять на саму возможность обращения за судебной защитой. Можно говорить о том, что под влиянием правительственной политики такой вид судебного доказательства, как судебный поединок постепенно исчезает, так как его использование не позволяло суду, который в то время относился к органам государственной власти, влиять на ход судебного процесса.

Запрет на нарушение межевых знаков и покушение на чужую собственность (ст. 62) – основной принцип, действующий в то время в области поземельных отношений. Нарушение границ феодальных земельных владений квалифицировалось как преступление и влекло за собой для виновного телесное наказание и денежное взыскание в пользу истца, что также говорит о наличии норм защиты частных прав.

Определенным нововведением было установление Судебником 1497 года сроков давности (ст. 63): трехлетний – по спорам между отдельными лицами, шестимесячный – при спорах, возникавших из-за захвата государственных земель. Из рассматриваемой нормы прослеживается более сильная защита прав государства в области частных отношений.

При займе Судебник 1497 года исходит из необходимости защиты прав невиновного в несостоятельности заемщика и не предоставляет займодавцу возможности получения с него больше того, что он должен был вернуть изначально. Так, в ст. 55 Судебника 1497 года указано, что «Если какой-либо купец, отправляясь в торг, возьмет у кого-нибудь (для торговых оборотов) деньги или товар, а в дороге товар у него погибнет без всякого злого умысла с его стороны, – то боярин, произведя расследование, пусть велит дьяку великого князя дать тому (купцу) грамоту с печатью великого князя об уплате истцу в рассрочку основного капитала без процентов» [4, с. 370]. В несколько упрощенном и уточненном виде это положение было заимствовано из текста Русской Правды. Судьба виновного заемщика за-

ключалась в «выдати головою на продажу» [5, с. 101], то есть до окончательного погашения долга. На наш взгляд, допустимым будет указать, что Судебник 1497 года при регулировании защиты частных интересов кредитора, используя понятие «умысел», ставит ее в зависимость от вины должника. Установленный порядок был удобен и для заемщиков-должников (купцов «идуших в торговлю») и для займодавцев-кредиторов (купцов, духовных феодалов), так как создавал для них гарантии защиты. Дополнительные гарантии заключались в расследовании боярином причин возникшей несостоятельности и выдаче дьяком великого князя полетной грамоты, которая скреплялась великокняжеской печатью.

Рассмотренные положения Судебника 1497 года свидетельствуют о следующем:

- во-первых, развитие института защиты частных прав происходило под влиянием правительственной политики и отражало процесс централизации суда и управления;

- во-вторых, Судебник 1497 года сыграл существенную роль в формировании основ гарантированности реализации потерпевшими возможностей восстановления нарушенных прав.

Важный этап в развитии законодательства Русского централизованного государства, в том числе и института защиты частных прав, связан с изданием Судебника 1550 года. Развитие института защиты в рассматриваемый период сопровождалось следующим:

- во-первых, существенное место в защите нарушенных прав стало отводиться судебным органам. Ответственность судей усиливалась, она стала носить дифференцированный характер. Судьи теперь отвечали за неправильные решения, составление подложных ссудных списков (протоколов судебного разбирательства), взяточничество и др.;

- во-вторых, поддерживалась подача жалобы верховной власти;

- в-третьих, усиливался контроль со стороны центрального государственного аппарата за местными судебными органами;

- в-четвертых, при сохранении сроков давности по земельным спорам возросла роль органов государства в их разрешении. Право выбора суда не принадлежало истцу или ответчику, теперь его назначал орган власти.

Происходящие изменения правового статуса основных группировок господствующего класса феодалов сопровождались введением для них новых ограничений. Такие ограничения коснулись и частных правовых отношений, например, был закреплен запрет феодалам заставлять работать в своем хозяйстве должников, взявших в долг деньги под проценты. Хотелось бы думать, что отмеченное было обусловлено стремлением защитить более слабую сторону правоотношения, но велика вероятность того, что такие процессы имели политическую основу.

Вопросам компенсации морального вреда уделялось особое внимание. Устанавливался штраф за оскорбление (бесчестье). Его размер находился в зависимости от положения пострадавшего в обществе. За бесчестье детей боярских, находящихся на кормлении, взыскивалась сумма в зависимости от получаемого ими дохода; за бесчестье детей боярских, получающих денежное жалование, – в зависимости от нормы жалования. За бесчестье «гостя» (представителя верхов посадского населения) взыскивалось 50 рублей, а за бесчестье «средних» посадских людей – 5 рублей, за крестьян и рядовых горожан – 1 рубль [6, с. 29].

Судебник 1550 года стоял на защите прав детей. Родителям было запрещено продавать в холопство своих детей, рожденных до похолопления или до пострижения (ст. 76). В основе этого были также политические мотивы – воспрепятствование росту холопства.

Составители Судебника с особым вниманием отнеслись к вопросам защиты прав холоповладельца. С одной стороны, интересным образом выстраивались отношения между холопом и холоповладельцем в случае возникновения спора, так как закон требовал обязательной регистрации служилых

кабал, без которой холоповладелец не получал судебной защиты своих прав. С другой стороны, закон устанавливал строгие правила, запрещающие заключение служилой кабалы несвободным человеком. Нарушение указанного правила вело к появлению у старого господина права на защиту посредством предъявления иска, последствиями чего являлись потеря данной по кабале суммы и возврат холопа, а если холоп оказался беглым и обворовал при побеге своего господина, то дополнительно возмещался причиненный ущерб. Указанное говорит о том, что права холоповладельцев находились под строгой охраной, при нарушении возникало право на защиту, которая сводилась к возврату холопа и возмещению ущерба.

Все вышеприведенное дает основания сделать вывод о том, что древнерусское законодательство не только имело довольно развитую систему гражданско-правовых норм,

регулирующих вещные и обязательственные правоотношения, но и предусматривало возможность их субъектов защититься от посягательств. Особое внимание в древнерусском законодательстве уделялось ответственности за совершенные противоправные деяния, вопросы гражданско-правовой ответственности сливались с ответственностью за преступления. Учитывая системные связи мер защиты и мер ответственности, можно утверждать о первоначальном этапе зарождения отдельных элементов института защиты частных прав в начале X века. В Русской Правде, а также в Судебниках Ивана III Васильевича и Ивана IV Грозного происходит их дальнейшее развитие, регулирование защиты осуществляется под влиянием правительственной политики, существенное место отводится судебным органам, возрастает роль органов государства в разрешении споров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000.
2. Кузнецова Н. С. Защита субъективных гражданских прав и гражданско-правовая ответственность: вопросы соотношения // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2017.
3. Попрыдухина И. В. Гражданско-правовая ответственность по Судебнику 1497 г. // Вектор науки ТГУ. № 4 (14). 2010.
4. Памятники русского права. М.: Госюриздат, 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Издание третье дополненное. Киев, 1887.
6. Памятники русского права. Вып. 4: Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1956.

REFERENCES

1. Griбанov V. P. Limits of implementation and protection of civil rights // Implementation and protection of civil rights. M.: Statut, 2000. (In Russ.)
2. Kuznetsova N. S. Protection of subjective civil rights and civil liability: issues of correlation // Protection of civil rights: selected aspects: collection of articles / Moscow State University. legal un-t im. O. E. Kutafina (MGYuA) / tutor. ed. count and resp. ed. M. A. Rozhkova. M.: Statut, 2017. (In Russ.)
3. Popryadukhina I. V. Civil liability according to the Code of Laws of 1497 // Vector of Science TSU. No. 4 (14). 2010. (In Russ.)
4. Monuments of Russian law. M.: Gosjurizdat, 1955. Issue. 3: Monuments of law of the period of formation of the Russian centralized state of the XIV–XV centuries. / ed. L. V. Tcherepnina. (In Russ.)

5. Vladimírsky-Budanov M. F. Reader on the history of Russian law. Issue. 2. Third revised edition. Kyiv, 1887. (In Russ.)

6. Monuments of Russian law. Issue. 4: Monuments of law of the period of strengthening the Russian centralized state of the XV–XVII centuries. / ed. L. V. Tcherepnina. M.: Gosyurizdat, 1956. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ищук В. Г., без ученой степени;

Семенов В. В., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Ischuk V. G., no academic degree;

Semenov V. V. Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 25.11.2022.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ОРГАНАМИ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ МАЛОЛЕТНИХ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Ксения Александровна Киселева¹, Радик Юрикович Улимаев²

¹ Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород,
Россия, aksinya.verner@list.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ulimrad75@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных проблем, возникающих при реализации прав малолетних на жилое помещение. Отмечается, что особую роль в этом процессе играют органы опеки и попечительства. Авторы рассмотрели правовую основу деятельности органа опеки и попечительства, закрепленные за ним полномочия, в частности, такое полномочие, как предварительное разрешение органа опеки и попечительства на совершение сделок с недвижимостью, принадлежащей подопечным, и процедуру его осуществления; изучили правоприменительную практику, научную литературу по теме исследования и в ряде случаев высказывают свою точку зрения, в частности, предлагают вернуть прежнюю редакцию п. 4 ст. 292 Гражданского кодекса Российской Федерации. По мнению авторов, это позволит устранить пробел правового регулирования, уделить больше внимания реализации имущественных прав малолетнего на жилое помещение и снизить количество нарушений таких прав.

Ключевые слова: орган опеки и попечительства, малолетние, предварительное разрешение органа опеки и попечительства

Для цитирования: Киселева К. А., Улимаев Р. Ю. Проблемы защиты органами опеки и попечительства имущественных прав малолетних на жилое помещение // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 79–85.

Original article

PROBLEMS OF PROTECTION BY GUARDIANSHIP AUTHORITIES AND GUARDIANSHIP OF PROPERTY RIGHTS MINORS FOR RESIDENTIAL PREMISES

Ksenia A. Kiseleva¹, Radik Yu. Ulimayev²

¹ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia, aksinya.verner@list.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, ulimrad75@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the main problems arising in the implementation of the rights of minors to residential premises. It is noted that guardianship and guardianship authorities play a special role in this process. The authors examined the legal basis for the activities of the guardianship and guardianship authority, the powers assigned to it, in particular, such authority as a preliminary authorization of the guardianship and guardianship authority to make transactions with real estate owned by wards and the procedure for its implementation; have studied law enforcement practice, scientific literature on the research topic and in some cases express their point of view, in particular, they propose to return the previous version of paragraph 4 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation. According to the authors, this will allow to eliminate the gap of legal regulation, to pay more attention to the realization of the property rights of a minor to residential premises and to reduce the number of violations of such rights.

Keywords: guardianship and guardianship authority, minor citizens, preliminary permission of the guardianship and guardianship authority

For citation: Kiseleva K. A. Ulimaev R. Yu. Problems of protection by guardianship authorities and guardianship of property rights minors for residential premises // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 79–85.

Правовому регулированию имущественных прав малолетних на жилое помещение на международном и национальном уровнях уделяется особое внимание. Вместе с тем права малолетних детей на жилые помещения в правоприменительной практике нередко нарушаются. В этой связи в Российской Федерации действует целый ряд уполномоченных должностных лиц и органов, в компетенцию которых входит защита имущественных прав малолетних на жилое помещение. Одним из основных является орган опеки и попечительства (далее – ООП), действующий на основе Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [2] (далее – ФЗ № 48), Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3]. Опека в рамках темы исследования представляет собой форму устройства в семью детей до 14 лет.

Учитывая важность защиты прав малолетних граждан, законодатель определил основы правового статуса ООП не подзаконным нормативным правовым актом, а отдельным ФЗ № 48. Так, одной из основных задач ООП является контроль за сохранностью имущества и управлением имуществом граждан, находящихся под опекой или попечительством (абз. 3 ч. 1 ст. 7). Исходя из этого законодатель в ч. 1 ст. 8 ФЗ № 48 к полномочиям ООП отнес выдачу разрешений на совершение сделок с имуществом подопечных (абз. 6); представление законных интересов малолетних в судах, если деятельность опекунов по представлению законных интересов подопечных с иными лицами и в том числе в судах противоречит российскому или региональному законодательству. Приведенный законодателем в ФЗ № 48 перечень полномочий ООП нам представляется вполне логичным и достаточ-

ным, что позволяет решать в основном все поставленные перед ООП задачи.

Полномочия ООП по защите имущественных прав малолетних на жилые помещения условно можно разделить на материальные и процессуальные. К материальным относятся полномочия ООП, предусмотренные в ст. 37 ГК РФ и ст.ст. 19-21 ФЗ № 48, к процессуальным – предусмотренные ч. 1 ст. 21 ФЗ № 48 и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [4] (далее – ГПК РФ). Например, ООП может быть привлечен судом к участию в деле с целью обеспечения интересов несовершеннолетнего, являющегося участником судебного разбирательства (п. 5 ст. 37 ГПК РФ).

Наиболее широко распространено в правоприменительной практике и является предметом научных дискуссий такое полномочие ООП как предварительное разрешение ООП на совершение сделок с недвижимостью, принадлежащей подопечным (ст. 21 ФЗ № 48). На наш взгляд, приведенное словосочетание «предварительное разрешение» не совсем корректное. Так, например, из содержания п. 1 ст. 429 ГК РФ «Предварительный договор» следует, что стороны обязуются заключить в будущем основной договор на условиях, предусмотренных предварительным договором. Однако в случае с предварительным разрешением ООП следующего основного разрешения, которое бы принималось ООП, не имеется. Приведем еще пример. Следствие называют предварительным, поскольку его выводы для суда, в котором будет основное производство, представляют собой предварительную версию органов расследования о совершенном преступлении, подлежащую проверке в суде. Следовательно, слово «предварительное» применительно к ООП смыслового значения не имеет и законодателю целесообразно его исключить.

В части 1 ст. 20 ФЗ № 48 закреплено общее правило о том, что недвижимое имущество, принадлежащее подопечному, не подлежит отчуждению за исключением перечисленных пяти случаев, в частности, в случае принудительного обращения взыскания по основаниям и в порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации, в том числе при обращении взыскания на предмет залога.

Законом не запрещено продавать жилое помещение, принадлежащее полностью или в определенной доле малолетнему, при условии подтверждения ООП приобретения жилого помещения с лучшими условиями (по площади, качеству и т. д.). При заключении с банком договора ипотеки перед приобретением жилого помещения опекуны представляют в ООП договор, содержащий информацию о доле малолетнего в приобретаемом жилом помещении. Убедившись в том, что права малолетнего не нарушены, ООП выдает предварительное разрешение на продажу прежней недвижимости. Приобретенная недвижимость с помощью механизма ипотеки, т. е. за счет денежных средств кредитного учреждения, подпадает под залог кредитного учреждения в силу закона. В случае нарушений условий договора ипотеки о возврате денежных средств происходит обращение взыскания на квартиру и малолетний рискует остаться без жилья, хотя до приобретения новой квартиры на средства банка он был владельцем конкретной недвижимости [5]. Далее Т. Н. Торокина отмечает, что законодателю необходимо предусмотреть механизм, при котором реально осуществлялась бы защита имущественных прав малолетних при совершении сделок с вовлечением кредитных средств, для того чтобы упомянутый ранее международный принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка действительно действовал, а не носил декларативный характер. Однако конкретных примеров такого механизма Т. Н. Торокина не приводит.

На наш взгляд, такой механизм возможен только в случае участия государства в таком мероприятии, поскольку субъекты предпри-

нимательской деятельности не заинтересованы в участии в таких проектах в связи с низкой доходностью. Например, это ипотека с государственной поддержкой для граждан, имеющих малолетних детей. Государство может использовать различные меры по созданию привлекательной ипотеки (субсидирование процентных ставок по кредитам на покупку жилья, т. е. государство оказывает помощь некоторым категориям граждан в приобретении собственной недвижимости в ипотеку по сниженной процентной ставке и т. д.). Другим направлением является механизм страхования с участием государства риска невозврата кредитных денежных средств кредитному учреждению.

Полагаем, что некоторые граждане с малолетними детьми не будут приобретать жилые помещения с помощью денежных средств кредитных учреждений, если государство построит в достаточном количестве качественные наемные дома или предоставит жилые помещения по договору социального найма.

Проживание в наемных домах происходит согласно разделу III. 2 Жилищного кодекса Российской Федерации [6] в рамках договоров найма жилых помещений жилищного фонда социального использования и договорам найма жилых помещений. Жилые помещения в наемном доме коммерческого использования предоставляются по договорам найма жилых помещений.

Несмотря на то, что законодатель не запрещает гражданам, имеющим малолетних детей, приобретать жилые помещения, используя механизм ипотеки, ООП, опасаясь возможных рисков для заемщиков, довольно редко выдают предварительные разрешения на совершение сделок по ипотеке. Так, в результате интервьюирования нами работников ООП Ивановской области выяснилось, что за последние несколько лет не было случаев выдачи предварительных разрешений ООП на совершение сделки по ипотеке. Однако подобные отказы в выдаче предварительных разрешений на совершение подобных сделок с недвижимым имуществом малолетнего граждане могут обжаловать в суд.

Предварительное разрешение необходимо для совершения любой сделки с недвижимостью, принадлежащей малолетним (полностью или в доле), приобретенной им по любому основанию: по наследству, по договору дарения, с использованием средств (части средств) материнского капитала и т. д., причем независимо от того, есть у них родители или нет. Если у ребенка имеются родители, то на них действуют нормы гражданского законодательства в отношении распоряжения имуществом подопечного (п. 1 ст. 28 ГК РФ, п. 3 ст. 60 СК РФ). При отсутствии разрешения со стороны ООП опекун согласно ст. 37 ГК РФ, ч. 1 ст. 21 ФЗ № 48 не вправе совершать сделки по сдаче имущества малолетнего в наем, в аренду, в безвозмездное пользование, в залог; сделок, преследующих цель отказа от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей; сделок по отчуждению имущества малолетнего (купля-продажа, мена, дарение, рента).

Процедура подачи вышеуказанного разрешения (ч. 3 ст. 21 ФЗ № 48) состоит в том, что опекун подает в ООП письменное заявление о предоставлении предварительного разрешения на совершение соответствующей сделки. После изучения представленных материалов ООП в течение пятнадцати дней с даты подачи заявления о предоставлении такого разрешения выдает такое разрешение или выносит отказ, которые могут быть обжалованы в суд опекуном или иными заинтересованными лицами, прокурором. В качестве материалов в ООП обычно представляются договор продажи недвижимости и договор о приобретении жилого помещения, а также иные сопутствующие документы.

Согласно п. 2 ст. 54 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [7] подлежат нотариальному удостоверению сделки, связанные: 1) с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки; 2) с отчуждением недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину или гражданину, признанному ограниченно дееспособным. Данное правило введено в

2016 году и направлено на улучшение «юридической чистоты» предварительных разрешений.

Возникает вопрос о том, какими критериями должен руководствоваться ООП при принятии решения о предварительном разрешении. В ст. 21 ФЗ № 48 указан только один общий критерий – недопущение уменьшения стоимости имущества подопечного. Однако при сохранении этого критерия выпадают другие критерии, не предусмотренные законом, например, качество жилого помещения. ООП должен руководствоваться тем, что любая сделка опекуна должна совершаться в интересах ребенка. Представляется, что для уменьшения спорных ситуаций законодателю на основе изучения судебной практики следует разработать еще несколько общих критериев. Это позволит сократить злоупотребления и пути обхода закона.

В части 2 ст. 19 ФЗ № 48 указано, что ООП дают опекунам и попечителям разрешения и обязательные для исполнения указания в письменной форме в отношении распоряжения имуществом подопечных. Если содержание разрешений (имеются в виду предварительные разрешения) раскрывается в ст. 21 ФЗ № 48, то указания более нигде в законе не упоминаются. Поскольку распоряжения и указания касаются недвижимости, полагаем, что законодатель должен установить общие требования к указаниям ООП во избежание возможных злоупотреблений, например, в отношении сроков дачи указаний.

Жилое помещение, приобретенное в долевую собственность родителей и детей, с использованием средств (части средств) материнского капитала [8], должно оформляться в общую долевую собственность родителей и детей. Однако это происходит не всегда и право малолетнего на долю в праве собственности на жилое помещение нарушается. При отчуждении такого жилого помещения ООП должен принять меры к защите нарушенных прав малолетнего лица, обязав его законных представителей оформить соответствующие права малолетнего гражданина. Однако здесь появляется правовая проблема, вытекающая из содержания

п. 4 ст. 292 ГК РФ. Суть состоит в том, что с согласия органа опеки и попечительства происходит отчуждение жилого помещения, в котором проживают находящиеся под опекой или попечительством члены семьи собственника этого жилого помещения, либо оставшиеся *без родительского попечения* (курсив наш – К.К., У.Р.) несовершеннолетние члены семьи собственника (о чем известно органу опеки и попечительства). Следовательно, не требуется получать предварительное разрешение от ООП на отчуждение жилого помещения, в котором зарегистрирован малолетний, не относящийся к несовершеннолетнему, оставшемуся без родительского попечения и не являющийся собственником (сособственником) этого жилого помещения. В результате ребенок ущемляется в своих правах на жилое помещение. Налицо явное противоречие между правилом, закрепленным в п. 4 ст. 292 ГК РФ и правами ребенка, закрепленными в международных конвенциях.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) рассмотрел жалобу гражданки В. В. Чадаевой, которая проживала с родителями в квартире, принадлежавшей на праве собственности ее отцу [9]. Ее отец продал квартиру, которая была единственным жильем В. В. Чадаевой и ее матери. Покупатель В. Е. Скорнякова выселила их из жилого помещения. Суды отклонили исковые заявления матери В. В. Чадаевой, указав, что нормы п. 4 ст. 292 ГК РФ на В. В. Чадаеву не распространяются.

КС РФ с одной стороны отметил, что забота о детях <...> как обязанность родителей по смыслу ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации предполагает, что ущемление прав ребенка <...> несовместимо с самой природой отношений, исторически <...> обеспечивающих выживание и развитие человека как биологического вида (п. 3). С другой стороны, по мнению КС РФ, п. 4 ст. 292 ГК РФ закрепляет правовые гарантии для детей, оставшихся без попечения родителей, и не ущемляет права и интересы детей, чьи родители исполняют свои обязанности надлежащим образом. Жилое

помещение, в котором проживают несовершеннолетние члены семьи собственника, отчуждается исходя из предполагаемой добросовестности родителей по отношению к детям и обусловленного этим ограничения соответствующих правомочий органа опеки и попечительства по участию в решении данного вопроса, что согласуется со ст. 38 (ч. 2) Конституции Российской Федерации и корреспондирующей ей ст. 5 Конвенции о правах ребенка 1989 г. [10], в силу которой государства-участники уважают права и обязанности родителей и иных лиц, несущих по закону ответственность за ребенка, должным образом управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных Конвенцией прав и согласно способностям ребенка.

В результате изучения материалов КС РФ пришел, на наш взгляд, к неоднозначному выводу о соответствии ч. 4 ст. 292 ГК РФ Конституции Российской Федерации. При этом КС РФ отметил, что в данном деле было нарушено право ребенка на судебную защиту.

Следует поддержать мнение судьи КС РФ Г. А. Гаджиева, высказанное в том же Постановлении КС РФ, о том, что в данном деле фактически имеется пробел в праве и вопрос о том, нарушен или не нарушен баланс прав и законных интересов родителей – собственников жилого помещения и их несовершеннолетних детей при наличии спора о праве, должны как профессионалы решать органы опеки и попечительства, а не суды.

Мы полагаем, что законодателю следует вернуть прежнюю редакцию п. 4 ст. 292 ГК РФ, согласно которой отчуждение жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние, недееспособные или ограниченно дееспособные члены семьи собственника, если при этом затрагиваются права или охраняемые законом интересы указанных лиц, допускается с согласия органа опеки и попечительства. Нагрузка на ООП в этом случае увеличится. Подобная формулировка, на наш взгляд, позволит устранить пробел правового регулирования,

уделить больше внимания реализации имущественных прав малолетнего на жилое по-

мещение и снизить количество нарушений таких прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Российская газета. № 238–239. 8 декабря 1994 г.
2. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. № 94. 30 апреля 2008 г.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. № 220. 20 ноября 2002 г.
5. Торокина Т. Н. Проблемы реализации норм, регулирующих совершение сделок с жилыми помещениями, принадлежащими малолетним детям // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 40–43.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. № 1. 12 января 2005 г.
7. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // Российская газета. № 156. 17 июля 2015 г.
8. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ч. 4 ст. 10) // Российская газета. № 297. 31 декабря 2006 г.
9. По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2010 г. № 13-П // Российская газета. № 130. 17 июня 2010 г.
10. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.

REFERENCES

1. Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 25, 2022) // Russian newspaper. No. 238–239. December 8, 1994. (In Russ.)
2. On guardianship and trusteeship: Federal Law of April 24, 2008 No. 48-FZ (as amended on April 30, 2021) // Russian newspaper. No. 94. April 30, 2008. (In Russ.)
3. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on 04.08.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.1996. No. 1. Art. 16. (In Russ.)
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on 07.10.2022) // Rossiyskaya Gazeta. No. 220. November 20, 2002. (In Russ.)
5. Torokina T. N. Problems of implementation of the norms governing transactions with residential premises belonging to young children // Family and housing law. 2015. No. 5. P. 40–43. (In Russ.)
6. Housing Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 188-FZ (as amended on 07.10.2022) // Rossiyskaya Gazeta. No. 1. January 12, 2005. (In Russ.)
7. On state registration of real estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ (as amended on October 20, 2022) // Rossiyskaya Gazeta. No. 156. July 17, 2015. (In Russ.)

8. On additional measures of state support for families with children: Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2006 No. 256-FZ (part 4 of article 10) // Rossiyskaya Gazeta. No. 297. December 31, 2006. (In Russ.)

9. In the case of checking the constitutionality of paragraph 4 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. V. Chadayeva: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 8, 2010 No. 13-P // Rossiyskaya Gazeta. No. 130. June 17, 2010. (In Russ.)

10. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990) // Collection of international treaties of the USSR. Issue XLVI. 1993. (In Russ.)

Информация об авторах:

Киселева К. А., кандидат юридических наук;

Улимаев Р. Ю., кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Kiseleva K. A., Candidate of Law;

Ulimayev R. Yu., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 11.11.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 351.824:347.772(470)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Ольга Игоревна Кудасова¹, Светлана Олеговна Кормильцева²

^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,

¹ kudasova_olga@mail.ru, ² s.efimova@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики теории и практики проблемных аспектов применения ст. 14.10 КоАП РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». С целью унификации гражданско-правовых и административно-правовых норм, а также единообразия применения мер ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) с учетом нововведений, внесенных Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», предложены изменения в ст. 14.10 КоАП РФ.

Ключевые слова: товарный знак, незаконное использование средств индивидуализации товаров, интеллектуальная собственность, административная ответственность

Для цитирования: Кудасова О. И., Кормильцева С. О. Правовое регулирование незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 86–93.

Original article

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ILLEGAL USE OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF GOODS (WORKS, SERVICES)

Olga I. Kudasova¹, Svetlana O. Kormiltseva²

^{1,2} Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

¹ kudasova_olga@mail.ru, ² s.efimova@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the theory and practice of problematic aspects of the application of Article 14.10 of the Administrative Code of the Russian Federation «Illegal use of means of individualization of goods (works, services)». In order to unify civil and administrative legal norms, as well as uniformity in the application of liability measures for the illegal use of means of individualization of goods (works, services), taking into account the innovations introduced by Federal Law No. 193-FZ of June 28, 2022 «On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation», amendments to Article 14.10 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: trademark, illegal use of means of individualization of goods, intellectual property, administrative responsibility

For citation: Kudasova O. I., Kormiltseva S. O. Administrative and legal regulation of illegal use of means of individualization of goods (works, services) // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 86–93.

Охрана интеллектуальной собственности представляет собой значимую функцию государства, направленную на развитие социально-экономического аспекта и повыше-

ние уровня жизни граждан, а также сферу правового регулирования, регламентированную разными отраслями (уголовным, административным, гражданским правом).

© Кудасова О. И., Кормильцева С. О., 2022

Ст. 44 Конституции Российской Федерации указывает, что интеллектуальная собственность охраняется законом, а следовательно, в случае нарушения законных прав, у правообладателя возникает право на защиту интересов [1].

В настоящее время вопросы, затрагивающие незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), в частности товарный знак, обретают все большую актуальность. Данный вывод обоснован статистическими показателями деятельности по рассмотрению и разрешению Роспатентом споров в административном порядке. Так, за 2018 г. количество поступивших возражений/заявлений по средствам индивидуализации составило 1663 обращения; 2019 г. – 1797; 2020 г. – 1907; 2021 г. – 2135. Количество принятых и отправленных решений по результатам рассмотрения возражений и заявлений по средствам индивидуализации: за 2018 г. – 1212; 2019 г. – 1739; 2020 г. – 1662; 2021 г. – 1853 [2].

Способы незаконного использования объектов интеллектуальной собственности как изготовителями, так и продавцами обретают все большие масштабы, а реализация незаконной деятельности осуществляется с помощью информационно-коммуникационной сети, а также различных маркетплейсов, что не могло не оказаться в зоне особого внимания правоохранительных структур. Данная деятельность требует внесения изменений в нормы действующего законодательства и адекватной реакции со стороны правоохранительных органов.

Отмечается, что многие маркетплейсы стали «каналом сбыта» контрафактной продукции [3]. Wildberries, Ozon и «Яндекс Маркет» создали единую систему для противодействия контрафакту, которая включает в себя запрос у продавца необходимых разрешительных документов, в том числе права на товарный знак при поставке товара [4].

Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) подлежит административной ответственности (ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)) [5], а также регламентируется Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Постановление от 17 февраля 2011 г. № 11) [6].

Так, в абзаце 4 Постановления от 17 февраля 2011 г. № 11 разъясняется, что статья 14.10 КоАП РФ охватывает такие нарушения, как «введение товара, на котором (а равно на этикетках, упаковке, документации которого) содержится незаконное воспроизведение средства индивидуализации, в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также ввоз на территорию Российской Федерации такого товара с целью его введения в гражданский оборот на территории Российской Федерации». Данные положения отсылают к Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) [7], определяющему способы осуществления исключительного права на средства индивидуализации.

Несмотря на официальное определение товарного знака и знака обслуживания, закрепленных в ст. 1477 ГК РФ¹, с точки зрения практического применения возникают спорные ситуации. Стоит отметить, что такие исследователи, как Д. Л. Цыбаков, И. А. Лисенкова поддерживают законодателя, считая приведенное определение в ст. 1477 ГК РФ «четким и лаконичным» [8].

В частности Э. П. Гаврилов обоснованно указывает, что «товарный знак» и «обозначение» имеют разное значение. Исходя из понимания указной статьи, «товарный знак» признается таковым исключительно после факта юридического закрепления

¹ На товарный знак, то есть обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак (см.: ст. 1477 ГК РФ).

«обозначения» в строгом соответствии с установленным порядком, регламентированным нормами действующего законодательства [9].

Дискуссия, возникшая между исследователями вполне обоснована, однако стоит отметить аспект, в котором мнения схожи, а именно – возможность объективной потребности стать правообладателями исключительного права на товарный знак, которое может возникнуть не только у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, но и других граждан Российской Федерации [9].

28 мая 2022 г. опубликован Федеральный закон «О внесении изменений в ч. 4 ГК РФ» [10], который предоставил возможность гражданам РФ регистрировать на себя товарные знаки. Указанное изменение, с одной стороны, уравнивает физических лиц в гражданских правах, а также позволит реализовывать смежные права (право наследования товарного знака законными наследниками, реорганизация юридического лица), с другой стороны, повысит количество поданных заявок, которые увеличат нагрузку на Роспатент, а также позволят недобросовестным лицам подать заявку, желая получить выгоду от реальных правообладателей, что в свою очередь повысит процент обращений в правоохранительные органы с целью защиты законных прав.

Еще одним аспектом выступает сложность регистрации товарного знака в связи с большим количеством ранее поданных заявок, схожих или тождественных знаков. Стоит отметить, что указанное нововведение имплементировано в Российское законодательство с учетом изучения положительного правоприменительного опыта Австрии, Германии, Китая, США, а также позволяет обеспечить равенство правового положения российских и иностранных граждан (Роспатент не вправе отказать иностранному гражданину в рассмотрении заявки на регистрацию товарного знака).

Для разрешения вопросов, связанных с регистрацией обозначений, в Федеральном законе от 28 мая 2022 г. № 143-ФЗ были

внесены поправки в ГК РФ о запрете регистрации в качестве товарных знаков обозначения, которые включают воспроизводящие или имитирующие географические указания или наименования мест происхождения товаров. Указанные нововведения вступят в законную силу 29 мая 2023 г. Целью анализируемого нормативного правового акта выступает упорядочение регистрации товарных знаков, включающих в себя названия географических объектов. На наш взгляд, эти поправки весьма существенны, т. к. наименование мест происхождения товаров (далее – НМПТ) и географические указания (далее – ГУ) представляют собой уникальные объекты интеллектуальной собственности, направленные на защиту названий географических объектов, на территориях которых осуществляется производство товаров, имеющих индивидуализирующие характеристики (например, «Кубань», «Вологодское масло», «Тульский пряник»).

Отдельное внимание необходимо уделить запретам, отраженным в рассматриваемом законе. В частности запрет на предоставление правовой охраны товарным знакам, вводящим в заблуждение потребителя о месте производства товаров. Данное положение изменит практику регистрации товарного знака (будет выноситься отказ) во всех случаях возникновения ассоциативных связей у потребителя относительно конкретного места производства товара в случаях, если лицо, подавшее заявление на регистрацию товарного знака, не имеет производства в географическом объекте или не расположено в нем.

Еще одним значимым нововведением являются поправки, внесенные в п. 7 ст. 1483 ГК РФ, не допускающие регистрацию в качестве товарных знаков обозначений или сходных до степени смешения с НМПИ, ГУ. В различных нормативных правовых актах, методических рекомендациях, судебной практике подробно раскрывается понятие «сходство по степени смешения» товарных знаков между собой, однако отсутствует единообразный подход к трактованию, что вызывает сложности в процессе

применения, т. к. подходы, применимые для товарных знаков, не всегда приемлемы для НМПТ, ГУ с учетом правовой природы.

Указанные нововведения представляются своевременными и необходимыми. С учетом успешно реализовываемого проекта с самозанятыми и расширением категорий лиц, для кого доступен данный статус, поправки, позволяющие зарегистрировать на себя товарный знак, являются прекрасным рычагом воздействия со стороны государства на развитие малого бизнеса, а также профилактику противоправных деяний нарушения чужих прав на использование товарного знака.

Помимо этого, сложившаяся правоприменительная практика, связанная с регистрацией товарных знаков, содержащих географические объекты, не была унифицирована, а внесенные нововведения направлены на устранение такой неоднозначности и влияют на привлечение к административной ответственности в соответствии со ст. 14.10 КоАП РФ. При этом к административной ответственности, в соответствии с рассматриваемой нормой, может быть привлечено любое лицо, занимающееся этой реализацией, а не только первый продавец соответствующего товара [6].

Изучение судебной практики, связанной с рассмотрением дел о привлечении субъектов к административной ответственности по ст. 14.10 КоАП РФ, позволяет утверждать, что инициаторами производства со стороны государственных органов выступают полиция, прокуратура, таможенные органы и Роспотребнадзор. Право возбуждения административного производства указанные органы получают посредством реализации полномочий, а именно в ходе осуществления проверок деятельности лиц, незаконно использующих средства индивидуализации товаров [11].

Привлечение к административной ответственности в соответствии со ст. 14.10 КоАП РФ представляется эффективным средством пресечения правонарушений с последующей возможностью ссылаться в рамках гражданского производства на материалы проверки и вынесенное судебное решение. Данное утверждение основано на следующих аспектах:

1. Для привлечения к административной ответственности лица, совершившего противоправное деяние, предусмотренное рассматриваемой статьей, не требуется заявление правообладателя².

2. Правообладатель может быть признан потерпевшим и принимать участие в судебном разбирательстве, а также оспаривать вынесенные судебные акты [6, п. 11].

3. Обязанность доказывания факта административного правонарушения возлагается на инициаторов производства, указанных ранее [6, п. 10].

Данные положения указывают на факт привлечения к административной ответственности не независимо от воли лиц, а чьи права были нарушены. Диспозиция ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ использует такие дефиниции, как «схожесть», «однородность», не имеющие разъяснений и создающие сложности правоприменения. Данный аспект представляется дискуссионным и среди исследователей. Так, М. О. Клейменова полагает, что незаконное использование средств индивидуализации, предусмотренное ст. 14.10 КоАП РФ, является следствием отсутствия письменного правоустанавливающего документа, в котором правообладатель прямо выражает свою волю [12].

Диспозиция статьи предусматривает наказание не только за использование товарного знака и знака обслуживания, но и указывает на место происхождения товара или сходных с ними обозначений. Учитыв-

² Согласно положениям ч. 5 ст. 205 АПК РФ, на административном органе, который составил протокол по делу об административном правонарушении, установленном статьей 14.10 КоАП РФ, и подал в суд заявление о привлечении лица к административной ответственности, лежит обязанность доказать, что предмет выявленного административного правонарушения содержит незаконное воспроизведение товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений.

вая бланкетный характер рассматриваемой нормы, необходимо обратить внимание на то, что п. 2 ст. 1229 ГК РФ указывает на возможную принадлежность «одному лицу или нескольким лицам совместно», что предполагает отсутствие согласия у каждого из них на использование исключительных прав в рамках добросовестного ведения предпринимательской деятельности и делового оборота.

По смыслу ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ ответственность наступает при доказанности двух элементов: сходство обозначения с чужим товарным знаком; однородность товара, являющегося предметом по делу об административном правонарушении, и товара, для обозначения которого зарегистрирован товарный знак. Говоря о схожести обозначения как элементе состава, необходимо обратить внимание на ст. 1515 ГК РФ, в содержании которой можно увидеть, что контрафактом признаются товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение [7].

Не во всех случаях использование чужого товарного знака на товарах образует нарушение: «употребление слов, в том числе имен нарицательных, зарегистрированных в качестве словесных товарных знаков, не является использованием товарного знака, если оно осуществляется в общеупотребительном значении, не для целей индивидуализации конкретного товара, работы или услуги, например, в письменных публикациях или устной речи» [13]. Так, компания (ответчик) ввезла на территорию Российской Федерации запчасти для автомобилей с надписью «OPEL», сходной по степени смешения с товарным знаком по международной регистрации для однородных товаров. Таможенные органы возбудили дело об административном правонарушении и признали товар контрафактными. Однако ответчик утверждал, что указанное обозначение на упаковке используется для описательных целей, при этом информация для потребителей о технических характеристиках товара, а именно перечне марок и моделей автомо-

билей, в которых товар применим, как правило, содержится в техническом описании или инструкции к продукции. Суды трех инстанций согласились с позицией государственного органа, а суд по интеллектуальным правам указал на выше обозначенный аспект, исключив в действиях ответчика состав административного правонарушения.

Необходимо выделить еще один критерий – однородность, которая устанавливается исходя из принципиальной возможности возникновения у потребителя соответствующего товара представления о принадлежности этих товаров одному производителю. Анализ судебной практики показывает, что суды, привлекая к административной ответственности по ст. 14.10 КоАП РФ, исследуют выше указанные элементы. Однако стоит отметить, что в настоящее время сформировался единый подход по вопросу предмета конфискации в случае, если он незаконно использовался на товаре, а именно конфискации всего товара, а не только его элементов (этикеток, упаковки и пр.)

Так, Пятый арбитражный апелляционный суд оставил без удовлетворения апелляционную жалобу ООО «Трейд Групп», которое в соответствии с ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ было привлечено к административной ответственности и получило наказание в виде административного штрафа с конфискацией ввезенного товара (зажигалок карманных газовых с обозначением, схожим с товарным знаком «MERCEDES-BENZ»). Товарный знак принадлежит компании «Даймлер АГ» (Германия) в лице представителя в Российской Федерации – АО «Мерседес-Бенц Рус», признанного потерпевшим по данному делу. При отказе в удовлетворении жалобы суд указал на следующие аспекты:

1. Отсутствуют разрешения правообладателя на использование товарного знака.
2. Товарный знак зарегистрирован в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации в отношении товаров 34 класса Международной классификации товаров и услуг.
3. Расположенные на корпусах спорных зажигалок обозначения, представляющие

собой словесный элемент «MERCEDENSBENZ», выполненный стилизованным шрифтом, по количеству знаков, стилизации шрифта, цветовой гамме и общему визуальному впечатлению потребителя сходны до степени смешения с зарегистрированными товарными знаками.

4. Проведена экспертиза, по результатам которой сделан вывод о том, что обозначения, размещенные на ввезенном товаре, являются сходными до степени смешения с зарегистрированными в Международном бюро ВОИС и Таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС) (№ 02311/01945-001/ТЗ-220312, № 02313/01945-003/ТЗ-220312) товарными знаками по международной регистрации № 1089903 и № 818379 [14].

Административно-правовая защита средств индивидуализации не может быть рассмотрена самостоятельно, т. к. очевидна тесная связь с гражданско-правовыми нормами. При этом существенными аспектами, влияющими на защиту интеллектуальных прав, является отработанный механизм, оперативность реагирования государственными органами на выявленный факт нарушения, а также возможность применения обеспечительных мер. Однако согласование положений действующего законодательства, регламентирующего указанную сферу, представляются необходимыми и своевременными. Также необходимо унифицировать правоприменительную практику. Принцип единообразия судебной практики остается приоритетным для российского законода-

тельства, как и соблюдение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом [1, ст. 19].

На основании изложенного предлагаем внести изменения в действующую редакцию ст. 14.10 КоАП РФ:

«Статья 14.10. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, включающее, воспроизводящее или имитирующее географические указания или наименования мест происхождения товаров, или сходное с ним до степени смешения обозначение, а также обозначения, заявленные на регистрацию в качестве таковых до даты приоритета товарного знака, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи, –

– санкция

Производство в целях сбыта либо реализация товара, содержащего незаконное воспроизведение чужого товарного знака, знака обслуживания, включающее, воспроизводящее или имитирующее географические указания или наименования мест происхождения товаров, или сходное с ним до степени смешения обозначение, а также обозначения, заявленные на регистрацию в качестве таковых до даты приоритета товарного знака, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 14.33 настоящего Кодекса, если указанные действия не содержат уголовно наказуемого деяния, –

– санкция».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Роспатент в экосистеме интеллектуальной собственности: отчет Роспатент / URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2021-ru.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).
3. Минпромторг заявил, что Wildberries становится каналом сбыта контрафакта: статья Российского бизнес-телеканала / URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2022/62c6d2729a79475175715276> (дата обращения: 09.07.2022).
4. Wildberries, Ozon и «Яндекс Маркет» создали единую систему для борьбы с контрафактом: статья в сетевом издании «forbes.ru» / URL: <https://www.forbes.ru/biznes/473889-wildberries-ozon-i-andeks-market-sozdali-edinuu-sistemu-dla-bor-by-s-kontrafaktom> (дата обращения: 10.08.2022)

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 11 // Вестник Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 5.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

8. Цыбаков Д. Л., Лисенкова И. А. Генезис понятия «Товарный знак» в правовой мысли и юридической практике // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-tovarnyy-znak-v-pravovoy-mysli-i-yuridicheskoy-praktike> (дата обращения: 16.08.2022).

9. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: законодательство и доктрина // Патенты и лицензии. 2018. № 8. С. 14–19.

10. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 28 мая 2022 г. № 193-ФЗ / URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280033> (дата обращения: 10.08.2022).

11. Решение Арбитражного суда Орловской области от 2 марта 2022 г. по делу № А48-526/2022 / URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/O3Ndqi6r9JIL/> (дата обращения: 13.08.2022).

12. Клейменова М. О. Особенности механизма применения административной ответственности за нарушения исключительных прав на средства индивидуализации товаров (работ, услуг) // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mehanizma-primeneniya-administrativnoy-otvetstvennosti-za-narusheniya-isklyuchitelnyh-prav-na-sredstva> (дата обращения: 16.08.2022).

13. Постановление суда по интеллектуальным правам от 25 марта 2021 г. по делу № А51-11200/2020 // Текст постановления официально опубликован не был.

14. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда по делу № А51-15467/2021 от 8 февраля 2022 г. / URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/x7a9Pd5LboUT/> (дата обращения: 16.08.2022).

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Russian newspaper of December 25, 1993 No. 237. (In Russ.)

2. Rospatent in the intellectual property ecosystem: Rospatent report / URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2021-ru.pdf> (date of access: 01.08.2022). (In Russ.)

3. The Ministry of Industry and Trade announced that Wildberries is becoming a counterfeit distribution channel: article by the Russian Business TV Channel / URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2022/62c6d2729a79475175715276> (date of access: 09.07.2022). (In Russ.)

4. Wildberries, Ozon and Yandex Market have created a unified system to combat counterfeiting: an article in the online publication «forbes.ru» / URL: <https://www.forbes.ru/biznes/473889-wildberries-ozon-i-andeks-market-sozdali-edinuu-sistemu-dla-bor-by-s-kontrafaktom> (date of access: 10.08.2022). (In Russ.)

5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of December 30, 2001 No. 195-FZ // Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.)

6. On some issues of application of the Special Part of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 17, 2011 No. 11 // Bulletin of the Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. No. 5. (In Russ.)

7. Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 5, 1994 No. 32 Art. 3301. (In Russ.)

8. Tsybakov D. L., Lisenkova I. A. The genesis of the concept of «Trademark» in legal thought and legal practice // Bulletin of State and Municipal Administration. 2017. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ponyatiya-tovarnyy-znak-v-pravovoy-mysli-i-yuridicheskoy-praktike> (date of access: 16.08.2022). (In Russ.)

9. Gavrilov E. P. Intellectual property law in the Russian Federation: legislation and doctrine // Patents and licenses. 2018. No. 8. P. 14–19. (In Russ.)

10. On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 193-FZ of May 28, 2022 / URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280033> (date of access: 10.08.2022). (In Russ.)

11. Decision of the Arbitration Court of the Oryol Region dated March 2, 2022 in case No. A48-526/2022 / URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/O3Ndqi6r9JIL/> (date of access: 13.08.2022). (In Russ.)

12. Kleimenova M. O. Features of the mechanism of application of administrative responsibility for violations of exclusive rights to means of individualization of goods (works, services) // Problems of Economics and Legal Practice. 2017. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mehanizma-primeneniya-administrativnoy-otvetstvennosti-za-narusheniya-isklyuchitelnyh-prav-na-sredstva> (date of access: 16.08.2022). (In Russ.)

13. Ruling of the court for intellectual property rights dated March 25, 2021 in case No. A51-11200/2020 // The text of the ruling was not officially published. (In Russ.)

14. Decision of the Fifth Arbitration Court of Appeal in case No. A51-15467/2021 dated February 8, 2022 / URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/x7a9Pd5LboUT/> (date of access: 16.08.2022). (In Russ.)

Информация об авторах:

Кудасова О. И., кандидат экономических наук;
Кормильцева С. О., кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Kudasova O. I., Candidate of Economy;
Kormiltseva S. O., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 31.08.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 31.08.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 346.34.037:339.186(470)

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ РАБОТЫ КОМИССИИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЗАКУПОК

Эльдар Харисович Рахимов

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, erakhimov3@mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению судебной практики по вопросам применения законодательства в процессе осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд. Материалы судебной практики рассматриваются в контексте организации работы комиссии по осуществлению закупок. В частности, анализируются вопросы трактовки положений ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части требований, предъявляемых к участникам закупок в отношении отдельных видов деятельности, оценки судебными органами требований к реквизитам документов, представляемых в составе заявок для участия в электронных процедурах, и другие вопросы. Опираясь на судебную практику, практику антимонопольных органов и личный опыт работы, автором предложены конкретные рекомендации, позволяющие снизить риски принятия комиссией необоснованных решений.

Ключевые слова: заказчик, заявка, комиссия по осуществлению закупок, электронный аукцион

Для цитирования: Рахимов Э. Х. Анализ судебной практики по вопросам функционирования контрактной системы в контексте работы комиссии по осуществлению закупок // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 94–99.

Original article

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE ON THE FUNCTIONING OF THE CONTRACT SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE WORK OF THE PROCUREMENT COMMISSION

Eldar Kh. Rakhimov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, erakhimov3@mvd.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of judicial practice on the application of legislation in the process of procurement of goods, works, services to meet public needs. Court practice materials are considered in the context of organizing the work of the procurement commission. In particular, the issues of interpretation of the provisions of part 1 of article 31 of the Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs» are analyzed in terms of the requirements for participants procurement in relation to certain types of activities, assessment by judicial authorities of the requirements for the details of documents submitted as part of applications for participation in electronic procedures and other issues. Based on judicial practice, the practice of antimonopoly authorities and personal experience, the author offers specific recommendations to reduce the risk of making unreasonable decisions by the commission.

Keywords: customer, application, the procurement commission, electronic auction

For citation: Rakhimov E. Kh. Analysis of judicial practice on the functioning of the contract system in the context of the work of the procurement commission // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 94–99.

© Рахимов Э. Х., 2022

Работа комиссии по осуществлению закупок (далее также – комиссия, закупочная комиссия) несомненно, играет важную роль в обеспечении работы контрактной системы. Эффективность, результативность осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечение гласности и прозрачности их проведения, предотвращение коррупции и других злоупотреблений в контрактной системе, а также защита конкуренции во многом зависят от грамотной организации ее работы.

Значимость задач и функций комиссии непосредственно соотносится с характером и размером юридической ответственности членов комиссии за нарушения законодательства. Неправомерные действия членов закупочной комиссии могут повлечь, наряду с административной ответственностью с размером наказания в виде штрафа до 50 тыс. рублей на каждого члена комиссии, также уголовную ответственность, предусмотренную ст.ст. 200.4–200.5 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Целью настоящей работы является проведение анализа судебной практики высших судебных органов о применении федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] (далее – ФЗ-44, Закон о контрактной системе) применительно к деятельности комиссии по осуществлению закупок. Именно закупочная комиссия зачастую становится заложником несовершенства законодательства при принятии решений о признании заявок участников соответствующими либо об отклонении таковых. Выводы по результатам анализа судебной практики позволят снизить риски принятия комиссией незаконных и необоснованных решений.

I. Спорные вопросы в правоприменении возникают при трактовке положений ч. 1 ст. 31 ФЗ-44 в части требований, предъявляемых к участникам закупок в отношении отдельных видов деятельности.

Верховным судом Российской Федерации дана правовая оценка спору между

Федеральным государственным унитарным предприятием «Охрана» Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ФГУП «Охрана» Росгвардии) и Федеральным государственным унитарным предприятием «Управление ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации» (далее – УВО Минтранса) о праве последнего участвовать в электронном аукционе на право заключения государственного контракта на оказание услуг по охране здания Северного флотского военного суда [3].

По мнению ФГУП «Охрана» Росгвардии, изложенному в жалобе, поданной в УФАС по Санкт-Петербургу, и поддержанному в дальнейшем в судебных инстанциях, УВО Минтранса вправе оказывать охранные услуги только на объектах, подведомственных Министерству транспорта Российской Федерации, соответственно, не вправе оказывать их любым юридическим и физическим лицам, в том числе Северному флотскому военному суду.

Жалоба ФГУП «Охрана» Росгвардии признана необоснованной. По мнению УФАС по Санкт-Петербургу, ФГУП «УВО Минтранса России» вправе оказывать охранные услуги любым юридическим и физическим лицам, в том числе Северному флотскому военному суду. Не согласившись с решением УФАС по Санкт-Петербургу, ФГУП «Охрана» Росгвардии обратилось в суд, где суды трех инстанций пришли к выводу о том, что решение антимонопольного органа не соответствует действующему законодательству и нарушает права и законные интересы заявителя.

Судебные инстанции указали, что ФГУП «УВО Минтранса России» создано специально для оказания соответствующих охранных услуг на объектах, находящихся в сфере ведения создавшего ее федерального органа исполнительной власти, и вправе осуществлять охрану только тех объектов, которые находятся в сфере ведения Министерства транспорта Российской Федерации и подведомственных ему органов исполнительной власти, включены в перечень охраняемых

объектов, утвержденный Минтрансом России по согласованию с МВД России.

В рассматриваемом случае в результате заключения контракта охране подлежало здание Северного флотского военного суда, который не находится в сфере ведения Министерства транспорта Российской Федерации и не подлежит ведомственной охране. Таким образом, по мнению судов, заявка ФГУП «УВО Минтранса России» не соответствовала требованиям документации об электронном аукционе, в том числе требованиям п. 1 ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе, и неправомерно была допущена комиссией заказчика к участию в аукционе.

В то же время Судебная коллегия Верховного суда Российской Федерации поставила точку в данном споре, опираясь на принцип конкурентности закупок и толкование ряда нормативных правовых актов, указав, что организации ведомственной охраны не ограничены в объектах охраны исключительно теми объектами, которые находятся в ведении создавших эти организации государственных органов, в связи с чем участие в закупке на охрану объектов, являющихся государственной собственностью и находящихся в ведении иных государственных органов, вправе принимать любые заинтересованные лица, соответствующие требованиям к участникам закупки, независимо от ведомственной принадлежности объектов.

Таким образом, ведомственные охраны федеральных органов исполнительной власти, в том числе ФГУП «УВО Минтранса России» вправе оказывать услуги по охране здания Северного флотского военного суда наравне с военизированными и сторожевыми подразделениями организаций Росгвардии, в связи с чем у аукционной комиссии не имелось оснований считать его заявку не соответствующей требованиям действующего законодательства и документации об аукционе.

Следовательно, при принятии решений комиссии необходимо трактовать положения ч. 1 ст. 31 ФЗ-44 в части требований, предъявляемых к участникам закупок в отношении отдельных видов деятельности, с

учетом детальной оценки норм специального законодательства.

II. Представляет интерес для правоприменения позиция судебных органов относительно трактовки требований к реквизитам документов (в частности, подписи), представляемых в составе заявок для участия в электронных процедурах [4].

Предприниматель во второй части заявки на участие в электронном аукционе на приобретение благоустроенного жилого помещения (квартиры) для обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, представил заверенную собственной электронной цифровой подписью выписку из Единого государственного реестра недвижимости, в которой отсутствовала собственноручная подпись должностного лица регистрирующего органа или его усиленная квалифицированная электронная цифровая подпись. Комиссия заказчика заявку отклонила, как несоответствующую документации об электронном аукционе.

По результатам рассмотрения жалобы предпринимателя на действия администрации при проведении электронного аукциона, выразившиеся в признании заявки предпринимателя не соответствующей требованиям документации об электронном аукционе, антимонопольным органом принято решение о признании жалобы обоснованной.

В процессе судебного рассмотрения спора суд апелляционной инстанции, руководствуясь положениями статей 24, 31, 59, 63, 64, 66, 69 Закона о контрактной системе, Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [5], Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [6], Порядком предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, утвержденным приказом Минэкономразвития России от 23 декабря 2015 г. № 968 [7], Порядком заполнения отдельных форм выписок из Единого государственного реестра недвижимости, составом содержащих-

ся в них сведений, а также требованиями к формату документов, содержащих сведения Единого государственного реестра недвижимости и предоставляемых в электронном виде, утвержденными приказом Минэкономразвития России от 20 июня 2016 г. № 378 [8], установил, что такая выписка не является равнозначной документу, заверенному усиленной квалифицированной электронной подписью органа регистрации прав, и не позволяет удостовериться в соответствии представленных данных данным, содержащимся в Едином государственном реестре недвижимости.

Таким образом, закупочной комиссии необходимо оценивать представляемые участниками закупок документы с точки зрения полноты и достаточности их реквизитов, несмотря на то, что представляемые в единую информационную систему документы подписаны электронной цифровой подписью участника закупки.

III. Антимонопольный орган и судебные инстанции [9] признали законными действия комиссии по отстранению от участия в определении победителя закупки в форме открытого конкурса в электронной форме на право заключения контракта на выполнение проектно-изыскательских работ по объекту «Строительство ВОС г. Евпатория». На момент подведения итогов открытого конкурса участником предложена цена контракта в размере 97 451 100 руб., при этом податель жалобы имел второй уровень ответственности члена саморегулируемой организации (стоимость работ по одному договору не превышает 50 000 000 руб., предельный размер обязательств по договорам не превышает 50 000 000 руб.).

При установлении требований к участникам при закупке работ, услуг, для которых в соответствии с действующим законодательством необходимо членство в саморегулируемой организации в области архитектурно-строительного проектирования, также следует устанавливать требования к соответствию его уровня ответственности по обязательствам в области договоров подряда на подготовку проектной докумен-

тации и размера внесенного взноса в компенсационный фонд положениям п. 2 ч. 3 ст. 558, ч. ч. 10, 11 статьи 5516 Градостроительного кодекса Российской Федерации [10], а закупочной комиссии необходимо проверять соответствие уровня ответственности цене контракта, формируемой по результатам торгов.

IV. При осуществлении закупки путем проведения электронного аукциона по оказанию услуг по проведению противоэпидемических мероприятий (дератизации и дезинсекции), один из участников обратился в жалобой в антимонопольный орган, указав, что место действия лицензии на осуществление медицинской деятельности (г. Санкт-Петербург), представленной победителей электронного аукциона, не совпадает с местом оказания услуг по рассматриваемой закупке (г. Смоленск), и такую заявку следовало отклонить.

Антимонопольный орган доводы жалобы не принял по причине того, что в документации не было указано требование о том, на какую территорию должно распространяться действие лицензии.

Однако суд, руководствуясь положениями п. п. 2, 8 ст. 3, п. п. 2, 3 ч. 1 ст. 15, п. п. 1, 2 и 7 ст. 18 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [11] (далее – Закон о лицензировании) сделал вывод, что законодателем установлен запрет на осуществление лицензируемого вида деятельности по адресу, указанному в лицензии, до того момента, как будет переоформлена лицензия, следовательно, доводы подателя жалобы об отсутствии у участника закупки необходимой лицензии по месту оказания услуг признаны судом обоснованными. В связи с тем, что в аукционной документации было указано место оказания услуг, комиссия заказчика была обязана соотнести место оказания услуг и место осуществления участником лицензируемой деятельности [12].

При закупке работ, услуг, относящихся к лицензируемым видам деятельности закупочной комиссии, необходимо учитывать

положения Закона о лицензировании в части соответствия места осуществления лицензируемого вида деятельности применительно к объекту закупки.

В заключение следует отметить, что работа закупочной комиссии не ограничивается применением лишь норм Закона о кон-

трактной системе. Для принятия законных и обоснованных решений комиссии необходимо обращаться к специальному, отраслевому законодательству, анализировать судебную практику и опыт правоприменения, что требует от ее членов постоянного совершенствования профессионального уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.09.2022).
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
3. Определение Верховного суда Российской Федерации от 7 июня 2019 г. № 307-КГ18-26407 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 20 мая 2022 г. № 307-301-ЭС22-8331 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
5. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
6. Об электронной подписи: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
7. Об установлении порядка предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, и порядка уведомления заявителей о ходе оказания услуги по предоставлению сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости: приказ Минэкономразвития России от 23 декабря 2015 г. № 968 (утратил силу 26 июля 2021 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
8. Об утверждении отдельных форм выписок из Единого государственного реестра недвижимости, состава содержащихся в них сведений и порядка их заполнения: приказ Минэкономразвития России от 20 июня 2016 г. № 378 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
9. Определение Верховного суда Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 310-ЭС21-9350 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
10. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
11. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.06.2022).
12. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21 января 2021 г. по делу № А62-683/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата: обращения: 24.06.2022).

REFERENCES

1. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on September 24, 2022) // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
2. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: federal law of April 5, 2013 No. 44-FZ // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 7, 2019 No. 307-KG18-26407 // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)

4. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 20, 2022 No. 307-301-ES22-8331 // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
5. On state registration of real estate: federal law of July 13, 2015 No. 218-FZ // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
6. On the electronic signature: federal law of April 6, 2011 No. 63-FZ // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
7. On establishing the procedure for providing information contained in the Unified State Register of Real Estate and the procedure for notifying applicants about the progress of the provision of services for providing information contained in the Unified State Register of Real Estate: Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated December 23, 2015 No. 968 (expired on July 26, 2021) // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
8. On the approval of certain forms of extracts from the Unified State Register of Real Estate, the composition of the information contained in them and the procedure for filling them out: Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated June 20, 2016 No. 378 // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2021 No. 310-ES21-9350 // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
10. Urban Planning Code of the Russian Federation: federal law of December 29, 2004 No. 190-FZ (as amended on July 14, 2022) // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
11. On licensing certain types of activities: federal law of May 4, 2011 No. 99-FZ // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of access: 24.06.2022). (In Russ.)
12. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated January 21, 2021 in case No. A62-683/2020 // Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date accessed: 24.06.2022). (In Russ.)

Информация об авторе:

Рахимов Э. Х., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Rakhimov E. K., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 08.09.2022; approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.81(470)

**О ПРЕДМЕРЕ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА
И ЕГО ОСОБЕННОСТЯХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Александр Владимирович Акчурин
Академия ФСИН России, Рязань, Россия, 79206310258@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать современные научные подходы к понятию предмета преступного посягательства. Отмечается несостоятельность криминалистического разделения объекта преступного посягательства и предмета преступного посягательства. На основе анализа эмпирических данных автор характеризует предмет преступного посягательства наиболее распространенных пенитенциарных преступлений: мошенничество, дача взятки, незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, причинение вреда здоровью и др. Формулируются выводы о типичных предметах преступных посягательств при расследовании пенитенциарных преступлений, а также о типичных жертвах подобных преступлений.

Ключевые слова: пенитенциарные преступления, осужденный, исправительное учреждение, предмет преступного посягательства

Для цитирования: Акчурин А. В. О предмете преступного посягательства и его особенностях при расследовании пенитенциарных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 100–108.

Original article

**ON THE SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT AND ITS FEATURES
IN THE INVESTIGATION OF PENITENTIARY CRIMES**

Alexander V. Akchurin
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, 79206310258@yandex.ru

Abstract. The article attempts to analyze modern scientific approaches to the concept of the subject of criminal encroachment. The inconsistency of the forensic separation of the object of criminal encroachment and the subject of criminal encroachment is noted. On the basis of the analysis of empirical data, the author characterizes the subject of criminal encroachment of frequent penitentiary crimes: fraud, bribery, illegal trafficking of narcotic drugs or psychotropic substances, disorganization of the activities of institutions providing isolation from society, causing harm to health etc. The author makes conclusions are formulated about the typical subjects of criminal encroachments in the investigation of penitentiary crimes, as well as about the typical victims of such crimes.

Keywords: penitentiary crimes, convicted person, correctional institution, subject of criminal encroachment

For citation: Akchurin A. V. on the subject of criminal encroachment and its features in the investigation of penitentiary crimes // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 100–108.

В юридической науке понятие «предмет преступления» является довольно рас-

пространенной категорией. В уголовном праве предмет преступления традиционно

представляется как факультативная составляющая объекта преступления. Последний с позиции уголовно-правовой науки, как правило, рассматривается в виде общественных отношений, на которые посягает противоправное деяние [1, с. 129–130; 2, с. 29–106; 3].

Исследуя пенитенциарные преступления В. С. Ишигеев отмечает, что уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность специальных субъектов, в качестве которых выступают осужденные, содержатся только в трех статьях Уголовного кодекса Российской Федерации: ст. 313. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи; ст. 314. Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера; ст. 321. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. При этом согласно уголовно-правовому закону первые два состава посягают на общественные отношения в сфере правосудия, а последний – на общественные отношения в сфере управления [4, с. 91–96]. Однако данный автор под пенитенциарными преступлениями понимает более обширную группу преступлений, которых объединяет общий родовый объект посягательства – общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовные наказания по приговору суда. [4, с. 102].

Не вдаваясь в дискуссию по поводу самого понятия «пенитенциарные преступления» и его содержательного наполнения, полагаем позицию В. С. Ишигеева относительно родового объекта пенитенциарных преступлений вполне логичной и жизнеспособной. Анализ практики функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы показал, что любое преступление, совершаемое осужденными, (подозреваемыми, обвиняемыми), содержащимися в исправительных учреждениях (следственных изоляторах), влечет неотложный комплекс чрезвычайных действий администрации

учреждения, направленный на фиксацию подобного противоправного поведения, усиление изоляции нарушителя, оказание медицинской помощи пострадавшему (в т. ч. его отправку или транспортировку в медицинское учреждение), проведение дополнительных режимных, оперативно-розыскных мероприятий, направленных на пресечение или предупреждение иных противоправных действий со стороны других лиц из числа спецконтингента, зачастую одобряющих и готовых оказать всестороннюю поддержку зачинщику противоправного деяния. Подобную деятельность администрации нельзя назвать штатной, поскольку эту работу сложно прогнозировать и нормировать. Именно поэтому совершение преступления лицами из числа спецконтингента практически всегда рассматривается как чрезвычайное происшествие, которое прерывает нормальный ритм работы учреждения, вынуждает сотрудников администрации учреждения функционировать в усиленном режиме. Таким образом дезорганизуется обычная, нормальная работа исправительного учреждения (следственного изолятора). Если же подобной реакции со стороны администрации учреждения не следует, то возникает прямая угроза управляемости таким учреждением, обеспечению безопасности лицам, пребывающим на его территории. Почувствовав послабление, спецконтингент старается максимально использовать его в своих противоправных целях, нередко доводя конфликтную ситуацию до массовых беспорядков, охватывающих все исправительное учреждение (следственный изолятор), вовлекая в подобную ситуацию для продавливания своих интересов близких, родных осужденных, а также средства массовой информации, представителей интернет-сообществ, правозащитных организаций.

Таким образом, полагаем, что общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, вполне возможно рассматривать в качестве объекта преступного посягательства, объединяющего на родовом уровне преступления, совер-

шаемые осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми), содержащимися в исправительных учреждениях и следственных изоляторах (пенитенциарные преступления).

Рассмотрение общественных отношений в качестве объекта преступления, являясь приемлемым в качестве уголовно-правовой категории, довольно редко применяется в криминалистической науке. Следует отметить, что в криминалистике объекту преступления не уделяется существенного внимания. По крайней мере, проведенный нами анализ научных публикаций последних 20 лет не выявил диссертационных или монографических работ по данной проблеме. Тем не менее в немногочисленных научных работах авторские позиции по данному вопросу существенно разнятся.

Так, С. А. Куемжиева, формируя соответствующую групповую криминалистическую методику расследования, предлагает рассматривать в качестве объекта преступного посягательства семью [5, с. 77–89]; А. Н. Халиков – порядок реализации полномочий и функций должностными лицами [6, с. 141–165]; С. Я. Посков – информацию [7, с. 45–48] и т. д.

А. М. Хлус в своих публикациях отстаивает позицию криминалистического анализа как предмета преступного посягательства, так и объекта, относя его к материальному элементу структуры преступления и обосновывая этим его отличие от аналогичного по наименованию уголовно-правового элемента состава преступления [8]. По мнению данного автора, «материализация» объекта в криминалистике вызвана необходимостью взаимосвязи последнего с системой следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах. Выделяя объект и предмет преступного посягательства как самостоятельные криминалистические категории А. М. Хлус приводит их примеры, но не указывает на конкретные признаки, по которым возможно было бы разграничить данные понятия по существу [9].

Понятие объекта преступного посягательства в таком понимании приближается

к содержанию понятия предмета преступного посягательства. Подход фактического отождествления указанных понятий прослеживается у А. А. Бессонова, который в структуру криминалистической характеристики, наряду с обстановкой преступления, способом совершения и сокрытия преступления, типичными следами преступления и личностью преступника, включает объект (предмет) преступного посягательства [10, с. 229]. Подобная позиция фактически разделяет мнение Г. А. Густова, который в понятие объект преступления вкладывал содержание как самого объекта, так и предмета преступления в современной интерпретации большинства авторов [11].

На наш взгляд, прав В. П. Бахин, который разделяет объект преступного посягательства от предмета такого посягательства. При этом понятие объекта посягательства он заимствует из уголовного права, а под предметом посягательства по его мнению подразумевается предмет вещественного мира, на который покушался преступник [12, с. 21].

Анализ позиций различных авторов относительно формулирования криминалистического понятия объекта преступного посягательства позволяет судить о том, что подобные попытки оказались не в полной мере состоятельными. В результате содержательное наполнение понятия объекта преступного посягательства фактически либо овеществлялось и таким образом отождествлялось с предметом преступного посягательства, либо тяготело к другим элементам структуры криминалистической характеристики (обстановка места происшествия, место преступления и т. п.).

Именно поэтому следует отметить, что для криминалистических исследований характерно рассмотрение в структуре криминалистической характеристики именно предмета преступного посягательства, в качестве которого подразумеваются многообразные предметы материального мира: оружие, транспортные средства, наркотики, документы, животные и рыбы и т. п. В этой связи Д. А. Натура и М. М. Душенко отмеча-

ют, что в подобном понимании предмет всегда материален и, как правило, представляет собой конкретную вещь, имеющую определенную ценность (стоимостную, культурную, историческую и др.) [13, с. 154].

Обобщая мнения разных авторов подобного подхода следует отметить, что они понимают под такими предметами материальные объекты, которые несут на себе следы преступления, либо способны сами отобразиться в обстановке преступления. Так, М. В. Кардашевская под предметом преступного посягательства понимает объекты гражданского права, которые детерминируют способ действия преступника и сам вид преступления, являясь таким образом системообразующим элементом структуры криминалистической характеристики по отношению к другим ее элементам [14, с. 238]. По мнению Е. А. Малыхиной, подобные предметы имеют существенное криминалистическое значение для «определения личности преступника, мотивов совершения деяния, а также иных обстоятельств, которые находятся в неразрывной связи между собой» [15, с. 384–385]. А. А. Бессонов, соглашаясь с этим, идет дальше в своих убеждениях, отмечая, что «предмет преступного посягательства и личность потерпевшего по своей сути являются одним и тем же элементом, содержание которого зависит от вида преступления» [16, с. 110]. Таким образом, в понимании данного автора жертва преступления при всей условности подобного подхода может рассматриваться как составная часть широкого понятия «предмет преступного посягательства».

Овеществленный характер предмета преступного посягательства объясним потребностью криминалистической деятельности. «Материализованный» предмет проще воспринимать, его можно осмотреть, обыскать, исследовать и т. д. Безусловно, проще отследить корреляционные связи таких предметов с другими элементами криминалистической характеристики преступления.

Характеризуя предмет преступного посягательства применительно к пенитенциарным преступлениям, мы склонны согласиться с Н. Г. Шурухновым, который отмечает, что закрытый характер исправительных учреждений (следственных изоляторов) их режимность, детерминируют предмет преступного посягательства [17, с. 78–79]. Он заметил, что специфика условий отбывания наказания (содержания под стражей), действие неофициальных норм поведения, наличие стратификации влияют на низкий уровень преступлений против собственности.

Действительно, такие преступления как кража среди пенитенциарных преступлений встретить довольно сложно¹. Связано это с крайне отрицательной оценкой таких действий, совершаемых пенитенциарными преступниками в отношении других осужденных (подозреваемых, обвиняемых). Подобные случаи в их среде именуется «крысятничеством» и довольно жестко наказываются. Так, осужденный К. войдя в комнату для хранения продуктов, чтобы взять там принадлежащие ему продукты, увидел, как осужденный В. доставал из его ящика продукты и прятал у себя под курткой. В результате внезапно возникшей на этой почве конфликтной ситуации, руководствуясь обычаями тюремной субкультуры, осужденный К. нанес проклеименным ножом для резки продуктов (ранее выданным в установленном порядке) колото-резаную рану в область живота осужденному В., от которой тот скончался (уголовное дело 2014467672 возбуждено 11 июля 2014 г. Следственным отделом СУ СК России по Железнодорожному р-ну г. Ростова-на-Дону).

Вместе с тем следует отметить, что с момента утверждения Н. Г. Шурухнова прошло довольно много времени, изменились социально-экономические условия, появились новые средства и способы совершения противоправных деяний, где предметом преступного посягательства выступают ма-

¹ Эмпирической базой исследования послужили результаты изучения 583 архивных уголовных дел о пенитенциарных преступлениях, расследованных в 2009–2020 гг.

териальные ценности. В настоящее время осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми) довольно активно совершаются мошеннические действия, дача взятки.

В качестве предмета взятки, как справедливо отмечает А. М. Хлус, преимущественно выступают деньги [18]. Однако, принимая во внимание режимный запрет на открытое обращение денежных средств и драгоценностей в местах лишения свободы наличные денежные средства, а также иные ценные вещи или ценности в среде осужденных (подозреваемых, обвиняемых) находятся под запретом. В этой связи денежные средства как предмет преступного посягательства в абсолютном большинстве случаев рассматриваются в качестве электронных денег (электронные счета, банковские карты и т. п.).

Примечательно, что суммы денежных средств, которые могут стать предметом преступного посягательства зависят от многих обстоятельств, в т. ч. от качеств личности пенитенциарных преступников. Так, рассматривая образовательный уровень² мошенников, нельзя не упомянуть закономерность, которая была выявлена нами. Лица, обладающие средним образованием, зачастую совершали хищение денежных средств в размерах от нескольких сотен рублей до нескольких десятков тысяч рублей. В то же время низкий образовательный уровень не способствовал успешному совершению таких преступлений. Примером может служить осужденный С., который, имея начальное образование, не смог довести до конца по независящим от него причинам свой преступный умысел на хищение денежных средств путем мобильного мошенничества. Потерпевшая К. отказалась в полном объеме выполнять требования С. о переводе указанных им сумм денежных средств на счет мобильного телефона (уголовное дело № 13040374 возбуждено 22 июля 2013 г.

ОП № 2 (по обслуживанию Исакогорского и Цигломенского округов) УМВД России по г. Архангельску). Вместе с тем наличие высшего образования не только свидетельствует об уровне образованности, но и создает для такого лица предпосылки к новому уровню социального общения, расширяет кругозор, а в преступной деятельности позволяет совершать более изощренные преступления. Подтверждением чему служит следующий случай, который был нами изучен в ходе проводимого исследования. Осужденный Л., отбывая наказание в исправительной колонии, имея высшее образование, под предлогом поставки юридическому лицу значительных объемов нефти путем обмана его руководителя и менеджеров посредством телефонных переговоров с использованием средств мобильной связи похитил денежные средства в особо крупном размере на сумму 14 123 700 рублей (уголовное дело № 1-200/2012. Архив Ленинского районного суда Оренбургской области).

Из проанализированных материалов следственной практики выявлено, что в качестве предмета взятки в 97 % случаев выступали денежные средства. При этом следует отметить, что за пронос на режимную территорию запрещенных предметов в виде мобильного телефона сумма взятки составляла от 500 до 6000 руб. Если незаконные действия сотрудников уголовно-исполнительной системы предполагали пронос сразу нескольких средств мобильной связи, зарядных устройств, сим-карт, карт памяти, аккумуляторных батарей и т. п., то сумма взятки варьировалась от 4000 до 29000 руб. За пронос наркотических средств, психотропных и спиртосодержащих веществ сотрудникам исправительных учреждений (следственных изоляторов) предлагалось от 500 до 30000 руб. Самые крупные суммы взятки были направлены на мотивацию должностных лиц учреждений, обеспечивающих изоляцию от

² Характеризуется тем, что абсолютное большинство пенитенциарных преступников имеют среднее образование: 23,1 % – неполное среднее, 42,3 % – среднее полное общее, 28,1 % – среднее специальное. Высшим образованием обладали только 2,4 % осужденных. Начальное образование было у 4,1 % осужденных.

общества, в целях осуществления ими незаконных действий, способствующих возникновению у осужденного оснований для освобождения от отбывания наказания (от 50000 до 100000 руб.).

Примечательно, что в случае совершения осужденным (подозреваемым, обвиняемым) преступления в группе, где исполнитель – обыкновенное гражданское лицо, находящееся на свободе, предмет преступного посягательства чаще всего представлял наличные деньги. Если же пенитенциарное преступление совершается единолично, то в ход идут современные средства электронного платежа. Проблема в том, что пенитенциарные преступники в этих ситуациях пытаются скрыть возможные следы получения денежных средств.

Анализ предмета преступного посягательства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, позволил выявить две фактически равные группы наркотиков: с одной стороны, это наркотики растительного происхождения (50,2 %), все из которых нами были отнесены к каннабиодной группе (конопля, марихуана, гашиш, гашишное масло и т. п.); с другой стороны, это полусинтетические (23,7 %) и синтетические наркотики (26,1 %), которые в последние годы стали все чаще изыматься в местах лишения свободы (героин, метилэфедрон, диацилморфин, метадон, амфетамины и т. п.).

Среди пенитенциарных преступлений довольно много преступлений насильственного характера. В этой связи согласимся с Н. Г. Шуруховым, который замечает, что в исправительных учреждениях (следственных изоляторах) в значительной степени в качестве предмета преступного посягательства выступают жизнь и здоровье. Анализ следственно-судебной практики показал, что типичными потерпевшими от насилия становятся либо представители администрации мест лишения свободы, либо сами осужденные.

Согласно ранее проведенным исследованиям по фактам нападения осужденных на сотрудников уголовно-исполнительной системы [19; 20] отмечается, что около 42 %

подобных преступлений были спровоцированы самими сотрудниками. Учитывая данные результаты, очевидно, что агрессия со стороны осужденных в адрес сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, не может быть всегда безосновательной.

В результате нашего исследования нами были получены данные, свидетельствующие о том, что около 25,3 % потерпевших сотрудников исправительных учреждений (следственных изоляторов) имели возраст до 25 лет, стаж службы в уголовно-исполнительной системе менее 2 лет и ранее не обучались в ведомственных вузах ФСИН России. Данные результаты, на наш взгляд, свидетельствуют об отсутствии элементарного жизненного опыта, осведомленности о специфике функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и особенностях общения с осужденными. Слабо разбираясь в правовых основах уголовно-исполнительного законодательства, идя на поводу у лиц из числа спецконтингента, провоцирующих конфликтные ситуации, молодые сотрудники ФСИН России не всегда способны выйти из подобных сложных ситуаций, становясь заложниками возникшего конфликта. В практике, к сожалению, нередки случаи причинения насилия сотрудникам исправительных учреждений (следственных изоляторов) в результате грубого нарушения ими требований действующего законодательства, приказов, должностной инструкции, а также обычных норм морали и этики, нетактичного поведения по отношению к осужденным.

Среди потерпевших из числа осужденных следует отметить преобладание лиц самых презируемых неформальных групп, а именно: работающих на администрацию учреждения, а также так называемых «опущенных» и «отверженных».

Почти третья часть потерпевших из числа категорий «блатные» и «мужики» сама создавала криминальную ситуацию или провоцировала преступление. Длительные затяжные конфликты, придирки, домогательства со стороны потерпевшего приводили к решимости дать отпор своему обидчику.

Мошенничества с использованием средств мобильной связи осужденные (подозреваемые, обвиняемые), знающие традиции и обычаи тюремной субкультуры, стараются совершать в отношении ранее незнакомых им лиц, т. к. уверены, что от таких лиц не исходит потенциальной угрозы их жизни и здоровью за совершение мошеннических действий. Доля таких потерпевших составляет более 80,4 %.

Анализ практики показал, что в 72,5 % случаев в качестве потерпевших выступают лица, не проживающие в регионах Российской Федерации, в которых осужденные отбывают уголовное наказание в виде лишения свободы. Исходя из этого, можем предположить, что пенитенциарные преступники, осознавая неотвратимость наказания за совершение противоправных деяний, а также обладая определенной осведомленностью о практике деятельности органов предварительного расследования, рассчитывают на сложности, которые могут возникнуть из-за территориальной удаленности потерпевших либо сотрудников правоохранительных органов.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее:

На выбор предмета пенитенциарного преступления влияют неформальные нормы поведения осужденных (подозреваемых, обвиняемых).

Типичными предметами преступного посягательства пенитенциарных преступников являются: а) материальные ценности (деньги, ценные вещи, имущественные права и т. п.); б) наркотические средства и психотропные вещества.

Типичными жертвами пенитенциарных преступлений становятся сотрудники исправительных учреждений (следственных изоляторов), а также осужденные, подозреваемые, обвиняемые, сотрудничающие с администрацией мест лишения свободы.

4. В качестве факультативного объекта пенитенциарных преступлений следует рассматривать нормальную деятельность исправительных учреждений (следственных изоляторов), которая подвергается дезорганизации фактически всякий раз, когда осужденные (подозреваемые, обвиняемые) совершают новые преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное право РСФСР: часть общая / А. А. Пионтковский. М.: Гос. изд-во, 1924. 235 с.
2. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 229 с.
3. Грунтов И. О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 2. С. 41–46.
4. Ишигеев В. С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. 331 с.
5. Куемжиева С. А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 496 с.
6. Халиков А. Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2011. 538 с.
7. Посков С. Я. Информация как предмет и объект преступного посягательства при расследовании разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного органа // Оперативник (сыщик). 2011. № 3. С. 45–48.
8. Хлус А. М. Криминалистический анализ объекта и предмета посягательства в структуре преступлений // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 1. № 1. С. 100–107.
9. Хлус А. М. Объект и предмет преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике: понятие и соотношение // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2. С. 123–132.
10. Бессонов А. А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 228–233.

11. Густов Г. А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2000. № 2. С. 78–85.
12. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2000. Вып. 1. С. 16–22.
13. Натура Д. А., Душенко М. М. К вопросу о непосредственном предмете преступного посягательства как элементе криминалистической характеристики нарушения авторских и смежных прав // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 2. С. 151–154.
14. Кардашевская М. В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 236–238.
15. Малыхина Е. А. Предмет преступного посягательства как значимый элемент криминалистической характеристики хищений комплектующих деталей железнодорожного транспорта // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции. В 2 т. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. Т. 1. С. 384–388.
16. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Элиста, 2017. 456 с.
17. Шурухнов Н. Г. Расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях: монография. М., 1992. 144 с.
18. Хлус А. М. Предмет взятки: отдельные определения // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 55–67.
19. Латыпова Д. М. Вопросы квалификации насилия, совершенного в отношении сотрудников исправительного учреждения // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2012. № 1. С. 71–74.
20. Федоров В. В., Дергачев А. В., Пертли Л. Ф., Смоляниченко Д. М., Кузьмин С. И., Ибрагимов О. А., Шапоренко А. А., Горенкова Е. В. Профилактика совершения осужденными случаев применения насилия и оскорблений в отношении работников ИУ в связи с осуществлением ими служебной деятельности: аналитический обзор. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2016. 55 с.

REFERENCES

1. Criminal law of the RSFSR: general part / A. A. Piontkovsky. M.: State publishing house, 1924. 235 p. (In Russ.)
2. Nikiforov B. S. Object of crime under Soviet criminal law. M.: Gosyurizdat, 1960. 229 p. (In Russ.)
3. Gruntov I. O. To the question of understanding the object of crime in criminal law // Trud. Unions. Society. 2017. No. 2. P. 41–46. (In Russ.)
4. Ishigeev V. S. Penitentiary crimes: characteristics, warning, responsibility: dis. ... Dr. jurid. sciences. Irkutsk, 2004. 331 p. (In Russ.)
5. Kuemzhieva S. A. Conceptual bases of the group methodology for investigating crimes against the family and minors: dis. ... dr. jurid. sciences. Krasnodar, 2020. 496 p. (In Russ.)
6. Khalikov A. N. Theory and practice of identifying and investigating malfeasance: dis. ... dr. jurid. sciences. Ufa, 2011. 538 p. (In Russ.)
7. Poskov S. Ya. Information as a subject and object of criminal encroachment in the investigation of the disclosure of information about security measures applied to a law enforcement official // Operative (detective). 2011. No. 3. P. 45–48. (In Russ.)
8. Khlus A. M. Forensic analysis of the object and subject of encroachment in the structure of crimes // Legal Bulletin of Samara University. 2018. V. 1. No. 1. P. 100–107. (In Russ.)
9. Khlus A. M. Object and subject of criminal encroachment in criminal law and criminalistics: concept and correlation // Library of criminal law and criminology. 2018. No. 2. P. 123–132. (In Russ.)
10. Bessonov A. A. The object (subject) of criminal encroachment as an element of the forensic characterization of crimes // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 4. P. 228–233. (In Russ.)
11. Gustov G. A. To the definition of the forensic concept of crime // Proceedings of the St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. St. Petersburg: Publishing House

of the St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2000. No. 2. P. 78–85. (In Russ.)

12. Bakhin V. P. Forensic characterization of crimes as an element of investigation // Bulletin of criminalistics. M.: Spark, 2000. Issue. 1. P. 16–22. (In Russ.)

13. Natura D. A., Dushenko M. M. On the question of the direct subject of criminal encroachment as an element of forensic characteristics of violation of copyright and related rights // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2. P. 151–154. (In Russ.)

14. Kardashevskaya M. V. The subject of criminal encroachment as an element of the forensic characterization of crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 7. P. 236–238. (In Russ.)

15. Malykhina E. A. The subject of criminal encroachment as a significant element of the forensic characterization of the theft of components of railway transport // Activity of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXII International scientific and practical conference. In 2 volumes. Irkutsk: FGKOU VO VSI MIA of Russia, 2017. T. 1. P. 384–388. (In Russ.)

16. Bessonov A. A. Private theory of forensic characteristics of crimes: dis. ... dr. jurid. sciences. Elista, 2017. 456 p. (In Russ.)

17. Shurukhnov N. G. Investigation of crimes committed by convicts in corrective labor institutions: monograph. M., 1992. 144 p. (In Russ.)

18. Khlus A. M. The subject of a bribe: separate definitions // Russian law: education, practice, science. 2019. No. 2. P. 55–67. (In Russ.)

19. Latypova D. M. Issues of qualification of violence committed against employees of a correctional institution // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2012. No. 1. P. 71–74. (In Russ.)

20. Fedorov V. V., Dergachev A. V., Pertli L. F., Smolyanichenko D. M., Kuzmin S. I., Ibragimov O. A., Shaporenko A. A., Gorenkova E. V. Prevention cases of violence and insults committed by convicts against employees of correctional institutions in connection with the performance of their official activities: an analytical review. M.: FKU NII FSIN of Russia, 2016. 55 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Акчурин А. В., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Akchurin A. V., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.911.018(47+57)"192/193"

К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ЕЕ СУБКУЛЬТУРЫ В 1920–1930 ГГ. В РСФСР И СССР

Андрей Вячеславович Воронцов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, AVoroncov113@gmail.com

Аннотация. В статье автором рассмотрен ряд научных работ, изданных в 1920–1930 гг. в РСФСР и СССР, сделаны выводы об особенностях криминальной среды и ее субкультуры, необходимости заимствования опыта сотрудников подразделений Народного комиссариата внутренних дел в части создания классификации преступности и советских ученых-правоведов в части комплексного исследования криминальной среды и ее субкультуры.

Ключевые слова: криминальная среда, криминальная субкультура, криминологический кабинет, личность преступника, Народный комиссариат внутренних дел, преступность, научно-технический кабинет, РСФСР, СССР

Для цитирования: Воронцов А. В. К вопросу о результатах исследований криминальной среды и ее субкультуры в 1920–1930 гг. в РСФСР и СССР // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 12–17.

Original article

ON THE RESULTS OF RESEARCH ON THE CRIMINAL ENVIRONMENT AND ITS SUBCULTURE IN 1920–1930 IN THE RSFSR AND THE USSR

Andrey V. Vorontsov

Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, AVoroncov113@gmail.com

Abstract. In the article the author considers a number of scientific papers published in 1920–1930 in the RSFSR and the USSR, conclusions are drawn about the features of the criminal environment and its subculture, the need to borrow the experience of employees of the People's Commissariat of Internal Affairs in terms of creating a classification of crime and Soviet legal scholars in terms of a comprehensive study of the criminal environment and its subculture.

Keywords: criminal environment, criminal subculture, criminology office, criminal identity, People's Commissariat of Internal Affairs, crime, scientific and technical cabinet, RSFSR, USSR

For citation: Vorontsov A. V. On the results of research on the Criminal environment and its subculture in 1920–1930 in the RSFSR and the USSR // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 12–17.

Значительный рост преступности, произошедший в первые годы советской власти, предопределил необходимость комплексного изучения криминальной среды и ее основных элементов. Уже в 1917 г. в г. Петрограде был создан первый криминологический кабинет, но из-за отсутствия финансового и материально-технического обеспечения он

фактически начал и прекратил свою работу в следующем году.

Летом 1918 г. Центральное управление уголовного розыска (далее – Центророзыск) Главного управления милиции (далее – ГУМ) Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) ввело первую в РСФСР классификацию подучетного элемента: убийцы,

© Воронцов А. В., 2022

поджигатели, вооруженные грабители, грабители без применения оружия, конокрады, мошенники, аферисты, фальшивомонетчики, изготовители фальшивых документов, воры, громилы, парадники, городушники, скупщики краденного, наводчики, содержатели малин и притонов, сутенеры. Была установлена специализация воров: взломщики, домушники, карманники, тряпичники и майданщики. Также воры делились на местных и гастролеров [1]. 4 января 1920 г. Центроорозыск ГУМ НКВД РСФСР направил на места циркуляр № 32 о сборе орудий преступлений в создаваемый криминалистический музей.

В 1918 г. по предложению известного правоведа М. Н. Гернета в Центральном статистическом управлении РСФСР был создан отдел моральной статистики, данные которого позволяли исследовать статистические ряды преступности и ее виды. Но только после окончания Гражданской войны появились реальные возможности для проведения полноценных научных исследований, в которых приняли участие представители ряда правоохранительных органов, здравоохранения и просвещения РСФСР.

В 1922 г. в составе научно-технического отдела (далее – НТО) Центроорозыска ГУМ НКВД РСФСР, занимавшегося технико-криминалистическим обеспечением, был создан экспертный подраздел – первая советская служба криминалистической экспертизы. Его заведующим стал С. М. Потапов, впоследствии возглавивший НТО [1]. В 1922 г. были созданы НТО в г. Петрограде и г. Харькове (для милиции Украины), в 1923 г. – научно-технический кабинет в г. Самаре, в 1924 г. – бюро научной техники в г. Ростове-на-Дону (для милиции Северного Кавказа). В 1926 г. создаются кабинеты экспертизы в городах Новосибирске, Баку, Самарканде, Ереване. В этих кабинетах проводятся экспертные исследования атрибутивных элементов криминальной субкультуры: жаргона, кличек, татуировок и т. п.

В 1922 г. в г. Саратове по инициативе врача А. П. Штесса при губернской секции мест заключения был открыт губернский кабинет криминальной антропологии и судеб-

но-психиатрической экспертизы. В состав кабинета входили отделения: гипнотической терапии, криминальной педагогики, психологического обследования, социологического обследования, физического обследования и судебно-психиатрической экспертизы. При отделении психологического обследования работала лаборатория, при отделении судебно-психиатрической экспертизы имелось две палаты в больнице губернского исправительного дома. Кабинет осуществлял исследования преступников и преступности, разрабатывал меры перевоспитания преступников и проводил экспертизы для правоохранительных органов. Основные результаты работы кабинета нашли отражение в специализированных медицинских изданиях.

В 1922–1925 гг. под руководством известного правоведа и психолога С. В. Познышева ряд молодых ученых (М. К. Александров-Дольник, С. Л. Воронов, А. С. Иванов, Н. Г. Кельберер, А. А. Климушкин, Б. М. Наумов, О. С. Познышев, М. П. Ревидцев, О. А. Скворцова, В. С. Спановский, И. И. Станкевич, Н. В. Терзиев и П. С. Цветков) проводили комплексное изучение лиц, содержащихся в московских местах заключения. Результаты их труда были отражены в научных работах С. В. Познышева «Детская беспризорность и меры борьбы с ней» и «Криминальная психология. Преступные типы», изданных в 1926 г. в г. Москве и г. Ленинграде соответственно.

Необходимо отметить, что еще в дореволюционный период группой известных российских правоведов (М. Н. Гернет, М. М. Исаев, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, А. Н. Трайнин, И. Я. Фойницкий и др.) были определены основы социологического направления в изучении преступности и личности преступника, которое объясняло поведение преступника с точки зрения социальных причин, в т. ч. классовой структуры капиталистического общества.

С. В. Познышев определял криминальную психологию, как психологию борьбы с преступностью, которая рассматривает преступление, как проявление психологической конституции личности, устанавливает и ис-

следует различные типы преступников (криминальная типология), а также признаки и приемы их распознавания (криминальная дифференциальная диагностика), устанавливает те типы психологического воздействия, которым для целей уголовной юстиции должны подвергаться носители разных криминальных типов (криминальная педагогика). В работе «Криминальная психология. Преступные типы» все преступники разделены на два типа: эндогенные, которых толкнули на преступления особенности их личности, и экзогенные, ставшие преступниками в результате воздействия на них внешних факторов. К эндогенным преступникам автор относит и профессиональных преступников [2].

В 1923 г. сеть учреждений уголовного розыска НКВД РСФСР была представлена 79 губернскими и областными управлениями, центророзысками автономных республик, подчиненными им 700 уездными отделениями и столами [3]. Росло число регистрационных бюро по учету преступного элемента: в 1923 г. было 58 бюро, в 1925 г. – 283, в 1927 г. – 358 [4]. 7 декабря 1923 г. Центральное административное управление НКВД РСФСР издало циркуляр «О постановке музеев при уголовно-розыскных учреждениях».

В 1923 г. в г. Москве постановлением Президиума Моссовета при его административном отделе был создан кабинет по изучению личности преступника и преступности под началом известного правоведа М. Н. Гернета. В 1924 г. при кабинете на базе Арбатского арестного дома была открыта клиника для изучения заключенных, на базе Московского уголовного розыска (далее – МУР) – амбулатория для исследования лиц, находящихся под следствием. Основным методом сбора данных было анкетирование. Учеными были изучены 1334 лица, задержанные сотрудниками МУР, из которых 198 (14,8 %) имели уголовные татуировки, 2/3 (70,7 %) татуировали себя в тюрьме в молодом возрасте. Наиболее распространенные татуировки в форме: сердец, якорей, крестов, женских фигур, птиц (в основном орлов) и бабочек. Наиболее редкими были татуировки: копия картины

В. М. Васнецова «Три богатыря», портреты всего рода царей-императоров Романовых, а также портреты английского короля и королевы, выполненные в две краски. В Московском трудовом доме были обследованы 146 несовершеннолетних, из которых 37 человек имели в общей сложности 86 отдельных татуировок. В 1924 г. в издательстве «Право и жизнь» вышел сборник статей «Преступный мир Москвы», в котором были изданы научные статьи работников кабинета: А. М. Ароновича, Н. Н. Геденова, М. Н. Гернета, Е. К. Краснушкина, В. И. Куфаева, А. Е. Петровой, А. Л. Родина, Л. А. Скляра, С. А. Укше и В. Р. Якобсона. Разделами сборника стали статьи, посвященные грабителям и бандитам, убийцам, рецидивистам, мошенникам, самогонщикам, криминальным психопатам, преступникам-подросткам и уголовным татуировкам [5].

В 1924 г. правоведем И. Н. Якимовым, в 1922–1924 гг. работавшим в органах НКВД РСФСР сначала старшим инспектором МУР, а затем консультантом Центророзыска ГУМ, было опубликовано «Практическое руководство к расследованию преступлений». В 1925 г. он переработал и дополнил его, написав научную работу «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике», которая вплоть до 1935 г. считалась в РСФСР учебником криминалистики. В этой работе он дает характеристику современного преступника и его преступной деятельности. Всех преступников он классифицирует на 4 вида: профессиональные, случайные, душевнобольные и дегенераты. Также И. Н. Якимовым предлагаются особенности регистрации уголовных татуировок: по месту расположения, по содержанию и по степени исполнения. По содержанию он классифицирует татуировки на рисунки: порнографического (непристойного) характера; любовного характера; свидетельствующие о преступной профессии их носителя; свидетельствующие о принадлежности их носителя к какому-либо сообществу; художественные, символические и фантастические [6].

В 1925 г. при Ленинградском губернском суде был создан кабинет экспериментальной

психологии, который изучал особенности подростковой преступности, совершения отдельных видов преступлений. В состав кабинета входили отделение судебно-психиатрической экспертизы, лаборатории в дежурной камере губернского суда, Детско-сельском исправительно-трудовом доме и трудовых колониях. Учебно-практической частью кабинета заведовал известный врач-психиатр Л. Г. Оршанский. Изучению подлежали как отдельные преступники, так и преступность в целом. Результатом работы стали комплексные исследования, посвященные убийствам, половым преступлениям и хулиганствам.

В 1925 г. по инициативе Наркомата здравоохранения РСФСР было создано межведомственное совещание по изучению проституции, ее причин и условий, которое осуществляло эту работу вплоть до 1931 г.

В 1925 г. постановлением Совета народных комиссаров РСФСР при НКВД РСФСР был учрежден Государственный институт по изучению преступности и преступника, который возглавил известный правовед Е. Г. Ширвинд. К основным задачам института были отнесены: определение причин и условий преступности; оценка результатов борьбы с ней; изучение среды заключенных и разработка способов их перевоспитания. Все существующие в РСФСР криминологические кабинеты были подчинены институту в качестве филиалов. В 1926 г. в г. Ростове-на-Дону для исследования преступности на Северном Кавказе был открыт криминологический кабинет, который возглавил врач А. В. Браиловский. Также в 1926 г. в одной из тюрем г. Москвы было создано отделение института.

Для работы в институте был собраны ведущие ученые в различных областях науки: М. Н. Гернет, С. М. Потапов, Е. Н. Тарковский, Н. В. Терзиев, Б. С. Утевский и др. С. В. Познышев из-за своих идеалистических воззрений не стал работником института, но был включен в состав Ученого совета учреждения. В составе института работали различные секции: биопсихологии, социальной экономики, криминологии и мест лишения свободы. С. М. Потапов создал в ин-

ституте криминологическую лабораторию. В 1926–1929 гг. в институте ежегодно выпускался сборник «Проблемы преступности».

В 1926–1931 гг. в СССР выходит ряд научных работ, посвященных исследованию уголовных жаргонов: А. П. Баранников «Цыганские элементы в русском арго» («Язык и литература». Ленинград, 1931), Г. В. Виноградов «Словарь соловецкого условного языка» (Соловки, 1927), С. М. Потапов «Словарь жаргона преступников: блатная музыка» (Москва, 1927), Т. Е. Сегалов «Язык воров в его социально-психологическом значении» (Москва, 1928), А. М. Селищев «Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет: 1917–1926 годы» (Москва, 1928), В. А. Тонков «Опыт исследования воровского языка» (Казань, 1930). Несколько научных работ было посвящено изучению жаргонов подростков: Г. С. Виноградов «Детские тайные языки» (Иркутск, 1926), Е. Д. Поливанов «О блатном языке учащихся и о «славянском» языке революции» (сборник «За марксистское языкознание». Москва, 1931).

11 июня 1930 г. коллегия НКВД РСФСР заслушала доклад о работе Центро розыска и постановила: работу Центро розыска одобрить, основной задачей отдела считать руководство и помощь местным органам уголовного розыска по созданию регистрационных бюро, научно-технических кабинетов, лабораторий, музеев, а также питомников служебных собак.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в науке СССР получила развитие разработанная итальянским криминологом Э. Ферри теоретическая модель «социальной защиты», согласно постулатам которой гражданское общество должно защищать себя от преступности преимущественно за счет изоляции преступников в местах лишения свободы. В это же время также получает развитие и теоретическая модель «перековки заключенных трудом», которую обосновали правоведы: И. Л. Авербах, Л. И. Коган, Я. Д. Рапопорт, Э. И. Сенкевич, С. Г. Фирин и др. На базе двух этих теоретических моделей: необходимости изоляции преступников от общества и их последующего исправления

на основе труда, была выстроена политика государственного строительства с использованием рабочей силы заключенных. С целью развития научных моделей 11 июля 1929 г. было принято Постановление СНК СССР от «Об использовании труда уголовно-заключенных».

Одним из первых практических опытов, определивших развитие двух теоретических моделей в системе Главного управления исправительно-трудовых лагерей (далее – ГУЛАГ), стало строительство Беломорско-Балтийского канала, для участия в котором было создано Беломор-Балтийский исправительно-трудовой лагерь (далее – ИТЛ). Для выполнения задачи в ИТЛ были приглашены многие ученые – сторонники модели исправления преступников на основе труда: Л. И. Коган, Э. И. Сенкевич, Я. Д. Рапопорт, С. Г. Фирин. Завершение в 1933 г. плана работ по строительству канала позволило правительству продолжать государственное обустройство в рамках ГУЛАГ Объединенного государственного политического управления (далее – ОГПУ) СССР, на которое возлагаются новые правительственные задания: строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, Беломор-Балтийского комбината и канала «Москва-Волга», разработка золотоносных районов Колымы, добыча угля в Ухтинско-Печорском бассейне и т. д. [7].

В системе ГУЛАГ ОГПУ СССР исследование криминальной среды и ее субкультуры осуществлялось отбывавшими в нем сроки заключения учеными и иными представителями интеллигенции: Д. С. Лихачевым, Ж. Росси, А. И. Солженицыным, В. Т. Шаламовым, Б. С. Утевским, Е. Г. Ширвиндом и др. Д. С. Лихачев, участвовавший в строительстве Беломорско-Балтийского канала в качестве заключенного, в своих работах дал научную оценку атрибутивных (жаргона, языка жестов, кличек, татуировок и т. п.) и эмоциональных элементов (памятных альбомов) криминальной субкультуры, сравнивая мышление профессиональных преступников с первобытным [8]. В 1939–1961 гг. в ГУЛАГ ОГПУ СССР отбывал заключение польский журналист Жак Росси, издав-

ший в 1987 г. в г. Лондоне «Справочник по ГУЛАГу», в котором дается разделение заключенных по мастьям: блатные, приблатненные, мужики и представители лагерно-тюремного дна, упоминается понятие «вора в законе», как уголовного авторитета строго соблюдающего воровской закон [9].

В 1931 г. произошла реорганизация Государственного института по изучению преступности и преступника в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики, который был передан в подчинение Наркомата юстиции РСФСР. Это было связано с тем, что базисное положение советских криминологов о том, что главной причиной преступности является классовая структура капиталистического общества, не могло действовать в социалистическом обществе. В связи с этим на государственном уровне был сделан вывод о том, что при социализме отсутствуют социальные причины преступности, а поэтому комплексное изучение преступности не представляет ни научного, ни практического интереса. В 1932–1935 гг. работниками Института уголовной и исправительно-трудовой политики ежегодно издавался сборник «Проблемы уголовной политики». В 1936 г. институт был снова реорганизован во Всесоюзный институт юридических наук. Изучение преступников, исследование преступности, ее причин и условий были прекращены, все криминологические кабинеты на местах упразднены.

В 1935 г. в Московском правовом институте была создана криминалистическая лаборатория. В дальнейшем подобные лаборатории были организованы в юридических вузах городов Иркутска, Казани, Ленинграда, Саратова, Свердловска и др. Хотя основной целью создания этих лабораторий было научно-техническое обеспечение учебного процесса, в них также проводились экспертные и научные исследования преступности и криминальной субкультуры.

В 1935–1936 гг. под редакцией А. Я. Вышинского был опубликован в двух книгах первый советский учебник по криминалистике, первая книга которого была посвящена технике и тактике расследования преступлений, а вторая – методике расследования

отдельных видов преступлений. Авторский коллектив учебника был представлен известными криминалистами: В. И. Громыным, С. М. Потаповым, И. Н. Якимовым и др. Учебник содержал информацию об особенностях совершения отдельных видов преступлений в СССР, а также атрибутивных элементах криминальной субкультуры.

По нашему мнению, целесообразно перенять опыт правоохранительных органов

РСФСР и СССР в части использования наглядных форм обучения личного состава оперативных служб путем создания криминалистических музеев в территориальных органах МВД России на региональном уровне, а также применения опыта разностороннего изучения в 1920-е – 1930-е гг. учеными РСФСР и СССР Российской криминальной среды и ее субкультуры современными учеными-правоведами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скоркин К. В. НКВД РСФСР: 1917–1923 // МВД России: Люди, структура, деятельность. Т. 2. М., 2008.
2. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926.
3. Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 11.
4. Административный вестник. 1927. № 10–11.
5. Преступный мир Москвы: сборник научных статей / под ред. М. Н. Гернета. М., 1924.
6. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
7. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: история строительства, 1931–1934 г.г. // под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1998.
8. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление: сборник. III–IV. М.-Л.: АН СССР, 1935.
9. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Лондон, 1987.

REFERENCES

1. Skorkin K. V. NKVD of the RSFSR: 1917–1923 // The Ministry of Internal Affairs of Russia: People, structure, activity. T. 2. M., 2008. (In Russ.)
2. Poznyshv S. V. Criminal psychology. Criminal types. L., 1926. (In Russ.)
3. Workers' and Peasants' Militia. 1923. No. 11. (In Russ.)
4. Administrative bulletin. 1927. No. 10–11. (In Russ.)
5. Underworld of Moscow: collection of scientific articles / ed. M. N. Gernet. M., 1924. (In Russ.)
6. Yakimov I. N. Criminology. Guide to criminal technique and tactics. M., 1925. (In Russ.)
7. The White Sea-Baltic Canal named after Stalin: the history of construction, 1931–1934. // ed. M. Gorky, L. Averbakh, S. Firin. M., 1998. (In Russ.)
8. Likhachev D. S. Features of primitive primitivism of thieves' speech // Language and thinking: collection. III–IV. M.-L.: AN SSSR, 1935. (In Russ.)
9. Rossi J. Guide to the Gulag. London, 1987. (In Russ.)

Информация об авторе:

Воронцов А. В., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Vorontsov A. V., Candidate of Law, Associate professor.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 11.11.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.97:343.593(470)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВАНДАЛИЗМА

Валентин Павлович Кирица¹, София Павловна Пилат²

^{1,2} Академия «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова, Кишинев, Республика Молдова
¹ valentin-chirita@yandex.ru, ² sofia-chirita@yandex.ru

Аннотация. Вопрос уважения и защиты культурных ценностей и норм морали на современном этапе становится все более актуальным для всех цивилизованных государств, в том числе и для Республики Молдова. Нравственное и культурное воспитание является очень важным аспектом человеческой личности в демократическом обществе, поскольку экономический и духовный прогресс зависит от степени приверженности каждого в общих усилиях по повышению качества жизни.

Однако, нужно совершенно справедливо отметить, что, хотя культурные ценности и моральные нормы пропагандируются в современном обществе на достаточно высоком уровне, в последние десятилетия наблюдается тревожный рост их нарушения, рассматриваемого как форма проявления деструктивного поведения человека. Таким образом, деструктивные социальные проявления классифицировались представителями государства или определенными социальными, профессиональными или этническими категориями, которые видели в актах вандализма свои ущербные интересы или уничтоженное имущество.

Ключевые слова: вандализм, разрушение, ущерб, причины, условия, факторы, обстоятельства, деструктивное поведение, самоутверждение

Для цитирования: Кирица В. П., Пилат С. П. Криминологические детерминанты вандализма // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 115–121.

Original article

CRIMINOLOGICAL DETERMINANTS OF VANDALISM

Valentin P. Kiritsa¹, Sofia P. Pilat²

^{1,2} Academy “Stefan cel Mare” of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Moldova, Kishinev, Moldova

¹ valentin-chirita@yandex.ru, ² sofia-chirita@yandex.ru

Abstract. The issue of respecting and protecting cultural values and moral norms at the present stage is becoming more and more pressing for all civilized states, including the Republic of Moldova. Moral and cultural education is a particularly important aspect of a human personality in a democratic society, as economic and spiritual progress depends on the degree of the commitment of every individual in the common effort to increase the quality of life.

However, we have to admit that, although cultural values and moral norms are promoted at a high level in a contemporary society, the recent decades have seen an alarming increase in the rate of their violation, which is thought as a form of destructive human behavior. Therefore, the destructive social manifestations were categorized by the representatives of the state or by certain social, professional or ethnic categories who identified their damaged interests or the destroyed property as acts of vandalism.

Keywords: vandalism, destruction, damage, causes, conditions, factors, circumstances, destructive behavior, self-affirmation

For citation: Kiritsa V. P., Pilat S. P. Criminological determinants of vandalism // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 115–121.

© Кирица В. П., Пилат С. П., 2022

Несмотря на то, что вандализм имеет глубокие исторические корни, с развитием цивилизации, сопровождающимся эволюцией процесса урбанизации, это преступное деяние получило более широкое распространение. Это связано с увеличением доли транспортной инфраструктуры (появлением новых единиц общественного транспорта, железных дорог и др.), культурной инфраструктуры и культов, включающих внушительное количество товаров, имеющих историческую, культурную или религиозную ценность; дистанцированием отношений между членами социальной группы; формализацией социальных отношений и, как следствие, – потерей неформального социального контроля над членами сообщества и т. д.

Все эти факторы напрямую благоприятствуют совершению актов вандализма, затрагивающих исторические, культурные и религиозные ценности, охраняемые государством. Особо важную роль в борьбе с актами вандализма играет выявление причин и условий, способствующих совершению этого преступления. Устранение причин преступления предполагает выявление по возможности всей совокупности внешних и внутренних обстоятельств, оказывающих определенное влияние на асоциальное явление [1, с. 165].

Согласно словарю под причиной понимается: 1) явление, которое предшествует и при определенных условиях вызывает появление другого явления, которое служит отправной точкой; причина, мотив; 2) социальная проблема, которая интересует большую общность людей и за защиту и усиление которой ведется упорная борьба [2, с. 122]. Поэтому причинами преступности являются социальные явления и процессы, порождающие и поддерживающие существование преступности либо вызывающие ее рост или уменьшение [3, с. 26].

Вместе с тем, кроме причин преступлений, существует широкий круг условий (обстоятельств), что в свою очередь благоприятствует совершению преступных деяний, в том числе преступления вандализма. К ним относятся как природные, так и социальные или технические факторы. Сами по себе эти

условия не порождают преступлений, а приводят к их совершению. Оценка одних явлений как причин, а других – как условий носит относительный характер, так как в различных ситуациях одно и то же явление может выступать либо как причина, либо как условие. Причины преступности и условия, благоприятствующие ей, часто объединяют в одном термине – детерминанты преступности [3, с. 27].

В связи с этим для лучшего понимания и расширения всех обстоятельств, служащих основанием для совершения актов вандализма, необходимо проанализировать факторы, способствующие совершению такого преступления. По этой причине факторов, определяющих совершение актов вандализма, может быть несколько, в том числе:

1. Экономические факторы – дисбаланс между экономическими потребностями и возможностями общества, социальных групп и индивидов; глубокий экономический кризис; поляризация населения по уровню доходов (бедные и богатые); безработица; инфляция; ошибки в стратегии и практике проведения экономических реформ; снижение производства товаров; невыплата заработной платы; ограничение экономических ресурсов; повышение уровня теневой экономики [4, с. 50]; создание и сознательное поддержание патологического финансового климата на международном уровне, заключающегося в наличии возможности практиковать финансовые спекуляции и интервенции в отношении отдельных государств и т. д. [5, с. 95].

2. Политические факторы – отсутствие политической гармонии в обществе; противоречия между звеньями государственной власти; проявление сепаратизма, экстремизма; межэтнические конфликты; вооруженные конфликты; нестабильность уголовной политики; отсутствие эффективного контроля со стороны общества за системой мер по борьбе с преступностью; борьба за власть политических партий или общественных организаций, преследующих политические цели, либо отдельных групп, лидеры которых преследуют корыстные цели; высокий

уровень бюрократизма и коррупции в органах государственной власти и др. [6, с. 68].

3. Культурные факторы – боязнь культурного истребления, атрибутами которого являются: религия, разговорный язык, этническая принадлежность, образование и др. [7, с. 169].

4. Правовые факторы – бездействие ряда законов и иных нормативных актов; нестабильность и несовершенство законодательства, направленного в частности на профилактику и борьбу с преступностью; пассивность при внесении законодательных предложений; низкий уровень правовой культуры компании и др. [7, с. 169].

5. Организационные факторы – перегруженность системы уголовного правосудия; низкий уровень раскрываемости преступлений; дефицит официального толкования уголовного законодательства; отсутствие централизованной системы криминологической экспертизы законодательства; противоречия в компетенции и соотношении органов, ответственных за предупреждение и борьбу с преступностью и др. [8, с. 17].

6. Психологические факторы – утрата частью населения некоторых основных человеческих идеалов в сфере социального общежития; снижение уровня доверия к правоохранительным органам; низкая солидарность населения в предупреждении и борьбе с преступностью; правовой нигилизм и др. [4, с. 56].

7. Медицинские факторы – психические заболевания; доступность приобретения медицинских препаратов (наркотических, психотропных средств), влияющих на психику человека; алкоголизм, наркомания и др. [7, с. 170].

8. Технические факторы – недостаточность и несовершенство средств и технологий общего и специального назначения; низкая эффективность технических средств, используемых в процессе уголовного преследования; недостаточное обеспечение правоохранительных органов транспортными средствами, средствами самообороны, другими специальными техническими средствами; вооружение; техническая конкурентоспособность преступников по отношению к право-

охранительным органам; низкий уровень автоматизации учета судимостей и др. [8, с. 20].

9. Социальные факторы – противоречия между интересами разных социальных групп, межнациональные отношения, проблема равноправия, неудовлетворенность человека своим социальным положением, дискриминация, уровень образования, профессия, семейное положение и т. п. [1, с. 179–180].

10. Демографические факторы – естественный прирост, взрывы рождаемости, половозрастная структура и миграция населения и др. [1, с. 182].

Вышеуказанные факторы, имеющие общие или индивидуальные причины, объективные или субъективные, частные или социальные, в целом можно классифицировать на следующие группы:

1. Внутренние факторы.

2. Внешние факторы.

Внутренние факторы относятся к категории наиболее сложных, и их труднее всего устранить, поскольку эти факторы имеют биологический, физиологический и психологический характер. Одним из важнейших внутренних факторов является возраст полового созревания, который мы можем рассматривать как многоаспектное заболевание, но ограниченное по срокам, являющееся неизбежным и временным. Этот период ограничен, по данным физиологических, биохимических, эндокринологических исследований совпадает с возрастом 12–18 лет и включает в себя весь период, соответствующий несовершеннолетнему [9, с. 46].

Возраст 14–18 лет считается наиболее критическим, так как в этот момент происходит полное формирование самосознания, а именно гомогенизация поведенческих привычек и обоснование нравственных ценностей, которые становятся основными принципами жизни.

Автор Н. А. Черемнова в целом констатирует, что в контексте последних десятилетий развития общества обычным явлением становится причудливое и аберрантное поведение молодежи, которое легитимируется господствующей культурой и соответствует менталитету общества, находящегося на

этапе нравственно-духовной деградация. В данном контексте цитируемый автор отмечает, что подавляющее большинство молодежи 14–18 лет (около 66,6 %), в силу среды, в которой они растут и воспитываются, не способны осознавать и воспринимать общественную опасность увеличение актов вандализма, совершаемых ими в отношении предметов, являющихся общественным достоянием, а также в отношении тех, которые имеют историческую, культурную или религиозную ценность для общества. Они, по мнению автора, убеждены, что их поведение не отклоняется от общепризнанных и уважаемых в обществе морально-этических норм [10, с. 32].

Таким образом, с точки зрения вышеупомянутого автора, получается, что совершение актов вандализма является обычным и нормальным явлением для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.

Многочисленные исследования в области психологии и педагогики доказали на научном уровне, что подростковый возраст является одним из самых сложных периодов развития личности человека. Именно на этом этапе жизни формируется характер личности, которому нередко свойственны непоследовательность, ранимость, чувствительность, эффективность, гибкость, эмоциональность, отсутствие самоконтроля, чрезмерная уверенность в собственных силах.

Недостаток знаний в области права, отсутствие опыта, создание искаженного образа нравственных норм, частая и внезапная смена настроения в конфликтных ситуациях могут проявляться в поведении подростков через жестокость, дерзость, упрямство, гнусность и являются лишь некоторыми из факторов, которые могут побудить его к совершению действий, запрещенных законом, в том числе к вандализму. В этих условиях важно учитывать тот факт, что несовершеннолетние правонарушители нередко могут становиться членами организованных преступных групп или преступных организаций, повышая тем самым градус преступности в обществе.

Кроме того, следует отметить, что с психологической точки зрения в 14 лет уровень

психического развития несовершеннолетнего позволяет ему понять смысл и значение содержания уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 288 Уголовного кодекса Республики Молдова, и предвзятый характер его действий.

Сравнительные данные психологического исследования несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, совершивших, с одной стороны, преступление вандализма, а с другой – преступления, относящиеся к категории тяжких или особо тяжких, свидетельствуют о том, что преступление, предусмотренное ст. 288 Уголовным кодексом Республики Молдова, легче и несовершеннолетнему более доступно осознание смысла и значения своих противоправных действий, приведших к вандализму, чем действий или бездействия, приведших к совершению иных преступлений [11, с. 59].

Отметим, что одновременно с развитием нашего общества и государства развиваются и модернизируются и внешние факторы, влияющие на совершение актов вандализма, ряд которых можно дополнить более раскрытыми, более актуальными:

- отсутствие ответственности;
- паразитический образ жизни;
- выезд родителей за границу;
- моральный отказ от родителей;
- чрезмерная мягкость родителей;
- домашнее насилие;
- бедность и социальное неравенство;
- бесплатный доступ в Интернет;
- пропаганда насилия в различных источниках массовой информации (СМИ, Интернет, телевидение, радио и т. д.);
- контактная среда (школьная среда, улица и т. п.).

Стивен Фрэнд Кóэн является одним из самых известных американских историков, занимающихся выявлением и исследованием комплекса причин и условий, способствующих вандализму. Согласно исследованию Кóэна, вандализм делится на шесть видов, данная классификация обусловлена наличием деструктивных мотивов при совершении актов вандализма, а именно:

1. Вандализм как способ получения чего-либо: основной причиной разрушения

является получение материальной выгоды. Этот вид вандализма, по сути, является разновидностью кражи. Красноречивым примером тому является вандализм предметов, содержащих драгоценные металлы, с целью получения материальной выгоды за счет их последующей продажи.

2. **Тактический вандализм:** разрушение или повреждение рассматривается как средство достижения других целей, например, остановки падения цен на определенные категории товаров путем их уничтожения.

3. **Идеологический вандализм:** данный вид вандализма относится к тактическому вандализму. Идеологический вандализм возникает, когда преступник преследует политические или социальные цели. Объект разрушения, имеющий ярко выраженное символическое значение, может обозначать власть в государстве, различные этнические, культурные или религиозные группы и т. д.

4. **Вандализм как форма мести:** уничтожение или повреждение имущества происходит в ответ на обиду или оскорбление. Специфика этого вида вандализма заключается в анонимном и длительном уничтожении. Обида может быть мнимой, но объект разрушения лишь косвенно или символически связан с первоисточником враждебности. Эта форма мести эмоционально привлекательна, она дает правонарушителю возможность отомстить, избегая личной конфронтации.

5. **Вандализм как игра** представляет собой разновидность вандализма, характерную для детей и подростков. Разрушение или повреждение рассматривается как способ самоутверждения виновного в группе сверстников, путем демонстрации силы, мужества и т. д. в соревновательной форме.

6. **Вандализм как акт ненависти** представляет акты вандализма, совершенные под влиянием ненависти, антипатии, зависти, неприязни к членам социальной группы, и как следствие – чувства удовольствия после их совершения [12, с. 45].

Помимо перечисленных выше видов вандализма, классификацию причин, способствующих совершению этих противоправных действий, составил и британский

социальный психолог, специалист по профилированию и психологии среды – Дэвид В́иктор Кáнтер [13, с. 98–104]. Он перечислил следующие причины совершения актов вандализма:

1. **Гнев:** деструктивные действия обидчика объясняются чувством досады, тревогой, которую он испытывает по поводу невозможности что-то получить, а совершение актов вандализма может рассматриваться обидчиком как способ борьбы со стрессом.

2. **Скука:** часто совершение актов вандализма, особенно среди подростков, обусловлено желанием развлечься. Скука сама по себе не является причиной, но, как отмечает данный автор, состояние скуки является тем психологическим фоном, на основе которого происходят противоправные действия, совершаемые молодежью. Их причиной является поиск новых впечатлений, сильных ощущений, эмоций, рецидивов от совершения запрещенных действий и т. д.

Особенно важную роль в формировании такого поведения играет субкультура и создание неправильных стереотипов у подростков [14, с. 42–47].

3. **Исследование** – это также причина, которая может повлиять на незаконное поведение, в данном случае целью уничтожения является знание. Поэтому причиной вреда, наносимого особенно несовершеннолетними, являются любопытство или желание понять, как работает система. Разрушение или порча рассматриваются как процесс проверки границ допустимого и способ проверки состоятельности существующих социальных норм и авторитета взрослых.

4. **Эстетическое переживание:** любясь процессом разрушения, сопровождающимся специфическим шумом, вандал получает эстетическое удовлетворение.

5. **Экзистенциальное исследование:** анализируя эту причину, Кáнтер упоминает, что совершение актов вандализма является средством самоутверждения, выделения среди толпы, изучения возможности влияния на членов социальной группы и т. д.

Одним из древнейших примеров в этом отношении может быть акт вандализма, со-

вершенный Геростратом, греческим поджигателем IV века до н. э., который пытался прославиться, разрушив храм богини Артемиды в Эфесе, считавшийся одно из семи чудес света Древнего мира. Как отмечают искусствоведы, совершение актов вандализма в отношении произведений искусства есть не что иное, как удовлетворение «прихоти» по привлечению к ним внимания публики [15, с. 54–56].

Обычно такие разрушители не предпринимают никаких действий, чтобы избежать наказания, а вместо этого пытаются показать общественности совершенный акт вандализма. Так поступил советско-русско-израильский политический художник Александр Давидович Бренер, который, находясь в Музее современного искусства в Амстердаме, нарисовал баллончиком знак доллара на знаменитой картине Казимира Малевича «Супрематизм. 1921–1927». После задержания Бренер объяснил свой поступок, сказав следующей фразой: «Я „культурный” террорист и своим поступком хотел привлечь внимание общества к положению художников в мире и к своему личному я» [16, с. 21–25].

Кроме того, и в условиях технического прогресса одним из актуальных факторов, определяющих совершение преступления вандализма, является видеопроизводство, так называемая видео индустрия, специализирующаяся на производстве как фильмов, так и различных современных игр для гаджетов, цель которых состоит в уничтожении различных объектов.

Так, игра может содержать как простые симуляторы удара или столкновения, так и интеллектуальные задачи, заключающиеся, например, в подрыве сложной инженерной установки.

Игра сама по себе не является девиацией, но создает основу для развития девиантного поведения, формирования у игроков определённых навыков, а главное, внутренней убежденности в допустимости и способности переносить совершаемые в игре действия на объекты реального мира. Таким образом, через виртуальную игру появляется привычка преодолевать скуку разрушением.

Еще одним фактором, благоприятствующим деструктивному поведению, является распространение современной тенденции среди молодёжи к организации флэш-мобов в группах, суть которых заключается в одновременном совершении актов вандализма в разных локациях.

Точно так же страсть молодых людей к созданию сэлфи, настойчивость соревнования в их оригинальности часто приводит их к вандализму фоновых объектов «мобильного автопортрета». Само создание сэлфи уже является отражением стремления к самоутверждению и саморекламе в социальном сообществе, свободному выражению эмоций и переживаний, что, в свою очередь, очень близко по мотивации к мотивам совершению актов вандализма.

Соответственно, в результате изучения причин и условий, способствующих совершению преступления вандализма, мы приходим к выводу, что в общественном сознании вандализм чаще предстает как девиантное и нерациональное поведение, деструктивное и не имеющее конкретной цели, а выявление причин и условий совершения актов вандализма в последнее время, когда их множество и разнообразие эволюционируют по мере непрерывного развития общества, стало одной из главных задач многочисленных социологических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gladchi Gh. Criminologie generală. Chişinău: Museum, 2001. 312 p.
2. Dicţionarul limbii moderne. Bucureşti: Editura Academiei, 1958. 961 p.
3. Larii Iu. Criminologie. Vol. I. Chişinău: Tipogr. «Elena V. I.», 2004. 152 p.
4. Четвериков В. С. Криминология: учебное пособие. Москва: Инфра-М., 1996. 126 с.
5. Gladchi Gh., Sili V. Terorismul: studiu criminologic şi juridico-penal. Chişinău, 2004. 284 p.

6. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. Москва: Щит-М., 1998. 340 с.
7. Chirița V. Luarea de ostatici. Analiza juridico-penală și criminologică. Chișinău: Tipogr. Acad. «Ștefan cel Mare» a MAI, 2011. 242 p.
8. Криминология: учебное пособие / под общей редакцией В. Е. Эминова. Москва: Норма, 1997. 160 с.
9. Pop O. Răspunderea penală și pedeapsa aplicată minorilor. Chișinău, 2005. 138 p.
10. Черемнова Н. А. Уголовная ответственность за вандализм: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. 198 с.
11. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. Москва: «Ось-89», 2007. 704 с.
12. Cohen S. Destruction of property: Motives and meanings. London: The Architectural Press, 1973. 678 p.
13. Kanter D. Vandalism: Overview and prospect. Vandalism: Behavior and motivation. Amsterdam: North-Holland, 1983. 346 p.
14. Борисов Ю. Механизм «гедонистического риска» и его роль в отклоняющемся поведении молодежи // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 3. С. 42–47.
15. Cordess C., Turcan M. Art vandalism. In: British Journal of Criminology, 1993. Vol. 33. No. 1. P. 54–56.
16. Меликьянц Г. Теракт против картины с применением химического оружия // Известия. 1997. № 2. С. 21–25.

REFERENCES

1. Gladchi Gh. Criminologie generală. Chișinău: Museum, 2001. 312 p.
2. Dicționarul limbii moderne. București: Editura Academiei, 1958. 961 p.
3. Larii Iu. Criminologie. Vol. I. Chișinău: Tipogr. «Elena V. I.», 2004. 152 p.
4. Chetverikov V. S. Criminology: textbook. Moscow: Infra-M., 1996. 126 p. (In Russ.)
5. Gladchi Gh., Sili V. Terorismul: studiu criminologic și juridico-penal. Chișinău, 2004. 284 p.
6. Alekseev A. I. Criminology: a course of lectures. Moscow: Shield-M., 1998. 340 p. (In Russ.)
7. Chirița V. Luarea de ostatici. Analiza juridico-penală și criminologică. Chișinău: Tipogr. Acad. «Ștefan cel Mare» a MAI, 2011. 242 p.
8. Criminology: textbook / edited by V. E. Eminov. Moscow: Norma, 1997. 160 p. (In Russ.)
9. Pop O. Răspunderea penală și pedeapsa aplicată minorilor. Chișinău, 2005. 138 p. (In Russ.)
10. Cheremnova N. A. Criminal liability for vandalism: dis. ... cand. legal sciences. Omsk, 2004. 198 p. (In Russ.)
11. Pirozhkov V. F. Criminal psychology. Moscow: «Os-89», 2007. 704 p. (In Russ.)
12. Cohen S. Destruction of property: Motives and meanings. London: The Architectural Press, 1973. 678 p.
13. Kanter D. Vandalism: Overview and prospect. Vandalism: Behavior and motivation. Amsterdam: North-Holland, 1983. 346 p.
14. Borisov Yu. The mechanism of «hedonistic risk» and its role in the deviant behavior of youth // World of psychology and psychology in the world. 1995. No. 3. P. 42–47. (In Russ.)
15. Cordess C., Turcan M. Art vandalism. In: British Journal of Criminology, 1993. Vol. 33. No. 1. P. 54–56.
16. Melikyants G. Terrorist attack against the picture with the use of chemical weapons // Izvestia. 1997. No. 2. P. 21–25. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кирица В. П., доктор права, доцент;
Пилат С. П., доктор права, доцент.

Information about the authors:

Kiritsa V. P., Doctor of Law, Associate Professor;
Pilat S. P., Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.711.5(470)

НЕЗАКОННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЖИЛИЩЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ ИЛИ ИНЫХ СРЕДСТВ (СТАТЬЯ 139 УК РФ)

Александр Викторович Курсаев

Договорно-правовой департамент МВД России, Москва, Россия, kursaev@list.ru

Аннотация. Автор рассматривает вопросы квалификации незаконного проникновения в жилище с применением технических или иных средств, приводит предложенные юридической доктриной формы применения технических средств при проникновении в жилище. В статье анализируются новеллы Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, допустившего такую возможность; возможные случаи нефизического проникновения в жилище с применением технических средств, которые могут быть квалифицированы по статье 139 УК РФ; проблемы разграничения деяний, предусмотренных статьями 137 и 139 УК РФ, между собой, а также с иными составами преступлений (например, в сфере компьютерной информации). Автор приходит к выводу о том, что по статье 139 УК РФ подлежит квалификации только физическое проникновение в жилище, совершенное как самим виновным, так и посредством использования им различных технических средств и приспособлений, нефизическое проникновение в жилище квалифицируется по иным составам преступлений российского уголовного закона.

Ключевые слова: уголовная ответственность, квалификация, конституционные права, неприкосновенность жилища, проникновение в жилище, Пленум Верховного Суда Российской Федерации

Для цитирования: Курсаев А. В. Незаконное проникновение в жилище с применением технических или иных средств (статья 139 УК РФ) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 122–128.

Original article

ILLEGAL ENTRY INTO A DWELLING WITH THE USE OF TECHNICAL OR OTHER MEANS (ARTICLE 139 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Aleksander V. Kursaev

Legal Department of the Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kursaev@list.ru

Abstract. The author considers the issues of qualification of illegal entry into a dwelling with the use of technical or other means, cites the forms proposed by the legal doctrine for the use of technical means when entering a dwelling. The article analyzes the novels of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which allowed such a possibility; possible cases of non-physical entry into a dwelling using technical means that can be qualified under Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation; problems of delimitation of the acts provided for by Articles 137 and 139 of the Criminal Code of the Russian Federation, among themselves, as well as with other elements of crimes (for example, in the field of computer information). The author comes to the conclusion that, under Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation, only physical penetration into a dwelling, committed both by the perpetrator himself and through the use of various technical means and devices, is subject to the qualification, non-physical penetration into a dwelling is qualified under other elements of crimes of the Russian criminal law.

Keywords: criminal liability, qualification, constitutional rights, inviolability of the home, penetration into the dwelling, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Kursaev A. V. Illegal entry into a dwelling with the use of technical or other means (article

© Курсаев А. В., 2022

139 of the criminal code of the Russian Federation) // *Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia*. 2022. No. 4 (98). P. 122–128.

Неприкосновенность жилища является конституционной свободой, закрепленной в статье 40 Конституции Российской Федерации, и представляет собой важный элемент соблюдения права гражданина на частную жизнь. При нарушении неприкосновенности жилища у виновного появляется возможность для сбора информации в отношении частного лица, так как нарушается личное пространство потерпевшего, возможность уединения.

Посягательство на данную свободу может влечь ответственность по российскому законодательству. Такая провокационно-подстрекательская деятельность может иметь место как среди лиц, явно преследующих противозаконные цели, так и среди сотрудников правоохранительных органов, исходя из ложно понятого ими чувства долга [1].

В частности, статьей 139 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность за незаконное проникновение в жилище. В доктрине данное преступление рассматривается в качестве деяния, посягающего на личные права потерпевшего [2, с. 22]. Профессор Т. Н. Нуркаева, комментируя объективную сторону данного преступления, отмечает, что незаконное проникновение в жилище предполагает вторжение в него любым способом (с преодолением препятствий либо без него) против или помимо воли проживающего там лица и при отсутствии на то правовых оснований [3, с. 202].

Традиционно такое проникновение ассоциировалось с физическим вторжением в жилище вне зависимости от конкретного способа такого проникновения (открытого, тайного, с применением насилия или угрозы его применения, посредством обмана или злоупотребления доверием). Однако современный научно-технический прогресс поставил перед научным сообществом вопрос о возможности проникновения в жилище нетрадиционными способами. В частности, развитие аудио- и видеоаппаратуры,

иных специальных технических средств или компьютерных программ позволяет наблюдать за происходящим в жилище без непосредственного проникновения в него. При современном уровне развития техники наблюдение за тем, что происходит в жилище гражданина, вплоть до его интимной жизни, возможно и без проникновения в помещение. Фактически такое наблюдение равнозначно проникновению в жилище, что является незаконным вторжением в частную жизнь и одновременно – нарушением права на неприкосновенность жилища.

Правоприменительная практика в отдельных случаях также расширяла границы, пределы понимания проникновения в жилище. Так, Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении жалобы гражданки И. Г. Черновой о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» отметил, что даже такое оперативно-розыскное мероприятие, как наблюдение за жилищем не может осуществляться без судебного решения, так как в противном случае происходило бы нарушение неприкосновенности жилища [4].

По другому делу, связанному с хищением товарно-материальных ценностей, имело место получение оперативной информации о том, что на даче одного из обвиняемых на его личном компьютере находится представляющая интерес информация об истинном движении товарно-материальных ценностей. С целью получения доказательств по делу следователь пригласил специалиста по компьютерной технике, который в присутствии двух понятых произвел посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет копирование содержащейся на компьютере информации. Результаты данного следственного действия были закреплены протоколом осмотра. Однако с произошедшим не согласился суд, признавший полученное при таких обстоятельствах до-

казательство недопустимым по мотиву нарушения неприкосновенности жилища [5].

В связи с этим в юридической литературе был поставлен вопрос о возможности квалификации нефизического проникновения в жилище по статье 139 УК РФ. Конкретные формы такого нефизического проникновения в доктрине определялись по-разному.

Во-первых, к проникновению предлагалось относить размещение в жилище без ведома проживающих в нем лиц специальных технических средств для аудиовизуального наблюдения. В частности, А. Н. Красиков [6, с. 165], А. В. Серебренникова [7, с. 77] и В. А. Новиков [8, с. 21] полагают, что к проникновению в жилище следует относить также установку в жилище современных технических средств для сбора информации (например, путем использования для этого вентиляционных шахт).

Согласно второму подходу проникновение в жилище следует трактовать не только как физическое вторжение в него с установлением в жилище специальных технических средств для наблюдения, но и как наблюдение за происходящими процессами в жилище с помощью установленной за его пределами аудио-, видеоаппаратуры. Такое квазипроникновение фактически представляет собой форму наблюдения («подсматривания») за происходящими в жилище процессами [9, с. 18; 10, с. 17]. А. Е. Четчин прямо пишет о том, что любое наблюдение за человеком в его жилище (визуальное, слуховое, с применением технических средств) следует расценивать как проникновение в него [11, с. 106–108].

Данный вопрос актуализировал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который разъяснил, что по смыслу статьи 139 УК РФ незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях нарушения неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения) [12]. Фактически в данном разъяснении Верхов-

ный Суд Российской Федерации при изложении наглядного примера поддержал ранее процитированную позицию, высказанную А. Н. Красиковым и А. В. Серебренниковой.

В юридической литературе отмечается удачный характер данного разъяснения [13, с. 35]. В целом с таким подходом можно согласиться. В то же время при оценке данного разъяснения следует принимать во внимание следующее.

К сожалению, Верховный Суд Российской Федерации не ответил на вопрос о том, что следует понимать под техническими средствами, используемыми для проникновения в жилище. От ответа на данный вопрос напрямую зависят и правила квалификации деяния, связанного с проникновением в жилище с использованием технических средств в целях собирания информации о частной жизни лица. Возможная проблема здесь может состоять в том, что, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [12], собирание сведений о частной жизни лица (статья 137 УК РФ) также может осуществляться посредством фиксирования информации аудио-, видео-, фотосредствами. При этом, несмотря на то, что как нарушение неприкосновенности жилища, так и нарушение неприкосновенности частной жизни являются преступлениями небольшой тяжести, санкция статьи 137 УК РФ более строга и предусматривает наказание в виде лишения свободы.

Соответственно, в том случае, если под техническим средством понимать компьютер с установленной на нем шпионской программой, и виновное лицо подключается к установленному в квартире другому компьютеру в целях сбора информации о частной жизни проживающих в ней лиц (посредством наблюдения с установленной в компьютере

видеокамерой), деяние с учетом названного разъяснения Верховного Суда Российской Федерации формально подпадает под оба состава преступления – как предусмотренного статьей 137, так и статьей 139 УК РФ.

Между тем Европейский Суд по правам человека исходит из того, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (о недопустимости привлекаться к повторному наказанию) должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе «преступление», если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются одними и теми же [14].

Фактически в рассматриваемом случае проникновению в жилое помещение посредством какого-либо специального технического устройства может быть дано такое истолкование, которое позволяет квалифицировать его по двум статьям уголовного закона одновременно, что является нарушением принципа *non bis in idem* («не дважды за одно и то же»). Указанное создает необоснованную уголовно-правовую коллизию.

До издания Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 такой проблемы в целом не существовало, так как в судебной практике осуществление контроля за происходящими в жилом помещении процессами посредством технических средств квалифицировалось только по статье 137 УК РФ без вменения по совокупности состава нарушения неприкосновенности жилища.

В частности, действия гражданина А., который с целью собирания сведений о частной жизни своей бывшей сожительницы, составляющих личную и семейную тайну последней, без ее согласия, незаконно установил по месту ее проживания в заальной комнате квартиры произведенное им специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения акустической информации, а также, используя данное средство, незаконно собирал сведения о частной жизни потерпевшей, были квалифицированы по части 1 статьи 137 и статье 138.1 УК РФ [15].

Согласно проведенному Н. И. Пикуровым исследованию, именно таким образом и квалифицируются в судебной практике действия лиц, использующих специальные устройства для «подглядывания» без оснований на то оснований за потерпевшим, находящимся в жилом доме, квартире или в ином изолированном от посторонних лиц помещении, а также действия лиц, использующих специальные устройства для прослушивания и записи его разговоров [16, с. 190].

В связи с этим, в случае, если имело место наблюдение за происходящим в жилище с помощью специальных технических средств, содеянное должно квалифицироваться только по статье 137 УК РФ, так как данное деяние наиболее полно описывает признаки рассматриваемого преступления. Приведенная же выше практика Конституционного Суда Российской Федерации и иных судебных органов о толковании наблюдения за происходящим в жилище, в том числе с использованием специальных технических средств, как проникновение в жилище, касалась только вопросов правомерности проведения оперативно-розыскных мероприятий, а не уголовно-правовой оценки данных действий.

Квалификация сразу по двум статьям – 137 и 139 УК РФ – возможна только при реальной совокупности данных преступлений, когда виновный проникает в жилище в целях установки специальных технических средств, а затем с их помощью осуществляет собирание сведений о частной жизни потерпевшего. Как верно отмечается в литературе, наблюдение с использованием специальных технических средств будет более плодотворным, если они будут корректно установлены внутри чужого помещения [16, с. 90], что и учитывает распространенность подобных случаев.

По этой причине полагаем, что следует исходить из ограничительного толкования разъяснения, содержащегося в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46. Следует считать, что оно касается только тех случаев, когда виновный использует

какое-либо приспособление для монтажа в квартире или ином жилище специального технического средства, предназначенного для наблюдения за обстановкой в жилище.

В принципе квалификация подобного случая как проникновение в жилище не является чем-то уникальным. Так, высшей судебной инстанцией давалось разъяснение о том, что незаконное проникновение в жилище, помещение или иное хранилище в целях совершения кражи, грабежа или разбоя будет иметь место и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в соответствующее помещение [17]. В этом случае для извлечения имущества из жилища или иного хранилища виновный использует различные приспособления (крюки, петли, зацепы и проч.). Правильность такого разъяснения обосновывается и уголовно-правовой доктриной [18, с. 42]. Поэтому фактически разъяснение об использовании технических средств при проникновении в жилище заимствовано из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о краже, где под ними понимаются только телесные технические приспособления, а не различные компьютерные программы.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что вопрос о проникновении в жилище посредством технических устройств должен разрешаться по аналогии с хищениями, где используется данный признак, и он должен включать в себя только физически осязаемые технические приспособления. Квалификация подобных действий по статье 139 УК РФ позволяет снять проблему и иного рода. Фактически проникновение в жилище для установления в нем технических средств будет являться приготовлением к собиранию сведений о частной жизни лица, самим по себе ненаказуемым, так как деяние, предусмотренное статьей 137 УК РФ,

относится к преступлениям небольшой тяжести, приготовление к которым не наказуемо. Вменение в этом случае статьи 139 УК РФ позволяет обеспечить привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, исходя из фактически содеянного ими.

Кроме того, следует учитывать, что не каждое вторжение в локальную сеть компьютера, расположенного в жилище, представляет собой проникновение в само жилище, поскольку вторжение только в информационную среду компьютера непосредственно не дает доступа к сведениям о том, что в данный момент происходит в жилом помещении. Действия по проникновению в локальную сеть компьютера влекут квалификацию по статье 272 УК РФ, и вменять в этом случае статью 139 УК РФ было бы явно несправедливо.

Зарубежное законодательство также исходит из того, что нарушение неприкосновенности жилища возможно только путем физического проникновения в него (статья 147 Общегражданского уголовного кодекса Норвегии, статья 364 Уголовного кодекса Таиланда, статья 534 Уголовного кодекса Испании, статья 148 Уголовного кодекса Бельгии, статья 245 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики, статья 432-8 Уголовного кодекса Франции, §264 Уголовного кодекса Дании).

В связи с этим уголовно-правовой запрет, сформулированный в статье 139 УК РФ, касается только случаев, связанных с физическим проникновением в жилище. Нефизическое проникновение в него преследует цель сбора информации о частной жизни лица и влечет ответственность по статье 137 УК РФ. Соответственно, при применении разъяснения, данного в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46, необходимо учитывать именно данное толкование этого признака.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борков В. Н. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. № 1. С. 16–21.
2. Клементьева Е. С. Преступления, посягающие на личные права человека // Российский следователь. 2005. № 9. С. 20–23.

3. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. М.: Проспект, 2017. 256 с.
4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 34. Ст. 4368.
5. Чуркин А. В. Следователь проникает в жилище при помощи компьютера // Следователь. 1999. № 1. С. 31–32.
6. Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. 211 с.
7. Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. М.: ЛексЭст, 2005. 303 с.
8. Новиков В. А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18–21.
9. Плошкина Я. М. Уголовная ответственность за незаконное прослушивание телефонных переговоров и аудио-, видеонаблюдение за жилищем по законодательству РФ и ФРГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 23 с.
10. Шелестюков В. Н. Уголовно-правовые средства обеспечения неприкосновенности жилища: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 23 с.
11. Чечетин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности. Барнаул: Изд-во Барнальского юридического института МВД России, 2006. 148 с.
12. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.
13. Кибальник А. Г., Амвросов О. П. Квалификация преступлений против личных прав и свобод человека в новом Постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2019. № 3. С. 32–36.
14. Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации», жалоба № 14939/03: Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2009 г. // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.07.2022).
15. Постановление Лесосибирского городского суда Красноярского края от 9 октября 2017 г. № 1-271/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру»: база судебных и нормативных актов (дата обращения: 04.07.2022).
16. Пикуров Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности. М.: Юрайт, 2021. 207 с.
17. Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Особенности уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан в российском и зарубежном законодательстве. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2021. 195 с.
18. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.
19. Яни П. С. Квалификация хищений с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: позиция судов // Законность. 2016. № 2. С. 38–43.

REFERENCES

1. Borkov V. N. Qualification of provocative and inflammatory actions of law enforcement officers // Criminal law. 2015. No. 1. P. 16–21. (In Russ.)
2. Klementieva E. S. Crimes that infringe on personal human rights // Russian investigator. 2005. No. 9. P. 20–23. (In Russ.)
3. Nurkaeva T. N. Criminal law protection of the individual, her rights and freedoms: questions of theory and practice. M.: Prospekt, 2017. 256 p. (In Russ.)
4. In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law «On Investigative Activities» on the complaint of citizen I. G. Chernova: determination of the Constitutional Court of the Russian

Federation of July 14, 1998 No. 86-O // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 34. Art. 4368. (In Russ.)

5. Churkin A. V. Investigator enters a home with the help of a computer // Investigator. 1999. No. 1. P. 31–32. (In Russ.)

6. Krasikov A. N. Criminal law protection of human rights and freedoms in Russia. Saratov: Polygraphist, 1996. 211 p. (In Russ.)

7. Serebrennikova A. V. Criminal legal provision of constitutional rights and freedoms of man and citizen under the legislation of the Russian Federation and Germany. M.: LeksEst, 2005. 303 p. (In Russ.)

8. Novikov V. A. Inviolability of private life as constitutional law and the object of criminal law protection // Legal world. 2014. No. 7. P. 18–21. (In Russ.)

9. Ploshkina Ya. M. Criminal liability for illegal wiretapping and audio and video surveillance of housing under the laws of the Russian Federation and Germany: author. dis. ... cand. legal sciences. Krasnoyarsk, 2005. 23 p. (In Russ.)

10. Shelestyukov V. N. Criminal-legal means of ensuring the inviolability of the home: author. dis. ... cand. legal sciences. Krasnoyarsk, 2006. 23 p. (In Russ.)

11. Chechetin A. E. Operative-search measures and personality rights. Barnaul: Publishing House of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 148 p. (In Russ.)

12. On some issues of judicial practice in cases of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018. No. 46 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2. (In Russ.)

13. Kibalnik A. G., Amvrosov O. P. Qualification of crimes against personal rights and freedoms of a person in the new Resolution of the Plenum of the Supreme Court // Criminal Law. 2019. No. 3. P. 32–36. (In Russ.)

14. Case «Sergey Zolotukhin v. Russian Federation», application no. 14939/03: Judgment of the European Court of Human Rights of 10 February 2009 // The document was not published. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (date of access: 04.07.2022). (In Russ.)

15. Decree of the Lesosibirsk City Court of the Krasnoyarsk Territory dated October 9, 2017 No. 1-271/2017 // The document was not published. Access from AIPS «SudAkt.ru»: database of judicial and regulatory acts (date of access: 04.07.2022). (In Russ.)

16. Pikurov N. I. Private life and criminal law: the search for a balance of interests of the state and the individual. M.: Yurayt, 2021. 207 p. (In Russ.)

17. Koryakovtsev V. V., Pitulko K. V., Sergeeva A. A. Peculiarities of criminal law protection of constitutional rights and freedoms of citizens in Russian and foreign legislation. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House, 2021. 195 p. (In Russ.)

18. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. No. 2. (In Russ.)

19. Yani P. S. Qualification of theft with illegal entry into a dwelling, premises or other storage: the position of the courts // Legitimacy. 2016. No. 2. P. 38–43. (In Russ.)

Информация об авторе:

Курсаев А. В., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Kursaev A. V., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.982.323(470) (091)

СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Евгений Александрович Моляров¹, Сергей Иванович Давыдов²

¹ Сибирский юридический институт МВД России,
Красноярск, Россия, ORD2020.Cafedra@yandex.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

Аннотация. В статье анализируется исторический процесс становления и формирования научных представлений об отождествлении личности как оперативно-розыскном мероприятии. Авторами выделены и рассмотрены исторические этапы становления и развития научных знаний о данном мероприятии. Критерием периодизации послужила смена научных теорий, в пределах которых исследовались закономерности проведения отождествления личности в процессе раскрытия преступлений. Рассмотрены перспективные направления исследования оперативно-розыскного мероприятия, в качестве которых выделены разработка и обоснование системы теоретических положений относительно отождествления личности по групповой принадлежности, поиск новых способов применения технологий автоматизированной идентификации личности.

Ключевые слова: отождествление личности, криминалистическая идентификация, оперативное распознавание, выявление групповой принадлежности, оперативно-розыскное мероприятие, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Моляров Е. А., Давыдов С. И. Становление и перспективы развития научных представлений об отождествлении личности в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 129–137.

Original article

FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF SCIENTIFIC IDEAS ABOUT THE IDENTIFICATION OF A PERSON IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Evgeniy A. Molyarov¹, Sergey I. Davydov²

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russia, ORD2020.Department@yandex.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

Abstract. The article analyzes the historical process of development and formation of scientific ideas about the identification of a person as an operational-search measure. The authors identified and considered several historical stages in the formation and development of scientific knowledge about this measure. The criterion for periodization was the change of scientific theories, within which the patterns of personality identification in the process of solving crimes were studied. The promising areas of research of operational-search measure, which include the development and justification of a system of theoretical provisions regarding the identification of a person by group affiliation; the search for new ways to use technologies for automated identification of a person.

Keywords: identification of a person, forensic identification, operational recognition, by group affiliation, operational-search measure, operational-search activity

For citation: Molyarov E. A., Davydov S. I. Formation and development prospects of scientific ideas about the identification of a person in operational-search activities // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 129–137.

© Моляров Е. А., Давыдов С. И., 2022

Отождествление личности в оперативно-розыскной деятельности (в научной литературе часто обозначается как непроцессуальное опознание личности или оперативная идентификация) является неотъемлемым элементом выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также выявления и установления лиц, их совершающих. В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) отождествление личности относится к отдельному виду оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ).

С необходимостью проведения этого мероприятия сталкивается практически каждый оперативный сотрудник. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами анкетирования, в соответствии с которыми 96 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений ОВД проводили отождествление личности в процессе выявления и раскрытия преступлений. Вместе с тем не вполне ясным для практиков, да и в оперативно-розыскной теории остается вопрос: что же следует понимать под отождествлением личности в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Закон об ОРД указанное понятие не раскрывает, а в научных публикациях его трактуют по-разному.

Обращение к проблеме понятия отождествления личности обусловлено и тем, что изучение теоретических, правовых и организационно-тактических основ указанного ОРМ сегодня является обязательной составляющей учебной дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел», изучаемой в образовательных учреждениях системы МВД России. Приведенные обстоятельства указывают на имеющуюся сегодня актуальность проблемы понятия и содержания ОРМ «отождествление личности».

В процессе исследования отождествления личности в оперативно-розыскной деятельности нами применялся исторический метод научного познания и обобщения опыта предшественников, поскольку преимуще-

ством такого подхода является возможность выявить закономерности становления и развития исследуемого предмета, его общие и существенные признаки, тенденции и перспективы развития.

Проведенный нами исторический анализ позволил выделить несколько основных этапов становления и развития научных знаний о рассматриваемом ОРМ. Основанием периодизации (выделения исторических этапов) послужила смена научных теорий, в пределах которых исследовались закономерности проведения отождествления личности в ОРД.

Первый этап – с конца XIX в. до 1940 г. Этот период начинается с момента возникновения криминалистики – первой науки о расследовании преступлений, и становления ее теории. На особую роль криминалистики в начальной стадии формирования и развития научных представлений об отождествлении личности в ОРД указывает тот факт, что в ее недрах развивалась теория ОРД [1]. Зарождение в конце XIX в. криминалистики является отправной точкой научной деятельности по накоплению, обобщению и систематизации имеющихся обыденно-практических знаний о методах и средствах отождествления личности как элемента раскрытия преступлений, с последующим формированием на их основе соответствующих научных знаний.

Мнение о том, что в рассматриваемом историческом периоде уже имелась практика проведения мероприятий, заключающихся в опознании преступников и являвшихся по своей сути «аналогом» отождествления личности в современном его понимании, не вызывает сомнений. Это подтверждается рядом научных исследований и имеющихся исторических документов. Например, известные ученые-криминалисты Е. П. Ищенко, А. А. Топорков, Т. С. Волчецкая обнаружили упоминания об отождествлении преступников в таких книгах, как *Ветхий и Новый Заветы*, *Коран*, а также в памятниках права Древнего Рима, Китая и других стран [2, с. 21; 3, с. 28]. Положения о проведении опознания имеются и в юридических до-

кументах эпохи существования Русского царства, например в Соборном уложении 1649 г., в главе XXI о разбойных и о татинных делах (ст. 35) [4; с. 270–271]. Еще до XIX в. общество располагало различными способами опознания личности. Согласно исследованиям, проведенным О. Гуревой, И. Г. Сидоркиной, Р. В. Канаевым, О. Ю. Меркушевым, помимо «традиционного» опознания человека по мысленному образу его внешности, в ранние исторические периоды опознать личность могли и по оставленным следам пальцев рук [5, с. 35].

Следует отметить, что до возникновения криминалистики, то есть до конца XIX в., знания о тактических и организационных основах отождествления личности в ходе раскрытия преступлений носили обыденно-практический характер и предметом научного познания не являлись.

Важно обратить внимание на то, что на этом первом этапе становления и развития научных представлений об отождествлении личности (как будущего ОРМ) в криминалистике начала активно формироваться понятийно-терминологическая система, отражающая новые реальности. В обращение был введен термин «идентификация», который в переводе с позднелатинского («*identificatio*») означает «отождествляю» [1, с. 68].

Кроме того, в рассматриваемом историческом периоде началась разработка первых научно обоснованных методов и средств отождествления личности в ходе раскрытия преступлений. Здесь нельзя обойти стороной имеющие огромное значение для криминалистики достижения А. Бертильона, которым были разработаны методы, направленные на поиск и опознание преступников, а именно: антропометрический метод криминалистической регистрации (метод описания признаков внешности человека – словесный портрет), метод опознавательной (сигналетической) фотосъемки, приметоописательный метод графической экспертизы. Эти методы были описаны А. Бертильоном в научных работах «Судебная антропометрия в Париже в 1889», «Антропометрическое отождест-

вление» (1893 г.) [6, с. 24]. Разработанная и внедренная А. Бертильоном в практику антропометрическая система регистрации преступников служила обеспечительной мерой для опознания лиц, совершивших преступления. Эта система позволяла за относительно короткий промежуток времени по признакам внешности установить данные о лице, ранее поставленном на соответствующий учет правоохранительными органами. Высокая эффективность использования разработанных методов подтверждается статистическими данными, согласно которым с 1890 г. по 1897 г. по системе, разработанной А. Бертильоном, в России были измерены 23 тысячи мужчин и 4 тысячи женщин, среди которых были обнаружены 1700 рецидивистов и 180 рецидивисток [7]. Некоторые рекомендации А. Бертильона применяются в неизменном виде и по настоящее время, например фотографирование преступников в анфас и профиль.

Здесь же следует упомянуть и труды российского криминалиста, видного деятеля уголовного сыска Российской империи В. И. Лебедева. Им было опубликовано одно из первых отечественных книжных изданий, освещающих методы раскрытия преступлений, – «Искусство раскрытия преступлений. Выпуск 1. Дактилоскопия (пальцепечатание)». В представленном издании большое внимание было уделено практическому применению «пальцепечатания» при отождествлении личности преступника [8].

Второй этап становления научного понятия отождествления личности и его содержания мы определяем так – с 1940 г. по 1950-е гг. В данном историческом периоде ключевым событием является публикация в 1940 г. научной статьи «Принципы криминалистической идентификации», заложившей основу частной криминалистической теории идентификации [9]. Автором представленной статьи был один из последователей А. Бертильона – С. М. Потапов. Существенный вклад в дальнейшее развитие отечественной теории идентификации в этом же историческом периоде внесли Б. И. Шевченко, В. Я. Колдин, М. Я. Сегай, Н. А. Сели-

ванов и другие криминалисты. Рассматриваемый исторический этап характеризуется развитием научных положений об отождествлении личности в процессе раскрытия и расследования преступлений в рамках активно формирующейся частной криминалистической теории идентификации.

Как отмечалось в научных публикациях, криминалистическая идентификация рассматривалась в нескольких аспектах. Во-первых, как метод, под которым понималась совокупность приемов и операций, необходимых для установления тождества или его отсутствия [10]. Идентификацию как метод познания, применяемый в доказывании, рассматривали С. М. Потапов, В. Я. Колдин, М. Я. Сегай, Н. А. Селиванов и другие криминалисты. Также идентификация рассматривалась как процесс, а именно как процесс исследования, в результате которого может быть сделан вывод о наличии либо отсутствии тождества [9].

В рассматриваемом периоде криминалистами были сформулированы научные положения, отражающие закономерности криминалистической идентификации, которые характерны и для отождествления личности как ОРМ в современном его понимании. В частности:

– криминалистическая идентификация заключается в установлении конкретного человека или предмета, которые связаны с событием расследуемого преступления;

– в основе криминалистической идентификации лежит общий познавательный метод сравнения, заключающийся в сопоставлении различных свойств объекта и его отображения или между отображениями объекта, данный метод обеспечивает непосредственно стадию отождествления и в целом активизирует процесс познания [9];

– методологическую основу идентификации составляет предположение об идентичности и неповторимости объектов материального мира, объект отличен от всех других объектов и может быть тождественен только самому себе;

– в процессе идентификации участвуют два объекта: идентифицируемые (отождест-

вляемые) и идентифицирующие (отождествляющие) [9].

Дополнительно отметим и о выделении в криминалистике особого вида отождествляемого объекта – «искомого объекта», который фактически имеет связь с событием преступления до начала идентификации.

В современной литературе мы нашли упоминания о том, что Н. В. Терзиев, Б. М. Комаринец и некоторые другие ученые допускали осуществление криминалистической идентификации для установления не только индивидуальной принадлежности, но и групповой [10]. Под групповой идентификацией понимается установление принадлежности объекта к определенному классу, роду, виду, то есть к некоторому множеству однообразных объектов [11, с. 103]. Обратим внимание, что на современном этапе данный вид отождествления личности в ОРД учеными практически не рассматривается.

В качестве промежуточного вывода отметим, что в отличие от первого этапа, в котором научные знания об опознании лиц характеризуются накоплением преимущественно эмпирических знаний, на втором этапе происходила активная разработка теоретических положений, которые способствовали появлению отождествления личности как ОРМ в современном его понимании.

Третий этап формирования представлений об отождествлении личности – с 1950-х гг. по 1992 г. Данный период характеризуется развитием научных положений об отождествлении личности как части формирующейся оперативно-розыскной теории, в рамках которой зарождалась частная теория методов ОРД. Начавшееся в 1950-х гг. активное выделение существенных средств и методов ОРД в качестве самостоятельного предмета исследования было обусловлено появляющейся перспективой формирования оперативно-розыскной теории как самостоятельной отрасли научного знания. Во-первых, произошла легализация ОРД – был принят Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», в котором впервые

было предусмотрено осуществление «оперативно-розыскных мер» органами дознания (ст. 29). Во-вторых, в 1950–1960-х годах произошел генезис целостной теории ОРД в криминалистике [12, с. 11–14]. В 1970-х годах теория ОРД под влиянием процесса дифференциации и интеграции наук отделилась от криминалистики, образовав самостоятельную науку, имеющую собственные предмет и методологию.

В рамках вновь образованной науки были сформированы частные теории, отображающие различные стороны ее предмета. Одной из таких теорий являлась теория методов ОРД, под которой нами понимается система научных положений и рекомендаций о способах и приемах получения оперативно значимой информации. Существенный вклад в ее исследование внесли А. И. Алексеев, В. Г. Бобров, А. Ф. Волынский, Д. В. Гребельский, И. А. Климов, А. Г. Лекарь, Г. К. Синилов. Как мы полагаем, именно в рамках рассматриваемой теории осуществлялось накопление знаний о способах и приемах отождествления личности в ОРД. Однако отметим, что в ходе изучения научной литературы рассматриваемого периода нами не было обнаружено специальных исследований, посвященных отождествлению личности как оперативно-розыскному мероприятию.

Анализируя положения теории методов ОРД, сформировавшейся в тот период, мы пришли к выводу о том, что в основе ОРМ «отождествление личности» лежит апробированный практикой оперативно-розыскной метод «оперативное распознавание». Таким образом, фактически разработанные оперативно-розыскной наукой способы и приемы отождествления личности относились к частному случаю оперативно-розыскного метода «оперативное распознавание». Под этим методом понималось установление групповой принадлежности или тождества по заранее известным свойствам и признакам, осуществляемое с целью выявления лиц, предметов и явлений, представляющих оперативный интерес [5, с. 77]. В развитие научных представлений о методе «опера-

тивное распознавание» внесли вклад А. Ф. Волынский, Д. В. Гребельский, А. И. Алексеев, Г. К. Синилов и другие ученые.

Следует выделить некоторые аспекты отождествления личности, которые не были рассмотрены в криминалистике, а получили развитие в рамках оперативно-розыскных исследований:

1. Негласная форма отождествления личности в ОРД (получила развитие в связи с особенностью предмета науки об ОРД). Так, одно из основных различий криминалистики и оперативно-розыскной науки состоит в их предмете. В отличие от криминалистики наука об ОРД изучает особенности негласной, непроцессуальной деятельности оперативных подразделений в порядке общей разведывательной, поисковой работы, направленной на выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес.

2. Перспективная направленность отождествления личности в ОРД. Здесь отождествление личности было рассмотрено с учетом того, что оно может быть направлено на выявление преступлений, о которых правоохранительным органам еще не известно. Напомним, что методы и приемы криминалистической тактики основную направленность имеют на получение и закрепление доказательств по факту уже совершенного преступления, в то время как ОРД имеет дополнительную направленность на выявление и обнаружение таких фактов.

Таким образом, в рассматриваемом периоде накопление знаний об отождествлении личности в ОРД осуществлялось в процессе исследования метода оперативного распознавания, который, в свою очередь, является трансформированным под нужды ОРД методом криминалистической идентификации. Большое внимание в этом периоде было уделено исследованию и научному обоснованию негласных методов отождествления личности преступников и других лиц, представляющих оперативный интерес.

Четвертый этап формирования понятия отождествление личности – с 1992 г. по на-

стоящее время. Ключевым событием здесь является принятие 13 марта 1992 г. Закона Российской Федерации № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», который впервые закрепил «отождествление личности» в качестве самостоятельного ОРМ (ст. 6). Действующий в настоящее время Закон об ОРД также содержит в перечне оперативно-розыскных мероприятий «отождествление личности» (ст. 6). Вместе с принятием указанных законов стала активно формироваться частная теория ОРМ как совокупность обобщенных положений об ОРМ, в том числе их понятия, структура, содержание, основания и условия проведения. Понятия отдельных ОРМ, включая «отождествление личности», стали раскрываться в многочисленных учебных пособиях, комментариях к Закону об ОРД, научных статьях. Таким образом, этот период характеризуется появлением многочисленных определений понятия «отождествление личности» как ОРМ.

Существенный вклад в развитие теории ОРМ, формирование понятий отдельных ОРМ после их законодательного закрепления внесли А. И. Алексеев, В. М. Ахмажиров, В. Г. Бобров, О. А. Вагин, К. К. Горяинов, Д. В. Гребельский, Е. С. Дубонос, А. П. Исиченко, С. И. Захарцев, И. А. Климов, С. С. Овчинский, Г. К. Синилов, А. Е. Чечётин, А. Ю. Шумилов и многие другие. Центральной категорией теории ОРМ является «оперативно-розыскное мероприятие», под которым понимается «законодательно закрепленная и проводимая уполномоченными субъектами совокупность действий, которая основана на применении гласных и негласных средств, направленных на выявление фактических данных, необходимых для решения конкретных тактических задач» [13, с. 220].

Под ОРМ «отождествление личности» в настоящее время понимается установление лиц, причастных к преступной деятельности либо находящихся в розыске, путем не процессуального опознавания личности по ее внешности, голосу, запаху и другим идентифицирующим признакам [14, с. 101].

Важно отметить, что в рассматриваемый период отождествление личности рассматривается не как частный случай использования оперативно-розыскного метода оперативного распознавания, в сравнении с предыдущим этапом, а как самостоятельное мероприятие, направленное на добывание (получение) оперативно значимой информации. Если же говорить о соотношении оперативно-розыскного метода и ОРМ, то эти понятия не являются тождественными. Так, под методом обычно понимается путь, способ или прием теоретического исследования или практического осуществления чего-либо, под мероприятием – действие для осуществления какой-либо цели. Исходя из этого, мы полагаем, что основным отличием оперативно-розыскного метода от ОРМ является относимость первого исключительно к идеальному (воображаемому) объекту. Метод ОРД представляет собой некоторый вариант решений (мысленный образ), который не существует в материальном мире (объективной реальности). ОРМ, напротив, непосредственно относится к материальному миру (объективной реальности) и физически осязаемо.

Обратим внимание и на справедливое высказывание А. Е. Чечётина о том, что метод оперативного распознавания является составной частью ОРМ «отождествление личности» [15, с. 35], так как используется при каждом его проведении. Добавим, что в ходе проведения отождествления личности могут использоваться и другие оперативно-розыскные методы познания, например, метод разведывательного опроса, который заключается в побуждении к воспроизведению хранящихся в памяти сведений и передаче их опрашиваемому. Разведывательный опрос как метод используется при отождествлении личности для получения речевой информации от опознающего лица, по каким признакам он (опознающий) будет опознавать или опознал искомый объект. В качестве используемых при проведении отождествления личности могут выступать также «одорологический метод», методы «наблюдение», «аналитический поиск» [16] и другие.

Применение относительно нового метода аналитического поиска при проведении отождествления личности, как мы полагаем, несет в себе определенный потенциал и устанавливает дальнейшее развитие возможностей его проведения. Аналитический поиск как метод предполагает использование современных информационных технологий, включая биометрические системы, которые представляют собой автоматизированные методики идентификации человека на основе ряда его физиологических характеристик (черты лица, отпечатки пальцев и др.) [17]. Применение современных цифровых технологий в ходе мероприятия позволяет автоматизировать процесс добывания оперативно значимой информации. На сегодняшний день наблюдается увеличение доли ОРМ «отождествление личности», проводимых с использованием биометрических технологий в автоматизированном режиме, по отношению к «традиционному» непроцессуальному опознанию, и, соответственно, исследование особенностей отождествления личности с использованием современных информационных технологий приобретает особую актуальность.

Еще одним перспективным направлением, как мы полагаем, является изучение возможностей отождествления личности в ОРД, направленного на установление групповой принадлежности объектов, представляющих оперативный интерес. О таком подвиде оперативной идентификации мы упоминали выше, при рассмотрении второго этапа становления и развития научных представлений об отождествлении личности в ОРД. Несмотря на крайне скудную теоретическую базу о рассматриваемом подвиде ОРМ «отождествление личности», в ходе проведенного нами анкетирования больше половины сотрудников оперативных подразделений (52 %) категорично отметили, что ОРМ «отождествление личности» может включать в себя установление групповой принадлежности опознаваемого лица. Например, анализ фотоизображения, на котором отражены признаки внешности человека оперативной заинтересованности, может позволить с некоторой

долей вероятности установить его возраст, национальную принадлежность, профессию, наличие заболеваний, психических отклонений, принадлежность к криминальным структурам и другие личностные характеристики. Такая информация может использоваться в построении оперативно-розыскных версий, а значит способствовать сужению круга поиска преступников. Более того, диагностическую функцию определения групповой принадлежности при отождествлении личности в ОРД потенциально могут выполнять в автоматизированном режиме информационно-поисковые системы, создаваемые в идентификационных целях.

Подводя итоги вышеизложенного, отметим следующее.

Становление и развитие научных представлений об отождествлении личности в ОРД имеет следующие исторические этапы:

- конец XIX в. – 1940 г. – накопление, обобщение, систематизация знаний о методах и средствах отождествления личности при расследовании и раскрытии преступлений, а также разработка первых научно обоснованных методов отождествления лиц в рамках криминалистики;

- 1940–1950-е гг. – развитие научных положений об отождествлении личности как будущего ОРМ в рамках частной криминалистической теории идентификации;

- 1950-е гг. – 1992 г. – развитие научных положений об отождествлении личности в рамках частной теории методов ОРД, входящей в структуру оперативно-розыскной теории;

- 1992 г. – настоящее время – формирование и развитие научных основ отождествления личности в ОРД в рамках теории ОРМ, являющейся составной частью оперативно-розыскной теории.

К числу перспективных задач последующих научных исследований относительно отождествления личности в ОРД мы относим следующие:

- поиск новых способов применения технологий автоматизированной идентификации личности, а также разработка алгоритмов внедрения этих технологий в

оперативно-служебную деятельность оперативно-розыскных органов;

– изучение возможностей отождествления личности в ОРД по групповой при-

надлежности, разработка и обоснование системы теоретических положений относительно этого подвида оперативной идентификации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якупов Р. Х. Наука об оперативно-розыскной деятельности в России: этапы и перспективы развития / Р. Х. Якупов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 4. С. 41–45.
2. Ищенко Е. П. Криминалистика: учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков; под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. 748 с.
3. Криминалистика: учебник / Т. С. Волчецкая и др. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. 703 с.
4. Тихомиров М. Н. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для высшей школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М.: Издательство Московского университета, 1961. С. 270–271.
5. Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография / Д. В. Гребельский. М.: Академия МВД СССР, 1977. 170 с.
6. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. М.: Издательство БЕК, 1997. 333 с.
7. Богуславская У. А. Значение системы идентификации преступников по их антропологическим данным (Бертильонажа) в осуществлении полицейской деятельности в Российской Империи / У. А. Богуславская // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции): материалы научной конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 88–90.
8. Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. Выпуск 1. Дактилоскопия (пальцепечатание) / В. И. Лебедев. СПб., 1909. 60 с.
9. Потапов С. М. Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право. 1940. № 1. Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 12. С. 200–211.
10. Бирюкова Е. Ю. Формирование теории криминалистической идентификации / Е. Ю. Бирюкова // Таврический научный обозреватель. 2016. № 10-2 (15). С. 53–57.
11. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова и др.. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НОРМА-М, 2020. 928 с.
12. Дубоносов Е. С. К вопросу о формировании научных школ в теории оперативно-розыскной деятельности / Е. С. Дубоносов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 3-2. С. 11–14.
13. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. И. А. Климова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 431 с.
14. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А. Е. Чечётин. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. 304 с.
15. Чечётин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография / А. Е. Чечётин. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. 180 с.
16. Денисов В. В. Сущность и содержание информационно-аналитического обеспечения полицейской разведки / В. В. Денисов, Е. Н. Яковец // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 84–89.
17. Петров М. Биометрические системы компании урек / М. Петров // Компоненты и Технологии. 2005. № 47. С. 162–167.

REFERENCES

1. Yakupov R. Kh. The science of operational-search activity in Russia: stages and development prospects / R. Kh. Yakupov // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 4. P. 41–45. (In Russ.)

2. Ishchenko E. P. Criminalistics: textbook / E. P. Ishchenko, A. A. Toporkov; ed. E. P. Ishchenko. 2nd ed., rev. and additional M.: Law firm “KONTRAKT”, “INFRA-M”, 2006. 748 p. (In Russ.)
3. Criminalistics: textbook / T. S. Volchetskaya et al. St. Petersburg: Legal Center Press, 2015. 703 p. (In Russ.)
4. Tikhomirov M. N. Cathedral code of 1649: textbook for higher education / M. N. Tikhomirov, P. P. Epifanov. (In Russ.)
5. Grebelsky D. V. Theoretical foundations and organizational and legal problems of the operational-search activity of internal affairs bodies: monograph / D. V. Grebelsky. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977. 170 p. (In Russ.)
6. Belkin R. S. Forensic Encyclopedia / R. S. Belkin. M.: Publishing house BEK, 1997. 333 p. (In Russ.)
7. Boguslavskaya U. A. The value of the system of identification of criminals by their anthropological data (Bertillonage) in the implementation of police activities in the Russian Empire / U. A. Boguslavskaya // State and law: evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police): materials of the scientific conference. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 88–90. (In Russ.)
8. Lebedev V. I. The art of solving crimes. Release 1. Fingerprinting (fingerprinting) / V. I. Lebedev. SPb., 1909. 60 p. (In Russ.)
9. Potapov S. M. Principles of forensic identification // Soviet state and law. 1940. N 1. Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2015. No. 12. P. 200–211. (In Russ.)
10. Biryukova E. Yu. Formation of the theory of forensic identification / E. Yu. Biryukova // Tauride scientific observer. 2016. No. 10-2 (15). P. 53–57. (In Russ.)
11. Criminalistics: textbook / T. V. Averyanova et al. 4th ed., revised. and additional M.: Norma: NORMA-M, 2020. 928 p. (In Russ.)
12. Dubonosov E. S. To the question of the formation of scientific schools in the theory of operational-search activity / E. S. Dubonosov // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2012. No. 3-2. P. 11–14. (In Russ.)
13. Operational-search activity: a textbook for university students studying in the direction of training “Jurisprudence” / ed. I. A. Klimova. 3rd ed., revised. and additional M.: UNITI-DANA, 2017. 431 p. (In Russ.)
14. Scientific and practical commentary on the Federal Law “On operational-search activity” / ed. prof. A. E. Chechetina. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 304 p. (In Russ.)
15. Chechetin A. E. Actual problems of the theory of operational-search measures: monograph / A. E. Chechetin. M.: Shumilova I. I. Publishing House, 2006. 180 p. (In Russ.)
16. Denisov V. V. Essence and content of information and analytical support of police intelligence / V. V. Denisov, E. N. Yakovets // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (41). P. 84–89. (In Russ.)
17. Petrov M. Upek biometric systems / M. Petrov // Components and Technologies. 2005. No. 47. P. 162–167. (In Russ.)

Информация об авторах:

Моляров Е. А., без ученой степени;
Давыдов С. И., доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Molyarov E. A., no academic degree;
Davydov S. I., Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 25.11.2022.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОГО
УКРЫВАТЕЛЬСТВА ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
НЕ ДОСТИГШИХ ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА,
И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ****Татьяна Николаевна Тимина¹, Константин Петрович Семенов²,
Антон Сергеевич Душкин³**^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
¹ timina0505@mail.ru, ² konsta-semenov@yandex.ru, ³ dushkin-ac@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятие заранее не обещанного укрывательства, разграничение заранее не обещанного укрывательства с таким видом соучастия в преступлении, как пособничество. Определены особенности квалификации по элементам состава преступления, предусмотренного ст. 316 «Укрывательство преступлений» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Основной целью исследования стало установление эффективности криминализации заранее не обещанного укрывательства тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Для достижения этой цели проанализированы предпосылки введения уголовной ответственности за укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, статистические данные о количестве осужденных за совершение рассматриваемых деяний в ретроспективе, количество тяжких преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних и основные факторы, обуславливающие преступность в отношении несовершеннолетних.

В результате проведенного анализа авторский коллектив приходит к выводу о безрезультатности криминализации укрывательства тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, при наличии примечания к статье, в соот, ветствии с которым освобождаются от уголовной ответственности лица, за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником.

Ключевые слова: укрывательство, пособничество, заранее не обещанное укрывательство, прикосновенность к преступлению, несовершеннолетний, тяжкое преступление, особо тяжкое преступление

Для цитирования: Тимина Т. Н., Семенов К. П., Душкин А. С. Эффективность криминализации заранее не обещанного укрывательства тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и ее уголовно-правовое значение // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 138–144.

Original article

**THE EFFECTIVENESS OF CRIMINALIZATION OF OBVIOUSLY NOT PROMISED
CONCEALMENT OF SERIOUS CRIMES COMMITTED AGAINST MINORS
UNDER THE AGE OF FOURTEEN, AND ITS CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE****Tatyana N. Timina¹, Konstantin P. Semenov², Anton S. Dushkin³**^{1, 2, 3} Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russia¹ timina0505@mail.ru, ² konsta-semenov@yandex.ru, ³ dushkin-ac@mail.ru

Abstract. The article deals with the concept of obviously not promised concealment of a crime, and the question of the differentiation of not promised concealment of a crime and aiding as a type of crime complicity.

ity. The authors determine the features of qualification of the act of law-breaking in question according to the elements of the corpus delicti provided by Article 316 “Concealment of crimes” of the Criminal Code of the Russian Federation.

The main purpose of the research was establishing the effectiveness of criminalization of obviously not promised concealment of serious crimes committed against minors under the age of fourteen. For this purpose, the authors analysed preconditions for introducing criminal liability for the concealment of serious crimes committed against minors under the age of fourteen, retrospective statistical data on the number of persons convicted for having committed the criminal acts under consideration, the number of serious crimes committed against minors and the main factors leading to crimes against minors.

In the end the authors make a conclusion that the criminalization of the concealment of serious crimes committed against minors under the age of fourteen is futile, if there is a note to the article according to which persons are exempted from criminal liability for the obviously not promised concealment of a crime committed by their spouse or close relative.

Keywords: concealment, aiding, obviously not promised concealment, involvement in a crime, a minor, a serious crime, a particularly serious crime

For citation: Timina T. N., Semenov K. P., Dushkin A. S. The effectiveness of criminalization of obviously not promised concealment of serious crimes committed against minors under the age of fourteen, and its criminal law significance // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 138–144.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за совершение такого преступления, как заранее не обещанное укрывательство преступлений (ст. 316 «Укрывательство преступлений» УК РФ). В соответствии с Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ РФ № 38 от 6 марта 2022 г.) статья претерпела значительные изменения, выраженные в криминализации заранее не обещанного укрывательства тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

По своим внешним признакам заранее не обещанное укрывательство схоже с таким видом соучастия в преступлении, как пособничество. Однако оно отличается от него по ряду признаков, которые не позволяют отнести рассматриваемые действия (в виде заранее не обещанного укрывательства) к пособничеству в совершении преступления.

Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо

устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы [1].

Таким образом, основное различие между пособничеством и укрывательством заключается в том, что при пособничестве лицо заранее, то есть до совершения исполнителем преступления, обещало скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещало приобрести или сбыть такие предметы. В то же время если укрыватель заранее не обещал совершить такие действия, фактически наблюдается отсутствие взаимообусловленности его умысла и умысла исполнителя преступления, а также иных видов соучастников.

Несмотря на это, законодатель пошел по пути привлечения таких лиц к уголовной ответственности, если они совершили заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 316 УК РФ), или заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ) [1].

Такая позиция связана с тем, что лица, узнавшие о совершенном преступлении (тяжком в отношении несовершеннолетнего или особо тяжком), фактически попустительствуют ему, никому о нем не сообщают, укрывая само совершенное деяние и лицо, его совершившее. Благодаря таким действиям фактически затрудняется решение вопросов, связанных со своевременным выявлением и раскрытием указанных категорий преступлений, привлечением к уголовной ответственности лиц, их совершивших, реализацией принципа неотвратимости уголовной ответственности, ростом латентной преступности и терпимого отношения общества к совершенным уголовно-наказуемым деяниям. М. А. Дворжицкая справедливо отмечает, что «по своей сути в теории уголовного права подобные деяния, совершаемые по поводу другого преступления и повышающие вероятность его несвоевременного выявления, пресечения и раскрытия объединяются понятием «прикосновенность к преступлению»» [2, с. 3].

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 316 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия, связанную с выявлением, раскрытием, расследованием и привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие преступления в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Дополнительным объектом выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны прав несовершеннолетних, интересов нормального развития подрастающего поколения. Следует отметить, что несовершеннолетний, которому был причинен вред основным преступлением, не должен признаваться потерпевшим по ч. 1 ст. 316 УК РФ.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 316 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия по изобличению виновных и расследованию дел об особо тяжких преступлениях. Объективная сторона

заключается в заранее не обещанном укрывательстве тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних (ч. 1 ст. 316 УК РФ), и заранее не обещанном укрывательстве особо тяжких преступлений (316 УК РФ ч. 2). Законодатель не раскрывает содержание указанного понятия. Укрывательство представляет собой активные действия, непосредственно направленные на сокрытие преступления, преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления, предметов, добытых преступным путем, а также приобретение или сбыт таких предметов. Заранее не обещанное укрывательство – это такое сокрытие тяжкого преступления, совершенного в отношении несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 316 УК РФ), и особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 316 УК РФ), которое совершается после преступного деяния.

Укрывательство преступника выражается в таких действиях, как: предоставление ему убежища, транспорта, оказание помощи в изменении внешности, предоставление документов, удостоверяющих личность, помощь в перемещении через границу и т. д. Сокрытие средств и орудий преступления имеет место тогда, когда лицо прячет их в недоступном месте либо уничтожает. Сокрытие следов преступления означает, что лицо уничтожает либо видоизменяет предметы, на которых оставлены следы (замена разбитых частей автомобиля, на котором совершен наезд, уничтожение одежды виновного со следами крови от совершенного преступления, протирание предметов с целью уничтожения следов пальцев рук и т. п.) [3, с. 758].

По конструкции объективной стороны состав преступления является формальным (ч. 1, ч. 2 ст. 316 УК РФ), преступление считается оконченным с момента совершения указанного в диспозиции статьи действия, направленного на укрывательство преступления, преступника, орудий и средств совершения преступления, следов преступления, предметов, добытых преступным путем, а также приобретение или сбыт таких предметов.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона представлена умышленной формой вины только в виде прямого умысла.

Основанием внесения изменений в ст. 316 УК РФ (ФЗ № 38 от 6 марта 2022 г.) стал законопроект № 388776-7 [4], зарегистрированный и направленный Председателю Государственной Думы Российской Федерации 14 февраля 2018 г., – итог совместного нормотворчества Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству и Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. Причем целью законодательной инициативы стало совершенствование механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, на что есть прямое указание в документе.

Таким образом, законодатель установил уголовную ответственность, в первую очередь, за укрывательство тяжких насильственных преступлений сексуального характера, предусмотренных главой 18 УК РФ, жертвами которых могут стать несовершеннолетние, не достигшие 14 лет.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что преступление, предусмотренное ст. 316 «Укрывательство» УК РФ, является высоколатентным, что подтверждается многочисленными исследованиями [5; 6].

Негативность этого фактора носит двойственный характер: с одной стороны, он порождает рост латентности преступлений, предусмотренных ст. 316 УК РФ, с другой, – обеспечивает тенденцию увеличения числа тяжких и особо тяжких преступлений «их низкой раскрываемостью, в связи с тем, что к уже совершенным преступлениям прикасаются лица, хотя фактически их не совершавшие, но влияющие своим поведением на раскрываемость, наступление преступных последствий более тяжких, чем те, которые уже наступили» [7, с. 3].

Масштабы латентности укрывательства преступлений установить не просто, здесь мы можем обратиться лишь к показателям официальной статистики [8]. Анализ статистики представлен в таблице 1.

Исходя из полученных данных видно, что на фоне общего снижения всего количества осужденных в России с 2016 по 2021 год наметилась стойкая тенденция снижения числа лиц, осужденных по ст. 316 УК РФ: в 2016 г. было осуждено 247 человек, в 2017 г. – 193 (– 21,86 %)¹; в 2018 г. – 192 (– 0,52 %); в 2019 г. – 147 (– 23,44 %); в 2020 г. – 128 (– 12,93 %); в 2021 г. – 117 (– 8,6 %). Таким образом, за шесть исследуемых лет количество осужденных по рассматриваемой статье снизилось в среднем на 13,47 %.

Кроме того, доля осужденных лиц за укрывательство преступлений (в общем

Таблица 1 – Удельный вес числа лиц, осужденных по ст. 316 УК РФ, в общей массе лиц, осужденных за совершение преступления (2016–2021 гг.)

Отчетный период (январь-декабрь)	Общее количество осужденных за совершение преступлений в России за год	Количество осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ	Удельный вес числа лиц, осужденных по ст. 316 УК РФ (%)
2016 г.	741329	247	0,033
2017 г.	697054	193	0,027
2018 г.	658291	192	0,029
2019 г.	598214	147	0,025
2020 г.	530998	128	0,024
2021 г.	565317	117	0,02

¹ % по отношению к аналогичному предшествующему периоду.

числе осужденных по всем видам преступлений) ничтожно мала, уменьшается год от года: 0,33 % в 2016 г., 0,027 % в 2017 г., 0,029 % в 2018 г., 0,025 % в 2019 г., 0,024 % в 2020 г., 0,02 % в 2021 г.

Однако, что касается тяжких преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, то «согласно статистическим данным ежегодно в отношении детей совершается более 90 тысяч преступлений, каждое пятое из которых относится к категориям тяжких и особо тяжких (то есть около 20 тысяч), и расследуется следователями Следственного комитета Российской Федерации. За девять месяцев 2020 г. в следственных органах возбуждено 16 494 уголовных дела о преступных посягательствах в отношении детей (что на 2 % больше, чем в аналогичном периоде 2019 г.), окончено 10770 уголовных дел, признаны потерпевшими 11640 несовершеннолетних» [9]. На рост преступности в отношении несовершеннолетних в последние годы указывает и заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации Е. Е. Леошенко: «За последние пять лет отмечается рост зарегистрированных преступлений в отношении несовершеннолетних – если в 2015 году было возбуждено 18370 уголовных дел, то в 2020 году – уже 22004» [10], приводя также конкретные факты совершения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних в кругу семьи с молчаливого согласия близких родственников.

Данные официальной статистики о количестве уголовных дел и о лицах, привлеченных к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 316 УК РФ, нам пока не доступны (ввиду включения нормы в УК РФ в марте 2022 г.), но мы можем предположить, что и они будут не многочисленны, ввиду «удвоенной» высокой латентности как укрывательства преступлений, так и преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, особенно насильственных преступлений сексуального характера.

Еще один аргумент, вносящий сомнение в эффективность криминализации заранее

не обещанного укрывательства тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (в ред. ФЗ РФ № 38 от 6 марта 2022 г.), кроется в факторах, влияющих на совершение тяжких насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних. К основным причинам, их обуславливающим, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин относит «конфликтные отношения между членами семьи, асоциальное поведение и нравственную деградацию родителей, жестокое обращение с детьми, неблагоприятные условия жизни, отсутствие контроля со стороны уполномоченных органов и ряд других» [9]. Иными словами, тяжкие и особо тяжкие преступления в отношении несовершеннолетних зачастую совершаются родственниками, в том числе близкими, или они осведомлены о факте совершения таких преступлений. Но в силу наличия примечания к ст. 316 УК РФ таких лиц нельзя привлечь за укрывательство преступлений, так как «лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником» [1].

В примечании к ст. 316 УК РФ не раскрывается понятие близких родственников. Согласно ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) под близкими родственниками понимаются родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка, внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры [11].

Понятие «супруга» российский законодатель не раскрывает, однако на основании ст. 1 СК РФ [11] его можно сформулировать следующим образом: «супруг (супруга) – мужчина (женщина), состоящий (состоящая) в добровольном брачном союзе, заключенном только в органах записи актов гражданского состояния».

В заключение следует отметить, что проведенное нами уголовно-правовое и криминологическое исследование нормы заранее не обещанного укрывательства тяжких пре-

ступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, позволяет сделать вывод о неэффективности криминализации этого деяния в предложенном законодателем виде. Это подтверждается отсутствием законодательного определения заранее не обещанного укрывательства, что вызывает сложности при квалификации деяния; высоким уровнем латентности как самого заранее не обещанного укрывательства, так и высокой латентностью тяжких преступлений, совершаемых в

отношении несовершеннолетних, прикосновенность к которым инкриминируется злоумышленникам. Ситуация осложняется наличием примечания, согласно которому ч. 1 ст. 316 УК РФ нельзя применить к супругам или близким родственникам лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, и, соответственно, за совершение данного деяния они не могут быть привлечены к уголовной ответственности, хотя данная категория зачастую осведомлена о преступном посягательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.10.2022).
2. Дворжицкая М. А. Ответственность за прикосновенность к преступлению в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. 199 с.
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. С. А. Денисова, Л. В. Готчиной, А.Г. Хлебушкина. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, ООО «Р-КОПИ», 2020. 832 с.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних): Законопроект № 388776-7. Система обеспечения законодательной деятельности // Официальный сайт Государственной думы Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7?sortEventsByDate=datend_down&sortEventsByNum=num_up#bh_hron (дата обращения: 20.07.2022).
5. Юсупов И. Ю. Латентность заранее не обещанного укрывательства преступлений // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 108–109.
6. Джахбаров Ю. А. Методы выявления и противодействия латентной преступности как основание для принятия управленческих решений // Вопросы управления. 2015. № 2 (33). С. 187–193.
7. Макаров А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 176 с.
8. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).
9. Выступление Председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина на оперативном совещании по вопросам расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних от 8 декабря 2020 г. // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1521078/> (дата обращения: 11.09.2022).
10. Козлова Н. СК: За последние пять лет отмечается рост преступлений против детей // Российская газета. Федеральный выпуск: № 118 (8469). URL: <https://rg.ru/2021/05/31/sk-za-poslednie-piat-let-otmechaetsia-rost-prestuplenij-protiv-detej.html> (дата обращения: 01.09.2022).
11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 4 августа 2022 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (дата обращения: 10.09.2022).

REFERENCES

1. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on September 24, 2022). // Access from the reference legal system «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 01.10.2022). (In Russ.)

2. Dvorzhitskaya M. A. Responsibility for touching a crime in criminal law: dis. ... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2019. 199 p. (In Russ.)
3. Criminal law. Special part: textbook / under the general ed. S. A. Denisova, L. V. Gotchina, A. G. Khlebushkina. SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, LLC «R-KOPI», 2020. 832 p. (In Russ.)
4. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 280 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of improving the mechanisms for combating crimes against the sexual integrity of minors): Bill No. 388776-7. The system of ensuring legislative activity // Official website of the State Duma of the Russian Federation. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7?sortEventsByDate=datend_down&sortEventsByNum=num_up#bh_hron (date of access: 20.07.2022). (In Russ.)
5. Yusupov I. Yu. The latency of the previously promised concealment of crimes // Business in law. 2008. No. 3. P. 108–109. (In Russ.)
6. Jakhbarov Yu. A. Methods of detecting and countering latent crime as a basis for managerial decision-making // Management issues. 2015. No. 2 (33). P. 187–193. (In Russ.)
7. Makarov A. D. Criminal liability for touching a crime: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2004. 176 p. (In Russ.)
8. Data of judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation / URL: <http://www.cdcp.ru/> (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
9. Speech of the Chairman of the Investigative Committee of Russia A.I. Bastrykin at an operational meeting on the investigation of crimes committed against minors from December 8, 2020 // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1521078/> (date of access: 11.09.2022). (In Russ.)
10. Kozlova N. SK: Over the past five years, there has been an increase in crimes against children // Rossiyskaya Gazeta. Federal Issue: No. 118 (8469). URL: <https://rg.ru/2021/05/31/sk-za-poslednie-piat-let-otmechaetsia-rost-prestuplenij-protiv-detej.html> (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
11. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (ed. of August 4, 2022) // Access from the reference legal system «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (date of access: 10.09.2022). (In Russ.)

Информация об авторах:

Тими́на Т. Н., кандидат юридических наук, доцент;
Семенов К. П., кандидат юридических наук;
Душкин А. С., кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors:

Timina T. N., Candidate of Law, Associate Professor;
Semenov K. P., Candidate of Law;
Dushkin A. S., Candidate of Psychology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.63:070.13(470)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УМЫШЛЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ

Виолета Мухамединовна Харзинова¹, Геннадий Геннадиевич Небрятенко²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
Нальчик, Россия, harzinova@yandex.ru

² Ростовский юридический институт МВД России,
Ростов-на-Дону, Россия, gennady@nebratenko.ru

Аннотация. В статье раскрываются некоторые особенности умышленного распространения заведомо ложной информации в средствах массовой информации и телекоммуникационных сетях. Авторами указывается, при совпадении каких условий информация может быть признана клеветой, раскрываются обязательные признаки клеветы. Кроме того, отмечается, что следует относить к средствам массовой информации и к сетевым изданиям, а также когда ложная информация считается распространенной.

Ключевые слова: декриминализация, правонарушение, ложная информация, квалифицирующие признаки преступления, мошенничество, клевета, добровольное заблуждение, сетевое издание, публикация, публичность, условия признания клеветой

Для цитирования: Харзинова В. М., Небрятенко Г. Г. Некоторые аспекты умышленного распространения заведомо ложной информации в средствах массовой информации и телекоммуникационных сетях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 145–149.

Original Article

SOME ASPECTS OF DELIBERATE DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION IN THE MASS MEDIA AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Violeta M. Kharzinova¹, Gennady G. Nebratenko²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov,
Nalchik, Russia, harzinova@yandex.ru

² Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia, gennady@nebratenko.ru

Abstract. The article reveals some features of the deliberate dissemination of knowingly false information in the media and telecommunications networks. The authors indicate under what conditions the information can be recognized as slander, and disclose the mandatory signs of slander. In addition, it is noted what should be attributed to the media and to online publications, as well as when false information is considered widespread.

Keywords: decriminalization, offense, false information, qualifying signs of a crime, fraud, slander, voluntary delusion, online publication, publication, publicity, conditions for recognition as slander

For citation: Kharzinova V. M., Nebratenko G. G. Criminal-legal characteristics of the deliberate dissemination of knowingly false information in the mass media and telecommunications networks // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. P. 145–149.

Одним из признаков клеветы является заведомо умышленно распространенное

ложное сведение. Умышленным распространением считается лично сказанная во время

© Харзинова В. М., Небрятенко Г. Г., 2022

публичных выступлений либо написанная в любых источниках информация (сообщение, сведения) в виде комментария или произведения в формате демонстрации, а также информация, отправленная (переданная) одному либо нескольким лицам (неограниченному кругу лиц), если они не могут подтвердить источник информации, либо показанное публично как видео лживое сведение.

Информацию можно признать клеветой только при совпадении следующих четырех условий:

1. Факт распространения заведомо ложной информации установлен. Информация считается распространенной в случаях, когда она доведена до третьих лиц. Например, если непосредственный начальник необоснованно говорит подчиненному, что он несколько раз нарушал трудовую дисциплину, то это ложь, но если ту же информацию о коллеге довести до вышестоящего начальника, то это уже клевета. Одновременно следует уточнить, что публикация в сети Интернет с необоснованными обвинениями является клеветой. При этом достаточно одного сообщения, порочащего честь, достоинство и репутацию одному лицу в публичной форме.

2. Сведения должны обязательно носить заведомо ложный характер. Это означает, что информация не соответствует тому, что действительно было (есть) и утверждаются факты, которые не имели место. А тот человек, который распространяет заведомо ложную информацию, точно знает, что это информация неправдивая. Вместе с тем если человек при распространении заведомо ложных сведений добросовестно заблуждается, думает, что эта информация – правда, такое распространение не считается клеветой. Например, если кто-то посмотрел ролик в сети Интернет и поверил, что в нем все правда, а потом прокомментировал эту информацию публично, то это не клевета. Но если ложь комментируется и распространяется осознанно, то это уже клевета.

4. Сведения должны носить порочащий характер. Порочащими будут считаться только сведения, умаляющие честь и достоинство человека, которые подрывают репу-

тацию. Например, назвать человека, имеющего высшее образование, ученую степень кандидата наук и звание доцента идиотом через информационную сеть Интернет – это оскорбление, но не клевета. Обвинения в нечестных поступках, нарушении служебной дисциплины, деловой этики, правил поведения в личной, общественной, политической жизни являются порочащими сведениями, и они подпадают под уголовную ответственность ч. 2 ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

5. Налицо прямой умысел. Это означает, что человек заранее понимал, что распространяет неправдивые сведения и задевает честь, достоинство и репутацию другого человека, но все-таки опубликовал или огласил информацию.

Распространение правдивой информации, если при этом задевается честь и достоинство, не является клеветой. Для правильного применения ч. 2 ст. 128.1 УК РФ следует уяснить значение слова «публичный». «Публичный» значит «осуществляемый в присутствии публики, открытый» [1, с. 204]. В данном случае понятие обозначает беспрепятственное общедоступное распространение заведомо ложной информации, доступ к которой получает неограниченный круг лиц, но не менее двух. Публичное распространение информации в средствах массовой информации (далее – СМИ) и иных информационно-телекоммуникационных сетях означает, что недостоверные сведения были доведены до сведения большого количества людей. Например, распространение ложной информации в отношении конкретного человека или неограниченного круга лиц по коммуникационной сети Интернет путем демонстрации определенной информации либо путем выставления фотографий с клеветническими надписями. В то же время с уголовно-правовой точки зрения считается неважным количество лиц, ознакомившихся с информацией. Наибольшее значение имеет открытое, гласное обращение ложных сведений большому кругу лиц.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что с заведомо лож-

ной информацией лицо может обратиться в любой форме: письменной, устной, с помощью рисунков, фото, либо иным наглядно-демонстративным способом, применяя при этом любые средства информационно-технической визуализации [2]. При этом «массовая информация» означает аудио-, аудиовизуальные, печатные и иные материалы, а также сообщения, потребителями которых выступает неограниченный круг субъектов [3].

С учетом положений закона под признаки ч. 2 ст. 128.1 УК РФ подпадает также заведомо ложная информация, размещенная в виде демонстрации произведений. Из этого следует, что признаки преступления имеют место и в том случае, когда произведение размножено или скопировано. При этом не имеет значение, в скольких экземплярах произведение существует. Содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ и в том случае, когда скопированное произведение в одном экземпляре выставляется на публичное обозрение. Действия будут квалифицированы также как клевета, когда периодические печатные издания распространяют заведомо ложную информацию. Ответственность за ее публичное распространение несет автор статьи за предоставление редакции порочащих сведений. Некоторые авторы полагают, что представители СМИ за опубликованные сведения не должны нести ответственности, если даже они носят клеветнический характер, поскольку существует свобода слова. Так, например, И. И. Харитонов полагает, что в правовом государстве с зафиксированным правом на свободу слова, в том числе выражаемом через средства массовой информации, ответственность за клевету представителей СМИ недопустима даже в том случае, когда наносится материальный или моральный ущерб [4, с. 134, 180]. Полагаем, что данная доктрина не может быть поддержана, поскольку все субъекты права в равной мере, в том числе и представители СМИ, обязаны соблюдать предписания норм законодательства.

Не все сайты, блоги, страницы в социальных сетях зарегистрированы как сред-

ства массовой информации. В связи с этим они не подпадают под правовое регулирование и не могут быть привлечены к ответственности за распространение ложных сведений. Так, в соответствии с перечнем наименований зарегистрированных средств массовой информации, имеющимся на интернет-сайте Роскомнадзора (rkn.gov.ru), социальные сети (к примеру, «Одноклассники», «В контакте») не являются средствами массовой информации. В данной связи действия по распространению заведомо ложной информации в социальных сетях будут квалифицированы по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ как распространение ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

В тех случаях, когда заведомо ложная информация была распространена в сети Интернет на порталах, сайтах, страницах, которые носят официальный характер, содеянное можно квалифицировать по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, если путем экспертного исследования доказано, что информация действительно носит заведомо клеветнический характер, а также установлен источник информации. Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, то есть возраста, с которого в соответствии с уголовным законодательством наступает ответственность.

Субъективная сторона характеризуется только умышленной формой вины. Это означает, что лицо будет нести ответственность за клевету по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ только в том случае, если оно осознавало ложность сообщаемых им сведений, порочащих честь и достоинство других лиц или подрывающих их репутацию, и желало их распространить. При этом умысел виновного направлен на унижение чести и достоинства потерпевшего. Данная точка зрения является спорной, поскольку некоторые авторы отмечают, что клевета может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Так, например, Б. С. Утевский указывал, что субъект преступления с формальным составом в общих чертах осознает вредоносность последствий, причиняемых его действиями, при

этом лишен предвидения конкретной формы этих последствий [5, с. 238]. В то же время А. Ю. Ширяев утверждает, что совершение действия является причинением результата, в силу чего невозможно предвидеть результат отдельно от действия, поэтому и косвенный, и прямой умысел являются отношением субъекта преступления к последствию, а не к самому действию [6, с. 53].

Вместе с тем не имеет смысла игнорировать мнение, что клевете присущ только прямой умысел. По этому поводу А. А. Пионтковский отмечал, что субъект соответствующего преступления осознает ложность распространения сведений, позорящих потерпевшего, безусловно, желая наступления негативных последствий, или допускает их [7, с. 200]. Хотя оценочные суждения и всевозможные предположения едва ли могут быть проверены на соответствие действительности, неперенным признаком клеветы законодателем признается «заведомость», означающая изначальное осознание виновным ложности, вымышленности или несоответствия действительности предоставляемых сведений.

Таким образом, из вышеуказанных обстоятельств вытекает, что если лицо при распространении заведомо ложной информации

добросовестно заблуждалось, то оно не может привлекаться к уголовной ответственности за клевету. В уголовно-правовой доктрине сложилось представление, что объектом преступления являются «общественные отношения, охраняемые уголовным законодательством, которым преступлением причиняется вред, либо создается реальная угроза причинения вреда» [8, с. 160]. Учитывая данное определение, следует отметить, что объектом данного преступления являются права человека, его достоинство, честь, репутация. Потерпевшим может быть любое физическое лицо, в отношении которого распространена заведомо ложная информация в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях. Объективная сторона заключается в клеветнических действиях, которые выражаются в распространении, пропаганде заведомо ложных материалов сообщений. Распространение заведомо ложной информации в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях (клевета) представляется окончанным при наличии факта распространения заведомо ложной информации в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях, причем вне зависимости от того, нанесен ли вред законным интересам потерпевшего лица или нет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1988.
2. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
3. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
4. Харитонов И. И. Уголовная ответственность за клевету: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
5. Уголовное право. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1950.
6. Ширяев А. Ю. Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом // Законность. 2011. №8.
7. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. 5. М.: Наука, 1971.
8. Рарог А. И. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная. М.: Наука, 2013.

REFERENCES

1. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. M.: AZ, 1988. (In Russ.)
2. On some issues of judicial practice in cases of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018 No. 46 // Access from references legal system «Consultant Plus». (In Russ.)

3. On the mass media: Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on December 30, 2020) (as amended and supplemented, effective from January 1, 2021) // Access from references legal system «Consultant Plus». (In Russ.)
4. Kharitonov I. I. Criminal liability for libel: dis. ... cand. legal sciences. M., 2015. (In Russ.)
5. Criminal law. 2nd ed., rev. and additional. Moscow: State. Publishing House of Law. lit., 1950. (In Russ.)
6. Shiryayev A. Yu. Substantive content of guilt in crimes with a formal composition // Legitimacy. 2011. No. 8. (In Russ.)
7. Piontkovsky A. A. Course of Soviet criminal law. T. 5. M.: Nauka, 1971. (In Russ.)
8. Rarog A. I. Criminal law of Russia. Part General and Particular. M.: Nauka, 2013. (In Russ.)

Информация об авторах:

Харзинова В. М., кандидат юридических наук, доцент;
Небрятенко Г. Г., доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

Kharzinova V. M., Candidate of Law, Associate Professor;
Nebratenko G. G., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 09.08.2022; approved after reviewing 11.11.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.164,05(470)

СООТНОШЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПОМОЩНИКА СУДЬИ И СЕКРЕТАРЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ

Юлия Александровна Черкасова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия, julartemowa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы, касающиеся проблем установления и разграничения процессуальных статусов помощника судьи и секретаря судебного заседания. Выделены и детально проанализированы особенности участия обозначенных выше лиц, которые не регламентируются в российском уголовно-процессуальном законодательстве (в разделе II Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), но при этом упоминаются в статьях 244.1 и 245 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и находятся в неопределенном правовом положении. Автором представлен широкий перечень полномочий каждого участника, а также, сделан акцент на различие в сфере деятельности. Обоснована необходимость наделения помощника судьи и секретаря судебного заседания процессуальным статусом самостоятельного иного участника уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: помощник судьи, права и обязанности, процессуальный статус, секретарь судебного заседания, участник уголовного судопроизводства

Для цитирования: Черкасова Ю. А. Соотношение полномочий помощника судьи и секретаря судебного заседания: сравнительно-правовой анализ положения участников с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 150–155.

Original article

BALANCE OF POWER BETWEEN AN ASSISTANT JUDGE AND A COURT CLERK: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE SITUATION OF PARTICIPANTS WITH UNCERTAIN PROCEDURAL STATUS

Yulia A. Cherkasova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named of V.Y. Kikot, Moscow, Russia, julartemowa@yandex.ru

Abstract. In the article the theoretical questions concerning problems of establishment and delimitation of procedural status of assistant judge and clerk of a court session are considered. The particulars of the participation of the above-mentioned persons, which are not regulated in Russian criminal procedure legislation, have been identified and analysed in detail (in section II of the Code of Criminal Procedure) articles 244.1 of the Code of Criminal Procedure and article 245 of the Code of Criminal Procedure refer to a situation of uncertainty. The author presents a wide list of competences of each participant, as well as an emphasis on the difference in sphere of activity. It is justified that the assistant judge and the clerk of the court session should be given the procedural status of an independent other participant in criminal proceedings.

Keywords: assistant judge, rights and duties, procedural status, clerk of the court, participant in criminal proceedings

For citation: Cherkasova Y. A. Balance of power between an assistant judge and a court clerk: comparative legal analysis of the situation of participants with uncertain procedural status // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 150–155.

© Черкасова Ю. А., 2022

В теории уголовно-процессуального права на протяжении десятилетий поднимается проблема правовой регламентации статуса некоторых участников уголовного судопроизводства. В настоящее время исследуемый вопрос носит открытый и дискуссионный характер, что влечет за собой формирование собственного авторского мнения у ученых, а также детальное рассмотрение различных аспектов, выраженных как в возможности наделения процессуальной самостоятельностью, так и утрате уже имеющегося статуса у упомянутых лиц.

В ряде статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) встречаются такие субъекты, как помощник судьи, секретарь судебного статуса, педагог, психолог, заявитель и т. д., которые на первый взгляд, с точки зрения правоприменителей, уже наделены статусом участника уголовного судопроизводства и не нуждаются в детальном изучении, однако, исходя из теоретической составляющей уголовного процесса, можно прийти к следующим выводам:

1. Перечисленные выше лица не являются участниками уголовного судопроизводства и относятся к категории лиц, обладающих неопределенным правовым положением.

2. Содержание статей УПК РФ, регламентирующих порядок производства следственных и иных процессуальных действий, отражает участие и вовлечение уполномоченными на то должностными лицами таковых участников, что повлекло за собой «приравнивание» практиками лиц, относящихся к категории обладающих неопределенным правовым статусом, к самостоятельным участникам уголовного судопроизводства.

3. Возникновение правовых ситуаций, при которых происходит смешение, путаница в распределении служебных полномочий и обязанностей (к примеру, у таких лиц, как помощник судьи и секретарь судебного заседания).

Хотелось бы отметить, что в 2018 г. действующий УПК РФ дополнен нормой статьи

244.1 «Помощник судьи». Анализ вышеуказанной нормы и ст. 245 УПК РФ свидетельствует о необходимости осуществления правового мониторинга с целью определения: кого из указанных выше участников целесообразно наделять процессуальным статусом, а кого следует исключить, либо включить в перечень раздела II УПК РФ обоих указанных участников [1, с. 85]. Если исходить из точки зрения объема имеющихся полномочий, то не вызывает сомнений, что круг прав и обязанностей помощника судьи гораздо более расширен, нежели у секретаря судебного заседания. Считаем, что оба упомянутых законодателем участника взаимно дополняют друг друга, однако каждый из них обладает определенными особенностями в своей деятельности. Не стоит забывать и об отнесении их к особой категории участников, не имеющих самостоятельного процессуального статуса. В последнем случае необходимо перераспределение соответствующих им процессуальных полномочий. Полагаем, что указанное требует самостоятельного исследования вопроса в данном контексте.

Помощник судьи и секретарь судебного заседания обладают определенными процессуальными чертами схожести и отличия. Так, к примеру, помимо не регламентированного на законодательном уровне положения, оба лица:

1) осуществляют вспомогательную (дополнительную) функцию, которая отражается в самостоятельной норме права (помощник судьи – ст. 244.1 УПК РФ, секретарь судебного заседания – ст. 245 УПК РФ);

2) не упоминаются в разделе II УПК РФ;

3) оказывают помощь в организации и проведении судебного заседания;

4) не относятся ни к одной из сторон, а также не выполняют функции, которые возлагаются на суд или иных участников уголовного судопроизводства [2, с. 112];

5) осуществляют проверку явки лиц в суд.

Несмотря на сходство оказания помощи, следует сразу же отметить, что наблюдается существенное различие: помощник судьи

оказывает именно профессиональное содействие, а секретарь судебного заседания – техническое. Исходя из такого распределения по сферам, целесообразно осуществить разграничение процессуальных прав и обязанностей таких участников.

Так, в УПК РФ нет упоминания о том, какой уровень образования должен быть, к примеру, у помощника судьи. Однако из буквального толкования ст. 244.1 УПК РФ можно прийти к выводу, что помощник судьи оказывает именно квалифицированную юридическую помощь судье, то есть вправе осуществлять следующие полномочия:

1) проводить проверку поступивших уголовных дел в суд (подсудность, сроки, соответствие предоставленных процессуальных документов, обстоятельств и оснований);

2) изучать предоставленные процессуальные документы, проверять соблюдение законности на предмет предоставленных прав участникам уголовного судопроизводства;

3) подготавливать соответствующие запросы [3, с. 230];

4) осуществлять контроль за деятельностью секретаря по совершению им необходимых действий в срок, а также готовить соответствующие сопроводительные письма;

5) заниматься оформлением уголовных дел, в том числе подшивать материалы и дополнительные документы и осуществлять контроль за их исполнением;

6) оказывать помощь судье в подготовке и организации судебного разбирательства;

7) осуществлять подготовку проектов судебных решений [4, с. 205];

8) осуществлять размещение в автоматизированной информационной системе «Судопроизводство» в полном объеме всех текстов судебных актов, за исключением текстов судебных актов, которые содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, не позднее дня их подписания [5, с. 88];

9) направлять копии определений лицам, участвующим в деле;

10) ознакомлять, в случае необходимости, лиц с материалами уголовного дела, в том числе и материалами аудио-, видеозаписи, сопровождающими изготовлением протокола судебного заседания.

Кроме того, исходя из содержания статей УПК РФ, помощник судьи имеет право на фиксацию процесса судебного разбирательства в протоколе, то есть осуществлять протоколирование, что в соответствии со ст. 245 УПК РФ является основным направлением деятельности (обязанностью) секретаря судебного заседания. Функция ведения протокола – один из примеров того, как происходит смешение должностных полномочий; отражает напрямую пробельность, неурегулированность поднимаемого вопроса в сфере уголовно-процессуального права. В связи с чем может возникнуть вопрос: если помощник судьи оказывает непосредственную помощь судье, то какую деятельность осуществляет секретарь судебного заседания и целесообразно ли его наличие в современное время (особенно в век информационной цифровизации)?

По нашему мнению, именно на секретаре судебного заседания должна лежать обязанность технического характера. Ведение протокола судебного заседания как единственного основополагающего процессуального документа (источника) данной стадии уголовного процесса должно лежать на конкретном участнике уголовного судопроизводства. Наличие либо отсутствие юридического образования в данной профессии, по нашему мнению, не обязательно. Однако важным моментом является то, что секретарь судебного заседания должен обладать соответствующими навыками грамотного и правильного написания и оформления соответствующих процессуальных документов, а также умениями обращения с техническими средствами, используемыми, к примеру, в системе видеоконференции или в видеофиксации.

Век информационной цифровизации диктует использование современных средств и способов ведения того же протоколирования: если раньше фиксация осу-

ществлялась путем «написания ручкой на бумаге», то теперь – с использованием компьютера (ноутбука) [6, с. 62]. В случае, если данный участник не будет наделен самостоятельным статусом или заменен при помощи систем видеофиксации, может возникнуть вопрос: кто в последующем будет оформлять протокол судебного разбирательства (ведь вероятность сохранности бумажного варианта более значима по сравнению с электронным). Кроме того, где будет храниться такой массив информации, как комплекс видео с судебных заседаний. Таким образом, вопрос наделения процессуальным статусом секретаря судебного заседания, по нашему мнению, должен решаться положительно и не вызывать сомнений как с теоретической, так и с практической стороны. На секретаря судебного заседания также могут быть возложены следующие обязанности:

1) получать необходимые материалы, информацию, сведения для дальнейшего успешного исполнения своих обязанностей и ведения протоколирования [7, с. 207];

2) использовать технические средства, необходимые для осуществления своих полномочий;

3) контролировать процесс фиксации хода судебного заседания при помощи технических средств (в случае использования режима видеофиксации или режима видеоконференции) [8, с. 133];

4) исполнять поручения председательствующего или в случае необходимости его обязанности (например, проверять явку в суд лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, либо осуществлять организационные мероприятия, относящиеся к порядку проведения судебного разбирательства) [9, с. 238];

5) готовить и вывешивать списки дел, а также заполнять регистрационные журналы, статистическую отчетность;

6) проводить отбор кандидатов в присяжные заседатели.

Таким образом, проанализировав положения ст. 244.1 и ст. 245 УПК РФ, а также юридическую литературу, посвященную исследованиям по данному вопросу, можно

отследить тенденцию об утверждении авторского мнения, подтверждающего мысль о том, что необходимо разграничивать полномочия помощника судьи и секретаря судебного заседания в зависимости от сферы реализации их деятельности. Не вызывает сомнений, что оба лица осуществляют вспомогательную функцию – оказание помощи судье на стадии судебного разбирательства (только в различных сферах). К вопросу о том, кого следует понимать под помощником судьи и секретарем судебного заседания, законодателем в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не регламентируется ни в одной из норм права. В связи с чем, целесообразно дополнить перечень понятий, указанных в ст. 5 УПК РФ, следующими определениями:

1. Пункт 25.1 ст. 5 УПК РФ: «Помощник судьи – участник уголовного судопроизводства, привлекаемый уполномоченными лицами с целью оказания юридической помощи судье при рассмотрении уголовного дела на стадии судебного заседания».

2. Пункт 41.2 ст. 5 УПК РФ: «Секретарь судебного заседания – участник уголовного судопроизводства, привлекаемый на стадии судебного заседания с целью осуществления протоколирования судебного разбирательства и реализации организационной и технической функции».

В статье автором была рассмотрена деятельность помощника судьи и секретаря судебного заседания на стадии судебного производства, однако, считаем важным уточнить тот факт, что оба участника оказывают помощь суду в рамках и досудебного производства. Согласно ст. ст. 108, 125, 165 УПК РФ, необходимо судебное решение для реализации соответствующей меры пресечения или производства следственного действия, где как помощник судьи, так и секретарь судебного заседания оказывают содействие судье в подготовке и сборе необходимых документов, тем самым реализуя свои процессуальные обязанности, которые были обозначены ранее.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что как помощник судьи, так и секретарь

судебного заседания в настоящее время относятся к категории лиц с неопределенным правовым положением. Однако, по нашему мнению, они должны относиться к самостоятельным участникам уголовного судопроизводства, а также найти свою законодательную регламентацию в главе 8

УПК РФ, что способствовало бы устранению пробелов в толковании как в теории уголовно-процессуального права, так и в практической деятельности, а именно: наделению процессуальным самостоятельным статусом участника и разграничению смежных полномочий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронова А. В. Заявитель и очевидец как участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 84–87.
2. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебное пособие / С. В. Гурдин, Е. Н. Клещина и др.; под общей редакцией О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. Москва: Издательство «Юнити-Дана», 2014. 288 с.
3. Волобуева Е. А. К вопросу о процессуальном статусе секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников уголовного судопроизводства // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 229–235.
4. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики: учебник / В. К. Бобров, О. В. Волынская и др.; под общей редакцией А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой // Москва: Издательство «Юнити-Дана», 2019. 799 с.
5. Васина Е. А. Права и обязанности помощника судьи как важнейший элемент административно-правового статуса. Юридическая наука. Право. М., 2013.
6. Давлетов А. А. Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 61–67.
7. Смолькова И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 27 (2). С. 205–210.
8. Латыпов В. С. Секретарь судебного заседания как иной участник уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 132–134.
9. Зеленина О. А. Сущность категории «участник уголовного судопроизводства» в науке уголовно-процессуального права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. Вып. 23. № 25. С. 238–244.

REFERENCES

1. Mironova A. V. The applicant and the eyewitness as participants in criminal proceedings with an uncertain procedural status // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 9. P. 84–87. (In Russ.)
2. Actual problems of criminal procedure law: textbook / S. V. Gurdin, E. N. Kleshchina etc.; under the general editorship of O. V. Khimicheva, O. V. Michurina. Moscow: Unity-Dana Publishing House, 2014. 288 p. (In Russ.)
3. Volobueva E. A. On the issue of the procedural status of the secretary of the court session and the assistant judge as participants in criminal proceedings // Bulletin of the SamGU. 2010. No. 3 (77). P. 229–235. (In Russ.)
4. Criminal Procedure. Problems of theory and practice: textbook / V. K. Bobrov, O. V. Volynskaya etc.; under the general editorship of A. V. Endoltseva, O. V. Khimicheva // Moscow: Unity-Dana Publishing House, 2019. 799 p. (In Russ.)
5. Vasina E. A. Rights and duties of an assistant judge as an essential element of administrative and legal status. Legal science. Right. M., 2013. (In Russ.)

6. Davletov A. A. The problem of the status of a criminally prosecuted person at the stage of initiating a criminal case // Russian Journal of Law. 2015. No. 4 (103). P. 61–67. (In Russ.)
7. Smolkova I. V. Participants of criminal proceedings with an uncertain procedural status // Bulletin of the Baikal State University. 2017. No. 27 (2). P. 205–210. (In Russ.)
8. Latypov V. S. The secretary of the court session as another participant in criminal proceedings // Bulletin of Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2 (36). P. 132–134. (In Russ.)
9. Zelenina O. A. The essence of the category «participant in criminal proceedings» in the science of criminal procedure law // Bulletin of the South Ural State University. 2010. Issue. 23. No. 25. P. 238–244. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК [343.97:343.71]:[336.747.5:004](470)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ХИЩЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Антон Евгеньевич Шалагин¹, Булат Эдуардович Шавалеев²
^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия
¹ aeshalagin@yandex.ru, ² shavaleev.bulat@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется преступность в сфере информационных технологий по уголовному законодательству Российской Федерации. Отражена их общественная опасность, современные тенденции, признаки и характеристики. Выделяются проблемы, связанные с предупреждением таких преступлений. Обращено внимание на виктимологическую профилактику в отношении пользователей электронных платежных средств. Отмечена необходимость подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: хищение, электронные средства платежа, электронные денежные средства, предупреждение, виктимологическая профилактика.

Для цитирования: Шалагин А. Е., Шавалеев Б. Э. Криминологическая характеристика и предупреждение хищений с использованием информационных технологий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 156–161.

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PREVENTION OF THEFT WITH THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Anton E. Shalagin¹, Bulat E. Shavaleev²
^{1,2} Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia
¹ aeshalagin@yandex.ru, ² shavaleev.bulat@gmail.com

Abstract. The article examines crime in the field of information technology under the criminal law of the Russian Federation. Their social danger, current trends, signs and characteristics are reflected. The problems associated with the prevention of such crimes are highlighted. Attention is drawn to victimological prevention in relation to users of electronic means of payment. The need for training, retraining and advanced training of employees of internal affairs bodies specializing in the investigation of crimes in the field of information technology was noted.

Keywords: theft, electronic means of payment, electronic money, prevention, victimological prevention.

For citation: Shalagin A. E., Shavaleev B. E. Criminological characteristics and prevention of theft with the use of information technologies // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 156–161.

В настоящее время процессы цифровизации, информатизации и сетевизации, происходящие в России и зарубежных странах, приводят к существенной трансформации общественных отношений. Однако, наряду с позитивными преобразованиями, развитие

информационных технологий несет в себе ряд скрытых угроз, среди которых особое место занимает киберпреступность [1, с. 109], или преступность в сфере информационных технологий. В цифровом пространстве наиболее распространенными являются имуще-

© Шалагин А. Е., Шавалеев Б. Э., 2022

ственные преступления, а именно: кражи, мошенничества, вымогательства, хищения персональных данных [2, с. 222].

Из анализа сведений о состоянии преступности в Российской Федерации, опубликованных Главным информационно-аналитическим центром МВД России (далее – ГИАЦ МВД России), очевидна негативная тенденция, связанная с увеличением количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в январе – сентябре 2021 г. зарегистрировано 1 млн 521,5 тыс. преступлений (– 1,2 %), из них 403 тыс. совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (+ 11,0 %); 302,6 тыс. (+ 2,2 %) или (75,1 %) таких преступлений совершается путем кражи или мошенничества, их раскрываемость составляет 27 % [3].

В этой связи Ю. Ю. Комлев пишет, что «в настоящее время в цифровом пространстве значительно распространены преступления, связанные с созданием полиморфных вирусов, ботнетов, DDoS-атак, спама, хищением идентификационных данных, а также интернет-мошенничество, кибербуллинг, компьютерный фишинг, понуждение к действиям сексуального характера, распространение порнографических материалов, реализация фальсифицированной продукции, незаконные финансовые операции, киберпиратство, интернет-хулиганство и проч. Отдельного внимания заслуживает DarkNet и его использование в противоправных целях» [4, с. 62–64].

В этой связи, особую актуальность приобретает необходимость выработки эффективных мер предупреждения, пресечения и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. По данным ФБР США, 85–93 % таких преступных посягательств остаются латентными [5, с. 168]. По оценкам специалистов, латентность таких преступлений в США достигает 83 %, Великобритании – 85 %, ФРГ – 75 %, Франции – 86 % [6, с. 44]. Согласно статистическим сведениям, опу-

бликованным Министерством иностранных дел Российской Федерации, в 2021 г. ущерб от киберпреступности может составить более 6 трлн долларов [7].

Преступления в сфере информационных технологий представляют значительную угрозу национальной безопасности в силу объективных сложностей, возникающих при их выявлении, документировании, а также в связи с отсутствием практик превентивного воздействия. В Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» указывается, что количество зарегистрированных преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий постоянно возрастает. Требуется активизация и проработка соответствующих мер со стороны государственных органов и институтов гражданского общества [8].

Данная проблема обострилась в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19, что подтверждается многочисленными исследованиями отечественных и зарубежных криминологов. В. С. Овчинский отмечает, что в условиях пандемии COVID-19 заметно вырос уровень цифровой преступности, повысился преступный профессионализм, появились новые способы мошеннических действий и кибератак [9, с. 14]. В России увеличивается уровень мошенничеств с использованием банковских карт, как правило, при расчетах онлайн [10].

Специалисты Сбербанка России, изучив различные платежные методы более чем в 120 тыс. интернет-магазинов в период с 1 января по 31 июля 2020 и 2021 гг., пришли к выводу, что граждане стали чаще оплачивать покупки по технологии «Рау». Рау-технологии позволяют не передавать продавцу номер банковской карты покупателя, вместо этого карте присваивается «токен» – уникальная комбинация цифр, которая будет использоваться для выполнения транзакций. Число таких бесконтактных платежей за 7 месяцев 2021 г. увеличилось на 36 %, их оборот увеличился в 2,4 раза. За данный период доля рау-платежей среди других

методов оплаты составила 17 %. Через выставленные счета в социальных сетях и мессенджерах оплачено 10 % покупок, по картам и счетам ЮMoney – 4 %. Виртуальные и пластиковые карты используются в 69 % финансовых операций [11].

Как правило, для оплаты посредством Pay-технологий используются смартфоны. Будучи небольшими компьютерами с SIM-картой, они подвержены множеству угроз, связанных с мошенничеством: размещению вредоносных программ, хищению денежных средств и персональных данных. Смартфоны являются наиболее уязвимым звеном программно-аппаратного комплекса, используемого при безналичных расчетах. Более 50 % таких устройств в настоящий период инфицированы вредоносными программами, которые позволяют похитить электронные денежные средства пользователя через приложения, установленные на этом устройстве, а также получить несанкционированный доступ к персональной информации пользователя. Увеличилось число зарегистрированных мошеннических действий, совершенных с голосовой почтой, количество фактов вымогательств, связанных с блокировкой телефона или кражей учетных записей и т. п. [12, с. 147]

По результатам исследования «Яндекс. Деньги», проведенного в 2020 г., совокупное количество Pay-платежей за год выросло на 26 %. Доля платежей при помощи смартфонов увеличилась за год до 45 % [13]. По нашему мнению, правоприменительная практика правоохранительных органов России не успевает своевременно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям платежной системы, что позволяет значительной части киберпреступников избежать наказания. Наиболее заметный вклад в предупреждение хищений электронных денежных средств обеспечивают системы антифрод-мониторинга, основанные на искусственном интеллекте, которые позволяют анализировать закономерности в условиях эксплуатации электронных средств платежа, а также выявлять нетипичные операции для клиентов переводов электронных денежных средств и

при необходимости блокировать их.

Как правило, хищения электронных денежных средств совершаются с помощью получения злоумышленниками несанкционированного доступа к электронным средствам платежа, например, путем хищения банковской карты или ее подделки, либо путем побуждения лица самостоятельно совершить перевод в пользу мошенников с помощью методов социальной инженерии. По данным Сбербанка, 88 % мошеннических действий совершается с использованием методов «социальной инженерии» [14], то есть приемов психологического манипулирования, направленных на получение конфиденциальной информации. При этом юридические лица (кредитные, банковские, иные организации) не могут приостановить операции, совершенные с использованием системы дистанционного обслуживания, поскольку такие переводы становятся безотзывными после исполнения распоряжений клиента, что предусмотрено Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [15]. В связи с чем, необходимо оптимизировать практику виктимологической профилактики среди пользователей электронных платежных средств.

Причинами виктимности клиентов банковских и кредитных организаций являются: отсутствие у граждан навыков правильной эксплуатации современных технических средств, низкая осведомленность о способах обеспечения собственной безопасности в сфере телекоммуникационных и компьютерных технологий. Таким образом, поведение жертвы в отдельных случаях облегчает совершение преступного посягательства.

Перспективным направлением специального предупреждения преступлений в данной сфере является применение технологий, основанных на проверке биометрических данных. Верификация платежей путем использования биометрической информации существенно повышает уровень защищенности. Европейское банковское управление (ЕВА) отметило перспективы верификации онлайн-платежей путем

использования биометрических данных. По прогнозам Acuity Market Intelligence, к 2022 г. биометрия будет использоваться для подтверждения 1 трлн транзакций в год. Британский банк «NatWest» совместно с Mastercard в 2019 г. создал кредитную карту, операции по которой подтверждаются сканированием отпечатков пальцев [16].

Относительно хищений, совершаемых при расчетах электронными средствами платежа в торговых организациях, необходимо отметить, что действующими нормативными правовыми актами работники торговых организаций, осуществляющие платежные операции, не уполномочены к проверке документов и принадлежности электронных средств платежа, что позволяет злоумышленникам осуществлять противоправные действия.

В силу того, что хищения в сфере расчетов с использованием электронных платежных средств не требуют наличия специальных навыков и умений, данные преступления широко распространены среди различных слоев населения. На основе анализа статистических данных можно выстроить криминологический портрет преступника в данной сфере. Преступник по делам о мошенничестве с использованием электронных средств платежа представляет собой лицо, мужского пола (77,42 %), имеющее гражданство России, трудоспособное, без постоянного источника дохода (59,78 %), либо осуществляющее трудовые функции на рабочих должностях (19,02 %), преимущественно 25–46 лет (60 %), имеющее среднее профессиональное образование (41 %) или среднее общее образование (36 %), которое в целом положительно (75 %) характеризуется по месту жительства или работы.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы:

Преступления в сфере информационных технологий представляют угрозу национальной безопасности России в силу значительных объемов сопряженных совокупных убытков, сложности в их раскрытии и расследовании, а также в связи с недостатками системы профилактики, что требует своевременных законодательных и правоприменительных решений.

Применение рау-технологий, развитие методов социальной инженерии, повышенный уровень виктимности населения, высокая латентность преступлений в информационной сфере позволяют сделать прогноз дальнейшего развития преступности в цифровой среде, появления новых способов совершения мошеннических действий и кибератак. В связи с чем, необходима своевременная подготовка, переподготовка и повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел, специализирующихся на расследовании преступлений данного вида. Необходима качественная проработка мер предупреждения и минимизации последствий противоправной деятельности в данной области.

Усиливается значение и степень участия кредитных организаций, провайдеров и иных элементов системы дистанционного банковского обслуживания в деятельности по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий.

Потребуется оптимизация и совершенствование систем антифрод-мониторинга, применяемых кредитными организациями, а также внедрение новых технологий биометрической верификации безналичных платежей. Особую актуальность в сложившихся условиях приобретает реализация мер виктимологической профилактики, а также предупреждения рецидива преступлений в цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность. Омск, 2009. С. 109–110.
2. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Зарубежный опыт предупреждения преступности в XXI веке // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 2 (40). С. 219–225.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2021 года / URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/26421097> (дата обращения: 05.02.2022).
4. Комлев Ю. Ю. Миллениалы, или куда уходит девиантность? // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3. № 6. С. 59–66.
5. Чирков Д. К., Саркисян А. Ж. Преступность в сфере высоких технологий: тенденции и перспективы // Вопросы безопасности. 2013. № 2. С. 160–181.
6. Бражников Д. А., Шиян В. И. Основные криминальные угрозы государственной и общественной безопасности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4. С. 41–46.
7. МИД РФ: Мировой ущерб от киберпреступлений в 2021 году может составить 6 трлн долларов / URL: <https://www.securitylab.ru/news/522991.php> (дата обращения 05.02.2022).
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 05.02.2022).
9. COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю. Н. Жданов, С. К. Кузнецов, В. С. Овчинский; вступ. статья А. Л. Кудрина. М.: Международные отношения, 2020. 448 с.
10. Карта свободного касания / URL: <https://rg.ru/2019/03/11/s-aprelia-visa-povyshaet-limit-pokupok-bez-parolia.html> (дата обращения: 05.02.2022).
11. Почти в 2,5 раза больше россиян стали использовать Pay-платежи / URL: <https://www.comnews.ru/content/215815/2021-08-05/2021-w31/pochti-25-raza-bolshe-rossiyan-stali-ispolzovat-pay-platezhi> (дата обращения: 05.02.2022).
12. Жданов Ю. Н., Овчинский В. С. Киберполиция XXI века. Мировой опыт. М.: Международные отношения, 2020. 288 с.
13. Смартфоны выкорчуют пластик / URL: <https://www.comnews.ru/content/207554/2020-06-10/2020-w24/smartfony-vukorchuyut-plastik> (дата обращения: 05.02.2022).
14. ФинЦЕРТ: основным способом хищений средств остается социальная инженерия / URL: <https://plusworld.ru/daily/cat-security-and-id/fintsert-osnovnym-sposobom-hishhenij-sredstv-ostaetsya-sotsialnaya-inzheneriya/> (дата обращения: 05.02.2022).
15. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. 02.07.2021) // Российская газета. 2011. № 139.
16. Как биометрия может помочь онлайн-ритейлерам / URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/01/06/819822-kak-biometriya-mozhet-pomoch-onlain-riteileram> (дата обращения: 05.02.2022).

REFERENCES

1. Osipenko A. L. Network computer crime. Omsk, 2009. P. 109–110. (In Russ.)
2. Shalagin A. E., Idiyatulloev A. D. Foreign experience in crime prevention in the 21st century // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. V. 11. No. 2 (40). P. 219–225. (In Russ.)
3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – September 2021 / URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/26421097> (date of access: 05.02.2022). (In Russ.)
4. Komlev Yu. Yu. Millennials, or where does deviance go? // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. V. 3. No. 6. P. 59–66. (In Russ.)
5. Chirkov D. K., Sarkisyan A. Zh. Crime in the sphere of high technologies: tendencies and prospects // Security Issues. 2013. No. 2. P. 160–181. (In Russ.)
6. Brazhnikov D. A., Shiyani V. I. The main criminal threats to state and public security // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2016. No. 4. P. 41–46. (In Russ.)
7. Russian Foreign Ministry: Global damage from cybercrime in 2021 could amount to \$6 trillion / URL: <https://www.securitylab.ru/news/522991.php> (date of access: 05.02.2022). (In Russ.)
8. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 // Access from the legal reference system «Consultant Plus» (date of access: 05.02.2022). (In Russ.)
9. COVID-19: crime, cybersecurity, society, police / Yu. N. Zhdanov, S. K. Kuznetsov, V. S. Ovchinsky; intro. article by A. L. Kudrin. M.: International relations, 2020. 448 p. (In Russ.)

10. Free touch map / URL: <https://rg.ru/2019/03/11/s-aprelia-visa-povyshaet-limit-pokupok-bez-parolia.html> (date of access: 05.02.2022). (In Russ.)
11. Almost 2,5 times more Russians began to use Pay-payments / URL: <https://www.comnews.ru/content/215815/2021-08-05/2021-w31/pochti-25-raza-bolshe-rossiyan-stali-ispolzovat-pay-platezhi> (date of access: 05.02.2022). (In Russ.)
12. Zhdanov Yu. N., Ovchinsky V. S. Cyber police of the XXI century. World experience. M.: International relations, 2020. 288 p. (In Russ.)
13. Smartphones will uproot plastic / URL: <https://www.comnews.ru/content/207554/2020-06-10/2020-w24/smartfony-vykorchuyut-plastik> (date of access: 05.02.2022). (In Russ.)
14. FinCERT: social engineering remains the main method of embezzlement / URL: <https://plusworld.ru/daily/cat-security-and-id/fintsert-osnovnym-sposobom-hishhenij-sredstv-ostaetsya-sotsialnaya-inzheneriya/> (date of access: 05.02.2022). (In Russ.)
15. On the national payment system: Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ (as amended on July 2, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. 2011. No. 139. (In Russ.)
16. How biometrics can help online retailers / URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/01/06/819822-kak-biometriya-mozhet-pomoch-onlain-riteileram> (date of access: 05.02.2022). (In Russ.)

Информация об авторах:

Шалагин А. Е., кандидат юридических наук, доцент;
Шавалеев Б. Э., без ученой степени.

Information about the authors:

Shalagin A. E., Candidate of Law, Associate Professor;
Shavaleev B. E., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 31.05.2022; одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 31.05.2022; approved after reviewing 03.09.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 378.016:811.111

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Олеся Алексеевна Безземельная¹, Зилья Вагизовна Баишева²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, olesik_2009@mail.ru

² Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, zbaisheva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию иноязычной коммуникативной компетенции, что, в свою очередь, способствует разностороннему развитию языковой личности обучающегося. Особое внимание уделяется формированию и совершенствованию у них многослойного и многокомпонентного комплекта языковых умений и способностей для выполнения коммуникативной деятельности. Также на материале современного английского языка рассматриваются механизмы формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся с помощью специальных речевых ситуаций, а также умение использовать изученные лексические единицы в предложенных ситуациях.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, коммуникативный подход, индивидуализация, фоновые знания, речевая ситуация, интерактивное обучение

Для цитирования: Безземельная О. А., Баишева З. В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранным языкам // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 162–167.

Original article

**FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE
IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES**

Olesya A. Bezzemelnaya¹, Zilya V. Baisheva²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, olesik_2009@mail.ru

² Bashkir State University, Ufa, Russia, zbaisheva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of foreign language communicative competence, which, in turn, contributes to the versatile development of the language personality of the student. Special attention is paid to the formation and improvement of their multi-layered and multicomponent set of language skills and abilities for performing communicative activities. Also, based on the material of the modern English language, the mechanisms of formation of foreign language communicative competence of students with the help of special speech situations, as well as the ability to use the studied lexical units in the proposed situations are considered.

Keywords: communicative competence, communicative approach, individualization, background knowledge, speech situation, interactive learning

For citation: Bezzemelnaya O. A., Baisheva Z. V. Formation of foreign language communicative competence in the process of teaching foreign languages // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 162–167.

Овладение иностранным языком представляет собой многоаспектный процесс, нацеленный на формирование у обучающихся компенсаторной компетенции, которая включает в себя арсенал языковых умений и способностей, необходимых для выполнения своих профессиональных обязанностей в процессе межкультурной коммуникации. Отсюда вытекает, что формирование коммуникативной компетенции, т. е. лингвистической компетенции, а именно изучение культуры, образа жизни, менталитета, обычаев стран изучаемого языка и овладение практическими навыками межкультурного общения, представляет собой основную задачу.

Исходя из вышеизложенного и из собственной практики преподавания, приоритетным в формировании перечисленных компетенций является:

– повторение основных грамматических категорий и базовых структур в сфере социально-бытового общения;

– изучение географического положения, государственного устройства, важнейших этапов развития науки и техники в странах изучаемого языка и в России (в рамках изучения темы “Different people, different countries”), что, в свою очередь, способствует развитию лингвострановедческой компетенции, которая является неотъемлемой частью межкультурной компетенции.

– развитие способности пользоваться фоновыми знаниями о стране изучаемого языка, которые позволят эффективно реализовывать коммуникативное общение.

Следует подчеркнуть, что для успешного межкультурного взаимодействия необходимо, не теряя своей собственной культурной индивидуальности, адекватно принимать другую культуру, тем самым развивая коммуникативную компетенцию.

Мы считаем, что главной мотивацией коммуникативного метода является индивидуализация. Это объясняется тем, что коммуникативный подход ориентируется на личность обучающегося и его непосредственную деятельность [1].

Так, на занятиях по иностранному языку рекомендуется подбирать виды тренировоч-

ных упражнений и заданий, исходя из видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), а также с учетом дидактических принципов индивидуального подхода к обучающимся с разным уровнем языковой подготовки и психологической устойчивости [2].

Приведем примеры. Для развития разговорных навыков можно использовать следующие задания [3]:

Answer the following questions:

1. Why is it necessary to learn foreign languages?
2. What is the role of foreign language in your future profession?
3. How did you make up your mind to become a lawyer?
4. What attracts you most in the legal profession: earnings, protection of citizens, prestige?
5. Should a lawyer be competent in human psychology?

Make a report:

“The powers and responsibilities of the Russian President and the Prime Minister”. Use newspaper articles for additional information. Critically examine the role of the President and the Prime Minister.

Choose one of the following topics and prepare a presentation:

1. The law system in modern society.
2. Categories of law.
3. The profession of a lawyer in Russia.

Для отработки навыков письменной коммуникации [4]:

Write about:

- a teacher who had a lot of influence on you;
- instructional facilities at your Institute;
- your working day;
- advantages and disadvantages of being a cadet at the Law Institute of the Interior Ministry of Russia.

Write a quiz about your city/ town/ village.

Задания для совершенствования навыков аудирования:

Listen to the text, choose the correct answer and then give the main idea of the extract in 5–6 sentences.

What branches does the Government consist of?

- a) two;   b) three;   c) four.

What is the legislative power exercised by?

- a) the President;
b) the State Duma;
c) the Federal Assembly.

What are the national symbols of Russia?

a) a white-red banner and the coat of arms with one-headed eagle;

b) a white-blue banner and a double-headed eagle;

c) a white-blue-and-red banner and the coat of arms with a double-headed eagle.

Задания для формирования коммуникативной компетенции:

1. Snowball fight.

Ask students to write on a sheet of paper 3 facts about themselves (3 facts – 3 pieces of paper): I play football, I have a dog, I have been abroad, etc. The papers need to be crushed so that they turn out to be “snowballs”. Then the battle begins – the students line up in two lines and throw these snowballs at each other within a minute. After the “stop” signal, each student must unfold any three pieces of paper, find those to whom they belong, and sign the names of the owners. This will help not only to remember the names, but also to get to know each other better.

2. Describe your fellow-student (his/her character, appearance, hobbies and so on). Your group-mates must guess the person.

С первых минут занятия данный вид заданий помогает установить контакт между преподавателем и обучающимся, что эффективно воздействует на межличностный подход в начале занятия.

Кроме того, на занятиях по теме «Лингвострановедение» можно предложить следующие виды упражнений, которые дают возможность обучающимся сравнить особенности образа жизни людей разных культур, а также более подробно узнать о странах изучаемого языка:

1. Your friend from English-speaking country wants to know about traditions of Russia. Answer his/her questions and ask him/her about traditional holidays of his/her country.

2. Your friend from Britain is a police officer. Ask him questions about his work and tell him your point of view about work of police officers in Russia.

Также следует отметить, что положительный эмоциональный настрой и благоприятный психологический климат на занятиях, учтливое отношение преподавателя к каждому обучающемуся являются неотъемлемым условием коммуникативного обучения иностранному языку. При обучении иностранному языку дружеская атмосфера, радушие помогает обучающемуся многогранно раскрыть свою личность, что, соответственно, способствует преодолению таких психологических барьеров, как стеснительность, неуверенность, скованность [5]. Благодаря этому формируются важные качества личности обучающегося, лучше запоминается учебный материал, а также вырабатывается его активная гражданская позиция.

Как научить общению на иностранном языке, чтобы в процессе обучения был раскрыт творческий потенциал обучающихся? Выбор учебных средств для такого обучения остается комплексным вопросом, вызывающим споры у методистов. Мы должны научить использовать полученные знания в коммуникативной деятельности, например, моделируя условно-естественные ситуации, чтобы в будущем у обучающихся всплывали в голове готовые фразы-клише в нужный момент. В результате у них не будет страха говорить на неродном языке, будет снят языковой барьер, когда им будет необходимо задать вопрос, выяснить интересующую информацию [6].

Следует обратить внимание на то, что обычно при составлении фраз и предложений обучающиеся мысленно используют родной язык. Затем эти фразы они в уме переводят на иностранный, используя грамматический строй изучаемого языка. В связи с этим перед преподавателем стоит задача научить одновременно и думать, и говорить на иностранном языке.

Коммуникативная практика, один из основных аспектов изучения иностранного языка, может быть достигнута на практиче-

ских занятиях посредством разнообразных условно-естественных ситуаций. Речевая ситуация – это динамическая система, в которой взаимодействуют специфические факторы объективного и субъективного характера, ограниченные рамками акта коммуникации [7]. Учебная речевая ситуация понимается как особое условие или обстоятельство, в котором формируется система взаимоотношений собеседников с целью воздействия на обучающихся при реализации речевых актов на иностранном языке. «Учебная речевая ситуация представляет собой совокупность условий, побуждающих к выражению мыслей и использованию при этом определенного речевого материала» [8].

В связи с тем, что в процессе обучения у преподавателя нет возможности использовать все необходимые жизненные коммуникативно-речевые ситуации, то возникает потребность формирования коммуникативной компетенции в учебно-речевых ситуациях. Такие модели позволяют воссоздать подлинное речевое взаимодействие на иностранном языке. Исходя из этого мы можем сделать вывод, что ситуативная модель представляет собой такую разновидность коммуникативной функции или единицы общения, которая является фундаментом всего процесса обучения иноязычной коммуникации.

Рассмотрим основные функции условно-естественной ситуации в образовательном процессе. На занятии данные ситуации призваны выполнять две основные функции: обучающую и стимулирующую. Обучающая функция может быть реализована только в том случае, если эти ситуации будут создаваться с учетом основных условий формирования речевых навыков и умений [9]. Нередки случаи, когда созданная преподавателем на занятии ситуация может стать ситуацией молчания или формального участия (страх получить плохую оценку).

Можно предложить следующие ситуации:

– объясните иностранному гражданину, который хочет проехать к стадиону, где проходит соревнование, что проезд закрыт, парковаться здесь нельзя;

– скажите иностранному гражданину, который потерял свои документы, что до выяснения личности ему придется оставаться в полицейском участке;

– попросите предъявить документы иностранного гражданина, который ведет себя агрессивно;

– предупредите подвыпившего туриста, который нарушает общественный порядок;

– попросите хозяина машины убрать свою машину с проезда и переставить ее на парковку;

– попросите прекратить сорить в парке и использовать для мусора мусорные корзины;

– попросите туриста не залезать на скульптуру коня в парке;

– сообщите о запрете распития спиртных напитков в автобусе;

– попросите туриста не рисовать граффити на стене административного здания;

– сообщите о запрете фотографирования или съемки в запрещенном месте.

Ситуации можно моделировать различными способами, включая словесное описание, визуализацию, инсценировку.

Кроме того, немаловажную роль играет интерактивное обучение на основе мультимедийных программ, которое позволяет наиболее полно реализовать комплекс педагогических, психологических, дидактических и методических принципов при изучении иностранного языка, делая процесс обучения более интересным и творческим. С помощью компьютера можно организовать на занятии индивидуальную, парную и групповую формы работы.

Итак, создание интересных и эффективных учебно-речевых ситуаций напрямую зависит от креативного подхода и разработки алгоритма методических приемов, используемых преподавателями для оптимизации учебного процесса. Кроме того, вовлечение обучающихся в вербализацию реальных коммуникативных ситуаций, приближенных к реальной жизни, способствует развитию их логического мышления и мотивирует их к обучению [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что межкультурная компетенция ориентирована на развитие не только языковых зна-

ний, но и творческого потенциала и общего кругозора обучающихся. Все это является приоритетной задачей обучения иностран-

ному языку, нацеленной на формирование знаний, навыков и умений, необходимых для межкультурного общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лыскова М. И. Английский язык в ситуациях профессионального общения сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие / М. И. Лыскова; Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России. Тюмень: ТИПК МВД России, 2013. 117 с.
2. Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи. СПб.: Союз, 2001. 480 с.
3. Speaking Focus. English for Law Enforcement Professionals : учебно-методическое пособие / Ю. А. Кошеварова, Е. В. Попова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2014. 71 с.
4. Английский язык для сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих охрану общественного порядка во время проведения саммитов ШОС и БРИКС (English for Law Enforcers Maintaining Public Order during the SCO and BRICS): учебное пособие / Ф. Р. Имамудинова, Д. А. Галиева, Е. А. Петрова, Е. В. Попова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2015. 48 с.
5. Безземельная О. А. Формирование основ иноязычной коммуникативной компетенции // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016. № 19-5. С. 138–142.
6. Безземельная О. А. Использование современных информационно-коммуникационных технологий при обучении иноязычному общению // Вестник Уфимского юридического института МВД России, 2014. № 4 (66). С. 102–107.
7. Шуман Е. В. Возможности и перспективы межкультурной коммуникации на немецком языке в школе / URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/101/> (дата обращения: 23.06.2022).
8. Вайсбурд М. Л. Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке: учеб. пособие для проведения спецкурса по обучению иноязычному общению в системе повышения квалификации учителей / М. Л. Вайсбурд. М.: Титул, 2001. С. 16–121.
9. English for Law Enforcement / Charles Boyle & Peana Chersan. Macmillan Publishers, 2018.
10. Хуторской А. В. Компетентностный подход в обучении: научно-методическое пособие. М., 2013. 73 с.

REFERENCES

1. Lyskova M. I. English in situations of professional communication of employees of internal affairs bodies: textbook / M. I. Lyskova; Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Tyumen: TIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 117 p. (In Russ.)
2. Kabakchi V. V. Practice of English-language intercultural communication / V. V. Kabakchi. St. Petersburg: Soyuz, 2001. 480 p. (In Russ.)
3. Speaking Focus. English for Law Enforcement Professional: educational and methodical manual / Yu. A. Koshevarova, E. V. Popova. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian, 2014. 71 p. (In Russ.)
4. English for law enforcement officers ensuring the protection of public order during the SCO and BRICS summits (English for Law Enforcers Maintaining Public Order during the SCO and BRICS): textbook / F. R. Imamutdinova, D. A. Galieva, E. A. Petrova, E. V. Popova. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian, 2015. 48 p. (In Russ.)
5. Bezzemel'naya O. A. Formation of the foundations of foreign language communicative competence // Actual problems of the state and society in the field of ensuring human and civil rights and freedoms. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. No. 19-5. P. 138–142. (In Russ.)
6. Bezzemel'naya O. A. The use of modern information and communication technologies in teaching foreign language communication // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. No. 4 (66). P. 102–107. (In Russ.)

7. Shuman E. V. Opportunities and prospects of intercultural communication in German at school / URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/101> / (date of access: 23.06.2022). (In Russ.)
8. Vaisburd M. L. The use of educational and speech situations in teaching oral speech in a foreign language: textbook for conducting a special course on teaching foreign language communication in the system of advanced training of teachers / M. L. Vaisburd. M.: Titul, 2001. P. 16–121. (In Russ.)
9. English for Law Enforcement / Charles Boyle & Ileana Chersan. Macmillan Publishers, 2018. (In Russ.)
10. Khutorskoy A. V. Competence approach in training: scientific and methodological manual. M., 2013. 73 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Безземельная О. А., без ученой степени;
Баишева З. В., доктор филологических наук, доцент.

Information about the authors:

Bezzemel'naya O. A., no academic degree;
Baisheva Z. V. Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1:276'6:34

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК БАЗОВЫЙ КОНСТРУКТ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Юлия Александровна Воронцова¹, Дина Аслямовна Галиева²,
Елена Юрьевна Хорошко³

^{1,3} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия

¹vorontsova73@mail.ru, ³e-letto@mail.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, galieva_dina@mail.ru

Аннотация. В статье подчеркивается, что изучение российской правовой системы с точки зрения воздействия (взаимодействия) субъектов при помощи языковых средств весьма актуально; характеризуется правовая коммуникация как функциональный элемент юридической системы общества; описывается юридический текст как базовый конструкт правовой коммуникации; делается акцент на коммуникативном понимании права как одном из аспектов раскрытия феномена сущности права и предлагается рассматривать стратегию создания текста как продукт ситуации с учетом различных факторов, в том числе языковых. Авторы отмечают, что правовой текст, выступающий единицей речевой, коммуникативной системы, имеет специфические прагматические и функциональные черты, и приходят к выводу, что подобные тексты подчиняются текстовой норме, то есть отвечают требованиям структурирования совокупности языковых единиц в соответствии с речевой ситуацией в целях обеспечения максимального эффекта правовой коммуникации.

Ключевые слова: правовая коммуникация, юридический (правовой) текст, речевое взаимодействие, функция должностования

Для цитирования: Воронцова Ю. А., Галиева Д. А., Хорошко Е. Ю. Юридический текст как базовый конструкт правовой коммуникации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 168–175.

Original article

LEGAL TEXT AS BASIC CONSTRUCT OF LEGAL COMMUNICATION

Julia A. Vorontsova¹, Dina A. Galieva², Elena J. Khoroshko³

^{1,3} Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia

¹vorontsova73@mail.ru, ³e-letto@mail.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, galieva_dina@mail.ru

Abstract. The article emphasizes that the study of the Russian legal system in terms of the impact (interaction) of subjects with the help of linguistic means is very relevant; legal communication is characterized as a functional element of the legal system of society; the legal text is described as a basic construct of legal communication; emphasis is placed on the communicative understanding of law as one of the aspects of revealing the phenomenon of the essence of law and it is proposed to consider the strategy of creating a text as a product of the situation, taking into account various factors, including linguistic ones. The authors note that the legal text, which is a unit of the speech, communicative system, has specific pragmatic and functional features, and come to the conclusion that such texts comply with the textual norm, that is, they meet the requirements for structuring the totality of language units in accordance with the speech situation in order to ensure maximum effect of legal communication.

Keywords: legal communication, legal text, speech interaction, function of obligation

© Воронцова Ю. А., Галиева Д. А., Хорошко Е. Ю., 2022

For citation: Vorontsova J. A., Galieva D. A., Khoroshko E. J. Legal text as basic construct of legal communication // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 168–175.

Понятие «правовая коммуникация» сегодня целесообразно рассматривать в контексте требований, предъявляемых к современному обществу, что в значительной мере связано с особенностями сложного многофакторного и многоаспектного процесса коммуникации в целом, который представляет собой взаимодействие субъектов с их целевыми установками, выбором содержания и способов осуществления совместной деятельности. В связи с этим правовая коммуникация на протяжении последних десятилетий остается в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей и является предметом научных дискуссий. Рассмотрению понятия правовой коммуникации и ее сущностной стороны посвящены работы О. О. Айвазян, М. В. Антонова, С. И. Архипова, А. Громицариса, В. В. Денисенко, А. А. Дорской, В. Кравица, А. А. Кукушкиной, П. В. Лушников, Р. Р. Палехи, А. А. Парфёнова, А. В. Полякова, Е. А. Романовой, Е. Ф. Усмановой, К. Федделера, Н. Г. Храмовой, И. Л. Честнова и др. А. В. Поляков – один из первых и авторитетных разработчиков теории и практики правовой коммуникации – определяет ее следующим образом: «правовое взаимодействие между субъектами, возникающее на основе социальной интерпретации правовых текстов как предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении» [1, с. 9–10].

Изучение и описание на общетеоретическом, а также практическом уровне специфики правовой коммуникации в настоящее время являются актуальным аспектом при рассмотрении в целом российской правовой системы, так как «правовая коммуникация является органично встроенной в сложно-организованный механизм правового воздействия, а его взаимосвязанные элементы, в которых главное место занимает человек как преобразователь социально-правовой действительности, обеспечивают беспере-

бойное функционирование этого значимого механизма» [2, с. 229].

Особый интерес к вопросам правовой коммуникации обусловлен целым рядом факторов. Анализ разнообразных аспектов правового общения является важным, так как «применение знаний теории коммуникации и правовой герменевтики могут дать новое представление о взаимодействии участников правовой коммуникации, повысить эффективность правового воздействия, снизить затраты на воплощение в жизнь правовых предписаний» [3, с. 376]. Вместе с тем «правовая коммуникация общества и государства является, с одной стороны, условием недопущения кризисных явлений в праве, а с другой, – способом их преодоления» [4, с. 127].

Основная роль правовой коммуникации в сфере права – это выполнение различных социальных функций: во-первых, усиление или ослабление существующего уровня правового общения, то есть влияние на доминирующие или формирующиеся взгляды; во-вторых, изменение правового общения, то есть кардинальная смена взглядов субъектов правовой коммуникации; в-третьих, формирование уровней правового общения, при этом обеспечение влияния на сознание и правовое общение с целью создания «положительной» установки, отвечающей социальным нормам и гармонирующей с ценностями, признаваемыми в той или иной социальной группе, устраняющей негативные последствия (отрицание права, безразличие к праву, неуважение закона и т. п.).

Эффективность правовой коммуникации напрямую связана с качественной организацией процесса общения, при этом в процессе обмена правовой информацией важен как содержательный процесс взаимодействия, влияние субъектов коммуникации друг на друга, так и другие факторы. В основе такого общения находится правовой текст, который представляет собой «систему знаков (знаковый комплекс), интерпретация

которых создает определенный правовой смысл (правовое означаемое), направленный на регулирование поведения субъектов путем определения их правомочий и правобязанностей» [1, с. 9]. Данный процесс представляет собой сложное взаимодействие, в котором устанавливается и поддерживается контакт между участниками коммуникативного акта (отправителями информации и воспринимающими эту информацию) с целью достижения целей. Приближение и реализация коммуникативной цели с помощью различных (в том числе речевых) средств в процессе взаимодействия двух субъектов возможно при согласованной, слаженной деятельности: речевой – одного субъекта и реакции на нее другого.

Очевидно, что правовая коммуникация является достаточно сложной системой и не сводится к наличию и характеристике ее структурных элементов. Коммуниканты, независимые друг от друга лица, имеющие права и обязанности, вступают в правовую коммуникацию, обмениваясь правовой информацией, решая различные задачи, отстаивая свои права и т. д., на основе общих правовых принципов, установленных правовых норм, соблюдая закрепленный юридически порядок (юридические процедуры) [5, с. 17–18]. Компоненты правовой коммуникации создают устойчивые связи, обеспечивая тем самым ее целостность, которую сохраняют даже под влиянием внешних факторов. Вместе с тем для осуществления успешной правовой коммуникации необходимо предвидеть результаты воздействия / взаимодействия, а также учитывать различные «эффекты», возникающие в процессе общения. Специфическим признаком системы правовой коммуникации являются юридические связи, которые выражаются в языковом оформлении. Языковой компонент представляется неким проявлением человеческого сознания в современном обществе, который также соединяет обыденность с законодательно закрепленными нормами и правилами государственного устройства [6, с. 78]. Конечным результатом стратегического планирования такой деятельности яв-

ляется правовой текст, который опосредует правовую коммуникацию. При этом важным его свойством является идентичность понимания правовой информации субъектами правовой коммуникации, изложенной в тексте. Юридический текст – это базовый конструкт правовой коммуникации, поскольку он создает основной смысловой фундамент.

Таким образом, ключевым, информативным элементом всего пространства правовой коммуникации является текст, определяемый: как «знаковый феномен, система созданных культурой знаков» [7, с. 78]; как «любое правовое явление» [8, с. 58]; как «текст, содержащий правовую информацию» [9, с. 70]; как «сообщение, содержащее правовую информацию, объективированное в виде официального письменного документа, имеющее модальный характер и прагматическую установку, и состоящее из определенных единств, которые включают в себя разные типы лексической, грамматической и логической связи» [10, с. 7] и др.

Юридический текст, имеющий специфические прагматические и функциональные черты, выступает единицей речевой, коммуникативной системы и характеризуется многомерностью и многоаспектностью. Текст права отличается своеобразием, предопределенным во многом особенностями сферы общения, в которой он функционирует. Своеобразие юридического текста состоит в преобладании в его смысловой структуре волеизъявления. Юридический текст, в основе которого лежит язык закона, многогранен, что обусловлено прежде всего тем, что он обращен не только к профессионалам в данной области, но и к различным категориям населения. Для специалиста это должно быть точное, терминологически верное сообщение, а для гражданина – доступное, ясное и понятное. Именно такое соотношение позволяет юридическим текстам выполнять основную функцию языка в этой сфере общения – функцию долженствования. Итак, специфичность юридического текста определена, во-первых, особой функцией права (воздействие, регулирование, долженствование), во-вторых, обращением не только к

профессионалам в данной области, но и к различным категориям граждан (рассчитан на широкий круг адресатов) и требует соответствующего языкового воплощения. Этим и объясняются лингвостилистические особенности юридических текстов.

Юридический текст содержит правовую информацию, исходящую от государства и представляющую собой отражение правового регулирования общественных отношений, а также упорядочение поведения граждан. Безусловно, подобные тексты подчиняются текстовой норме, то есть отвечают требованиям структурирования совокупности языковых единиц в соответствии с речевой ситуацией в целях обеспечения максимального эффекта правовой коммуникации. В связи с тем, что юридический текст имеет особую функцию воздействия (регулирование, долженствование), необходима особая форма передачи данной информации, то есть особые языковые средства. О. А. Хазова подчеркивает, что «юридическое письмо обладает спецификой, и при работе над юридическим текстом требуется соблюдение специальных правил, которые позволяют создать качественный документ» [11, с. 11].

В современной правовой коммуникации исследования направлены на рассмотрение языка как инструмента речевого воздействия, с помощью которого регулируются общественные отношения. Языковые пласты, используемые в правовой коммуникации, характеризуются разнородностью по своему составу: терминология, специальная лексика, профессионализмы, разговорная лексика и т. д. Именно лингвокоммуникативный анализ текста позволяет рассмотреть дополнительные аспекты процесса функционирования правовой коммуникации.

Вся характерная для юридического текста совокупность языковых средств обеспечивает реализацию основной его цели – упорядочение отношений между гражданами. Язык юридических текстов отличается с точки зрения содержания в плане языкового оформления тщательным отбором речевых средств. В связи с этим А. А. Парфёнов предлагает ввести понятие правовой комму-

никативной компетенции, которую он определяет как «систему знаний, позволяющих кому-либо эффективно использовать язык для понимания и формулирования правовых текстов, а также умение фактически использовать данную систему знаний для правовой коммуникации» [12, с. 10].

Для юридического текста в целом характерна четкая текстовая форма, особые графические выделения значимых компонентов, жесткая кодификация правил построения текста и использования языковых средств. Юридический текст – это целостное речевое произведение, поэтому при анализе в культурно-речевом аспекте следует учитывать как экстралингвистические, так и лингвистические его особенности. Данный продукт коммуникативно-речевой деятельности представляет собой сложное структурно-семантическое единство, при этом экстралингвистические факторы обуславливают организацию смысловой структуры текста, его языковые особенности. Статичный юридический текст обслуживает различные типы правового дискурса, которые выделяются на основе связи права и коммуникативной деятельности: законодательный, судебный, административный, адвокатский, документный, полицейский, юридический и др. Такая типология обусловлена широким спектром рассматриваемых проблем, оказывающихся в поле зрения субъектов правовой коммуникации. Тематическое многообразие инкорпорирует разные виды юридических текстов, классификация которых достаточно разнообразна. Юридические тексты представлены как в устной (обвинительные и оправдательные речи судей, вступительные и заключительные речи адвокатов и т. д.), так и письменной (тексты законов, определения судов, письменные показания свидетелей и др.) форме. Вместе с тем все они, используя ресурсы различных стилей речи, отличаются содержательно-тематической общностью.

Приведем некоторые примеры для иллюстрации жанрового разнообразия юридического пространства.

1. Статья 18. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно дей-

ствующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (Конституция Российской Федерации).

2. Огласив протокол об административном правонарушении, заслушав объяснения Шокова А. Б. и исследовав письменные материалы дела, мировой судья приходит к выводу о наличии в бездействии Шокова А. Б. состава административного правонарушения, предусмотренного <...> (фрагмент постановления по делу об административном правонарушении).

3. Объект «талон серии АВ № 010754» представлен на экспертизу в конверте коричневого цвета, размером 227×160 мм. Количество и наименование объектов, поступивших на экспертизу, соответствуют их перечню в постановлении следователя о назначении экспертизы <...> (фрагмент заключения эксперта по результатам исследования документов для установления последовательности выполнения их реквизитов).

4. Судья: В прошлом судебном заседании суд обязал истца представить подлинники документов.

Адвокат: Да, уважаемый суд. Мы готовы сейчас передать оригиналы.

Судья: Пожалуйста.

Адвокат: Пожалуйста, уважаемый суд. Это подлинники квитанций, платежные поручения, расписки.

Судья: Хорошо, какие-то документы еще будете предоставлять?

Истец (обращаясь к адвокату): У нас же еще соглашения...

Адвокат: Да, Уважаемый суд! Мы бы хотели также предоставить копии дополнительных соглашений. Если потребуются оригиналы, готовы также предоставить <...> (фрагмент стенограммы заседания суда).

5. Чтобы себя обезопасить, я присматривала через глазок своей входной двери за квартирой Петровых до самого приезда Кирилла. В это время никто не входил и не выходил из их квартиры. На лестничной пло-

щадке вообще никто до прибытия Кирилла не появлялся. После того, как он приехал, я вышла к нему. Мы подошли к его квартире. Кирилл толкнул ее (их дверь открывается вовнутрь), и оказалось, что входная дверь в его квартиру открыта. Я предложила ему войти в квартиру вместе. Он согласился. Мы вошли внутрь, Кирилл заметил, что пропали его личные вещи и сразу позвонил в полицию. Ни я, ни Кирилл Петров ничего в квартире не трогали до самого приезда полицейских. Полицию мы ждали с ним на лестничной площадке <...> (фрагмент протокола допроса свидетеля).

Несмотря на жанровое и языковое разнообразие, все тексты объединяют единые требования, так как правовая коммуникация считается санкционированной деятельностью. Текст правовой коммуникации (правовой текст, юридический текст, то есть текст, содержащий правовую информацию) подчиняется определенным стандартам, характеризуется специфическими структурными, семантическими, коммуникативно-прагматическими особенностями, что обусловлено основным назначением права – быть регулятором общественных отношений, то есть «регламентировать поведение адресатов посредством предписаний. Деятельность по предписанию осуществляется как указание на юридическую ответственность, наступающую при определенных обстоятельствах и условиях (например, в кодексах), или как установление порядка и способа выполнения действия (например, в конституции или международных договорах), или требование выполнения тем или иным должностным лицом необходимых действий (например, в приказах)» [13, с. 51]. Таким образом, юридический текст подчиняется текстовой норме, то есть отвечает требованиям структурирования совокупности языковых единиц в соответствии с речевой ситуацией в целях обеспечения желаемого коммуникативного эффекта.

Для поддержания функционирования общества в целом необходимы предсказуемые, обязательные принципы поведения. Это обеспечивается функционированием

правовой системы. Положения нормативных правовых текстов содержат нормы права, которые в первую очередь налагают права и обязанности на субъекты права. Тексты являются элементами юридической деятельности и как таковые выполняют определенную функцию в рамках применения права. Создание и функционирование юридических текстов подчиняется определенным правилам, которые можно вывести из специфики предметной области. В частности, это определение цели, выбор терминологии и собственно продуцирование текста в зависимости от задействованных юрисдикций, при этом соблюдение стилистической, лексико-семантической и грамматической организации правового текста.

Стратегию создания текста в правовой коммуникации следует рассматривать как продукт ситуации с учетом различных факторов. Законодательство, принимаемое государственным органом, в основном содержит правовые нормы, которые регулируют поведение человека, заставляя людей совершать определенные действия (бездействия). Общие руководящие принципы для любого юридического текста – это обеспечение правовой прозрачности, ясности, доступности и определенности целевого текста. При этом правовая коммуникация характеризуется императивностью, санкционированностью, принудительностью,

а эти свойства определяют выбор лексико-грамматических единиц. В юридическом тексте действует особая система правил употребления лексических, стилистических и грамматических единиц, обеспечивающих выполнение юридических требований к тексту.

Таким образом, изучение российской правовой системы с точки зрения воздействия (взаимодействия) субъектов при помощи языковых средств весьма актуально. Осуществление комплексной характеристики правовой коммуникации продиктовано практическими требованиями профессиональной деятельности органов внутренних дел. В трудах ученых, которые занимаются разработкой идей функционирования языка в юридической сфере, обосновано, что право невозможно вне социальной коммуникации; условием правогенеза является не возникновение государства, а формирование психосоциокультурных реалий, имеющих коммуникативную направленность, в которых находят свою объективацию правовые тексты, правовые нормы и правовые отношения, порождаемые интересубъективной (коммуникативной) деятельностью членов социума [1, с. 9]. Текстовая деятельность, являясь основой правовой коммуникации, обеспечивает эффективное взаимодействие между участниками институционального общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002. 94 с.
2. Палеха Р. Р. Правовая коммуникация в механизме правового воздействия. // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 225–229.
3. Лушников П. В. Правовая коммуникация и ее участники: теоретический аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. № 3. С. 369–378.
4. Дорская А. А. Правовая коммуникация общества и государства как способ преодоления кризисных явлений в российском праве: историко-правовой анализ // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 123–127.
5. Формирование правовой грамотности и правовой коммуникации: теория и практика: монография / Ю. В. Гаврилова, Ю. В. Куракина, Н. Н. Маслова, Е. В. Питько, А. В. Половникова, А. А. Сорокин, Н. С. Шутикова. М.: Книгодел, 2022. 216 с.

6. Айвазян О. О., Кукушкина А. А. Концепции правовой коммуникации как детерминанты коммуникативно-правовой культуры молодежи в разрезе социологической науки // Гуманитарий Юга России. 2021. Том. 10. № 2. С. 68–82.
7. Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции: учеб. для вузов по направлению и специальности «Юриспруденция». Казань: Изд-во Казан. ун-та: Центр экспертизы и маркетинга Казан. гос. ун-та, 1995. 300 с.
8. Малинова И. П. Философия правотворчества. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1996. 146 с.
9. Прохорова О. А. Структурные и прагматические особенности директивного текста (на материале юридических документов древнеанглийского периода): дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 21 с.
10. Широбокова Л. П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.
11. Хазова О. А. Искусство юридического письма. М.: Изд-во Юрайт, 2015. 103 с.
12. Парфёнов А. А. О правовой коммуникативной компетенции // Право и политика. 2019. № 2. С. 1–13.
13. Лобашевская И. С. Средства выражения коммуникативно-прагматического значения в официально-деловой речи // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 49–63.

REFERENCES

1. Polyakov A. V. The communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification): dis. ... Dr. jurid. Sciences in the form of a scientific report. SPb., 2002. 94 p. (In Russ.)
2. Palekha R. R. Legal communication in the mechanism of legal influence. // Legal communication of the state and society: domestic and foreign experience: proceedings of the international scientific conference (Voronezh, September 11–12, 2020). Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2020. P. 225–229. (In Russ.)
3. Lushnikov P. V. Legal communication and its participants: theoretical aspect // Bulletin of the Udmurt University. Series “Economics and Law”. 2019. № 3. P. 369–378. (In Russ.)
4. Dorskaya A. A. Legal communication of society and the state as a way to overcome the crisis in Russian law: historical and legal analysis // Legal communication of the state and society: domestic and foreign experience: proceedings of the international scientific conference (Voronezh, September 11–12, 2020). Voronezh: SCIENCE UNIPRESS, 2020, P. 123–127. (In Russ.)
5. Formation of legal literacy and legal communication: theory and practice: monograph / Yu. V. Gavrilo-va, Yu. V. Kurakina, N. N. Maslova, E. V. Pitko, A. V. Polovnikova, A. A. Sorokin, N. S. Shutikova. M.: Knigodel, 2022. 216 p. (In Russ.)
6. Aivazyan O. O., Kukushkina A. A. Concepts of legal communication as determinants of the communicative and legal culture of youth in the context of sociological science // Humanitarian of the South of Russia. 2021. Vol. 10. No. 2. P. 68–82. (In Russ.)
7. Gubaeva T. V. Literature in jurisprudence: textbook. for universities in the direction and specialty “Jurisprudence”. Kazan: Kazan University Publishing House: Center for Expertise and Marketing of Kazan State University, 1995. 300 p. (In Russ.)
8. Malinova I. P. Philosophy of lawmaking. Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 1996. 146 p. (In Russ.)
9. Prokhorova O. A. Structural and pragmatic features of the directive text (on the material of legal documents of the Old English period): dis. ... cand. philol. sciences. Krasnoyarsk, 1999. 21 p. (In Russ.)
10. Shirobokova L. P. Legal texts: the experience of grammatical and typological research (on the example of German and Russian languages): abstract of the thesis. ... cand. philol. sciences. M., 2007. 19 p. (In Russ.)
11. Khazova O. A. The art of legal writing. M.: Yurait Publishing House, 2015. 103 p. (In Russ.)
12. Parfenov A. A. On legal communicative competence // Law and Politics. 2019. No. 2. P. 1–13. (In Russ.)
13. Lobashevskaya I. S. Means of expressing communicative and pragmatic meaning in official business speech // Bulletin of KRAUNC. Humanitarian sciences. 2007. No. 2. P. 49–63. (In Russ.)

Информация об авторах:

Воронцова Ю. А., кандидат филологических наук, доцент;
Галиева Д. А., кандидат филологических наук, доцент;
Хорошко Е.Ю., кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors:

Vorontsova J. A., Candidate of Philology, Associate Professor;
Galieva D. A., Candidate of Philology, Associate Professor;
Khoroshko E. J., Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.

РОЛЬ АУТЕНТИЧНОГО ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Валентина Викторовна Гузикова

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, guzikovav@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о практическом применении иностранного языка в условиях развития современного образовательного процесса высшей школы. Последовательное совершенствование системы высшего образования дало начало разработке и реализации инновационных методов и технологий, которые могут успешно и эффективно сочетаться с традиционной методикой и интегрироваться в процесс обучения иностранным языкам для специальных целей в неязыковых образовательных организациях при подготовке специалистов в сфере правоохранительной деятельности. Аутентичный песенный материал, музыкальный ритм оказываются благоприятным механизмом воздействия на повышение мотивации обучающихся, качественного усвоения профессионально ориентированных тем учебной дисциплины «Иностранный язык», поскольку это ведет к последовательному развитию навыков речевой деятельности обучающихся, их креативных и когнитивных способностей, а также влияет на снижение эмоциональной напряженности при усвоении иностранного языка. Технология обучения иностранному языку посредством песенного материала имеет твердую теоретическую базу, основанную на трудах как отечественных лингвистов и методистов, так и специалистов из-за рубежа. Автором представлены некоторые приемы реализации рассматриваемого подхода на практических занятиях по иностранному языку в образовательной организации системы МВД. Делается вывод о том, что правильное и целенаправленное применение методики при работе с песенным аутентичным материалом на практических занятиях иностранного языка приводит к развитию всех аспектов языка.

Ключевые слова: песня, аутентичный материал, инновационный метод, иностранный язык для специальных целей, профессионально ориентированная тема, мотивация, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Гузикова В. В. Роль аутентичного песенного материала в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 176–182.

Original article

THE ROLE OF AUTHENTIC SONG MATERIAL IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Valentina V. Guzikova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Yekaterinburg, Russia, guzikovav@mail.ru

Abstract. The article deals with the practical application of a foreign language in the conditions of the development of the modern educational process of higher education. The consistent improvement of the higher education system has given rise to the development and implementation of innovative methods and technologies that can be successfully and effectively combined with traditional methods and integrated into the process of teaching foreign languages for specific purposes in non-linguistic educational institutions when training specialists in the area of law enforcement. Authentic song material, musical rhythm turn out to be a favorable mechanism of influence on increasing the motivation of students, high-quality acquisition of professionally oriented topics of the discipline “Foreign Language”, since this leads to the consistent development of stu-

dents' speech activity skills, their creative and cognitive abilities, and also affects the reduction of emotional tension when learning a foreign language. The technology of teaching a foreign language through song material has a solid theoretical basis built on the works and papers of domestic linguists and methodologists, as well as specialists from abroad. The author presents some methods of implementing the approach in question in practical classes in a foreign language in an educational organization of the Ministry of Internal Affairs system. It is concluded that the correct and purposeful application of the methodology when working with authentic song material in foreign language practical classes leads to the development of all aspects of the language.

Keywords: song, authentic material, innovative method, foreign language for specific purposes, professionally oriented topic, motivation, intercultural communication

For citation: Guzikova V. V. The role of authentic song material in teaching a foreign language in a non-linguistic university // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 176–182.

Процесс глобализации оказывает влияние на все сферы жизни в современном мире, включая систему образования. Как результат происходит смещение акцентов в области изучения и преподавания иностранных языков, возрастает их роль при интеграции систем образования различных стран и формировании единого международного рынка труда.

Методисты, занимающиеся вопросами преподавания иностранного языка, совместно со специалистами в сфере межкультурной коммуникации считают языковое образование основным потенциалом социально-экономических изменений в государстве, одним из важных компонентов успешной жизни и деятельности индивида в поликультурном и многонациональном сообществе людей, а также фактором, который способствует культурно-интеллектуальному развитию и воспитанию личности. Такие исследователи, как Е. И. Пассов, Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, С. Г. Тер-Минасова, И. А. Цатурова, М. Н. Ветчинова и др. неоднократно рассматривали различные методические и лингвистические аспекты данных проблем.

В современных условиях развития общества целью процесса обучения в неязыковом вузе является качественная подготовка специалиста высокого класса, который обладает компетентностью, ответственностью, владением профессиональными навыками и умеет работать с иноязычной информацией.

Исследователь Е. В. Рощина отмечает, что учебная дисциплина «иностраный язык» в рамках системы высшего образования имеет ряд важных функций, которые в конечном итоге приводят к формированию

соответствующих профессиональных навыков. Кроме того, повышается интерес к данной профессии, а также стремление «получить знания по возможно большему количеству коммуникационных каналов, одним из которых в таком случае становится владение иностранным языком, обеспечивающее возможность знакомства с достижениями в профессиональной области за рубежом» [1, с. 5].

Профессионально ориентированное обучение основано на учете потребностей обучающихся в изучении иностранного языка, которые неразрывно связаны с особенностями будущей профессиональной деятельности. В этом случае предполагается сочетание владения иностранным языком на общем уровне, развития личности каждого обучающегося и познания иноязычного культурного наследия с приобретением специальных навыков и умений с опорой на знания как избранной профессии, так и лингвистики [2, с. 114].

Использование песенного материала на практических занятиях иностранного языка не относится к категории новых методов и техник. Некоторые преподаватели, работающие в неязыковых образовательных организациях, считают этот методический прием несерьезным и бесполезным, особенно в то время, когда происходит постоянное сокращение общего количества часов, отводимых на изучение профессионально ориентированных тем в рамках дисциплины «иностраный язык». Однако существует иная точка зрения по данному вопросу. Мои коллеги придерживаются позиции того, что при обучении иностранному языку с применением музы-

кального материала происходит активизация различных языковых аспектов, эффективно влияющих на учебный процесс в целом.

Вслед за Ю. Е. Плотницким рассмотрим следующие аспекты методики работы с песенным материалом при обучении иностранному языку [3, с.159]:

1. Фонетический аспект. Песенный материал на занятиях иностранного языка способствует формированию правильных навыков иноязычного произношения, развитию музыкального слуха у обучающихся. Прослушивание и разучивание коротких и нетрудных песен с неоднократными повторами играют неocenимую роль в процессе закрепления необходимой иноязычной артикуляции специфических звуков, ритмических особенностей, речевого темпа, правил тактового и фазового ударения и т. д.

2. Лексический аспект. Песня как одна из разновидностей речевого дискурса представляет способ прочного усвоения и расширения словарного запаса, поскольку содержит новые слова и фразы, употребленные в той или иной рифме. Обучающиеся встречаются в песенных текстах со знакомыми лексическими единицами, употребленными в новом контексте. Этот фактор служит активизации данной лексики в подобных иноязычных речевых ситуациях.

3. Грамматический аспект. Практический опыт показывает, что использование иноязычных песен помогает лучшему и эффективному усвоению различных конструкций в плане грамматического строя изучаемого иностранного языка.

4. Синтаксический аспект. Произведения музыки, включая песенные композиции, играют значительную роль в формировании и совершенствовании навыков и умений выражения своих мыслей на иностранном языке в форме подготовленной или спонтанной живой речи. Иначе говоря, данный материал может представлять базу для совершенствования речемыслительной деятельности обучающихся в процессе обучения иностранному языку.

5. Культурологический аспект. Роль текстов страноведческого характера, изучаемых

на практических занятиях по иностранному языку, важна, поскольку они оказывают определенное воздействие на психологические свойства личности обучающихся, способствуя развитию их интеллектуальных способностей и увеличению объема памяти. Элемент лингвострановедения, входящий в содержание лирического материала, воздействует на эмоциональную сферу индивида, а также стимулирует его образно-ассоциативную мыслительную деятельность. Песня как носитель информации культурологического характера формирует и обогащает нравственно-духовную культуру обучающихся.

6. Эстетический аспект. Песенные композиции помогают воспитанию эстетического характера подрастающего поколения, т. е. обучающиеся имеют хорошую возможность расширить свой кругозор в области музыкального искусства, сформировать положительный вкус художественного восприятия действительности.

7. Психологический аспект. Музыкально-песенные композиции способствуют созданию благоприятной психологической атмосферы и уменьшению уровня стресса и неуверенности в своих способностях по овладению иностранным языком, помогают укрепить и сплотить коллектив учебной группы, приводя к всестороннему проявлению творческих наклонностей и таланта каждого обучающегося. Включение музыкальных произведений в содержание занятий иностранного языка предоставляет возможность выявить нераскрытые ранее способности обучающегося, повысить мотивацию к дальнейшему изучению иностранного языка, превращая его в интересный и эффективный процесс всестороннего познания и восприятия событий современного мира. Песенный материал – эмоционально насыщенный, полезный способ обучения любому иностранному языку, поскольку песни являются короткими, законченными текстами, обладающими конкретным смыслом, легко «прокручиваются» в голове, что содействует механическому повторению и закреплению лексических единиц и грамматических структур по изучаемой теме [4, с. 29].

Исходя из опыта работы в образовательной организации системы МВД России, можно заметить, что аутентичные песни играют особую роль в плане развития речевого и социокультурного компонентов коммуникативной компетенции обучающихся на продвинутом этапе изучения иностранного языка.

Ряд исследователей выделяют наиболее важные особенности оригинального текста с методической точки зрения. Они включают следующие параметры:

- дискурсивная направленность, т. е. связь текстового материала с аутентичной прагматической ситуацией;
- целостность текста в плане содержания и формы (структурная аутентичность);
- разнообразие лексических единиц (лексико-идиоматическая аутентичность);
- присущая экспрессивность, употребление соответствующих грамматических оборотов и конструкций изучаемого иностранного языка при отсутствии схожих элементов в родном языке (грамматическая аутентичность);
- подбор средств языка в соответствии с ситуацией общения (функциональная аутентичность) [5; 6].

Аутентичные песни содержат важные элементы, которые несут одновременно информацию и смысл, заложенный в конкретном музыкальном произведении. Данные компоненты включают как лингвистические параметры в виде слов, фраз и выражений, предложений, фразеологических оборотов, метафор, так и экстралингвистические показатели, выраженные в сюжетной линии, внутреннем смысле, в авторском образе и персонажах, в национальных колоритах, которые представляют особую значимость в процессе освоения иностранного языка и культуры. А. А. Иванов отмечает, что аутентичный материал является отражением живой речевой деятельности, таким же образом информация, содержащаяся в тексте, воспринимается как более достоверная, что способствует активному обмену мнениями и впечатлениями, совершенству коммуникативной деятельности [7, с. 60.].

На занятиях иностранного языка на продвинутом этапе обучения в неязыковой образовательной организации целесообразно использовать различный аутентичный песенный материал: народные песни, эстрадные композиции, патриотические песни, современные песни и др.

Итак, главными критериями отбора аутентичных песен, которые следует включить в программу профессионально ориентированного обучения иностранному языку, являются временной период, прецедентность и актуальность.

Исходя из педагогического опыта преподавания иностранного языка в образовательной неязыковой организации, можно предложить основной план работы, который может быть использован с любой песней.

1. Прослушайте песню.

Важно помнить, что это должно быть увлекательное занятие; не делайте его слишком серьезным или скучным. В качестве альтернативы можно показать видеоклип, если он имеется, так как он будет учитывать предпочтения большего числа обучающихся. Далее следует спросить обучающихся, слышали ли они данную песенную композицию раньше, и не стоит перегружать их заданиями на этом этапе; просто нужно позволить им наслаждаться музыкой.

2. Задайте несколько вопросов о названии.

Вот несколько примеров типов вопросов, которые можно задать:

Для классической песни группы “Queen” “We are the champions”:

- What is a champion?
- What kinds of champions are there in the world?
- What activities do champions have?

Работая с песней “Drugs don’t work” (the Verve), преподаватель может подготовить ряд вопросов, касающихся содержания данной песенной композиции, как например:

- Who do you think the singer is singing to?
- How does the composer feel?
- How would you explain this line: Like a cat in a bag waiting to drown?

– Does he need someone to give him support? Explain.

– What are you feeling when listening to this song?

Такие вопросы, как правило, очень хорошо работают в качестве начала разговора, поэтому есть смысл объединить трех или четырех обучающихся вместе, а затем получить обратную связь от каждой группы об их мыслях. Если существует уверенность в успехе, следует сделать это своим первым шагом, то есть до первоначального прослушивания.

Кроме того, перед прослушиванием песни преподаватель может предложить своим обучающимся выучить пару слов и дать простое задание для первого прослушивания. Одна из эффективных стратегий – дать три или четыре слова из песни и попросить их прислушаться к словам, которые рифмуются с ними. В дополнение к этому можно провести мозговой штурм возможных рифм, прежде чем слушать.

3. Прослушайте песню еще раз с использованием текста.

На этот раз необходимо дать обучающимся возможность прочитать текст песни. На этом этапе целесообразно выполнить одно или несколько из следующих действий:

1. Обучающиеся могут просто читать тексты песен, пока они слушают. Возможно, они могут выделить неизвестные слова для последующего обсуждения.

2. Преподаватель может предложить специальный лист текста песни с пропуском некоторых слов и фраз; обучающиеся заполняют пробелы во время прослушивания.

3. Преподаватель может приготовить вырезанные полоски из выбранных пропущенных слов и снова сделать лист с песенным текстом в качестве заполнения пробелов; на этот раз обучающиеся сопоставляют полоски слов с пробелами во время прослушивания.

4. Сосредоточьтесь на конкретном глагольном времени или аспекте грамматики.

Практически каждая песня сосредоточена на определенном глагольном времени. Это является хорошей возможностью,

чтобы объяснить использованный элемент грамматики. Рекомендуется начать с таких вопросов, как эти:

– How many examples can you find of the past simple in the lyrics?

– Why did the writer of this song choose this verb tense?

Это служит трамплином для обсуждения функции конкретного времени, а также для изучения его формы. Кроме того, он часто имеет тенденцию повышать осведомленность о грамматической гибкости и поэтической вольности в построении текстов песен. Обучающиеся часто ожидают, что песни будут подчиняться грамматическим правилам, которые им объясняли ранее. В большинстве случаев это может привести к открытию, что правила могут быть нарушены.

5. Сосредоточьтесь на лексике, идиомах и выражениях.

Выше было отмечено, что многие песни нарушают правила грамматики. Также полезно сосредоточиться на творческом и художественном использовании лексики, с которой мы сталкиваемся в текстах. Начните с таких вопросов (опять же для классической песни “Queen” “We are the champions”):

– What does “I’ve paid my dues” mean?

– What does “my share of” mean?

– What does “I’ve taken my bows” mean?

Что касается песни “Drugs don’t work” (the Verve), можно выяснить у обучающихся, как они понимают смысл следующих выражений мысли автора данной композиции:

– All this talk of getting old.

– Now the drugs don’t work и др.

Важно изучить значения, иллюстрируя их другими примерами, если это необходимо. Песни часто служат действительно хорошим контекстом для фраз и идиом, но хорошо убедиться, что смысл ясен.

6. Завершите весь процесс с использованием креативности.

Творчество является важной частью поддержания мотивации, но оно не должно ограничиваться подходом к обучению. Можно попробовать завершить работу с помощью деятельности, стимулирующей творческое мышление. Вот несколько примеров

того, что следует сделать, чтобы вдохновить обучающихся на творческое применение своих способностей:

Рекомендуется написать еще один стих, сохраняя то же настроение и стиль, как в оригинале.

1. Это может быть сделано индивидуально или в группах. Новые тексты песен могут быть представлены остальным группам. Возможно, несколько групп смогут поработать над этим, чтобы придумать совершенно новый набор текстов для всей песни.

2. Песня, как правило, дает перспективу исполнителя. Напишите ответ (это может быть абзац, т. е. не обязательно в лирической форме) с точки зрения человека, о котором поется песня, или любого другого главного героя.

3. Можно предложить обучающимся создать музыкальное видео для песни. В группах они определяют местоположение, персонажей и действия. Затем каждая группа объясняет свою идею остальным коллективам, и обучающиеся голосуют за лучшую работу. Результаты могут быть удивительными, так как они часто дают необычную интерпретацию.

4. Целесообразно сделать запись в тетради для персонажа песни. Преподаватель дает задание своим обучающимся изучить мысли и чувства, которые вдохновили историю, разыгрываемую в текстах песенных композиций.

На практических занятиях по иностранному языку в неязыковых образовательных

заведениях системы высшего образования необходимо включать различные виды песенных материалов в соответствии с программой изучения лексико-грамматических тем. Методика работы с отдельно взятым типом музыкального произведения предусматривает некоторые отличительные особенности, зависящие от множества различных факторов, как например, общий групповой уровень владения иностранным языком. Включение музыкальных композиций в процесс обучения иностранному языку в лингвистической образовательной организации способствует созданию позитивной атмосферы и новизны, повышая мотивацию обучающихся, совершенствуя их фонетические навыки.

Песни при освоении любого иностранного языка играют заметную роль. Их содержание включает различные грамматические явления и лексические единицы, которые часто встречаются в повседневной речи. Более того, песенные композиции могут знакомить обучающихся с любопытной информацией страноведческого характера, расширяя их общий кругозор.

Итак, регулярное применение методов работы с аутентичными песнями на иностранном языке при изучении профессионально ориентированных тем затрагивает в равной степени все аспекты изучаемого языка: фонетики, лексики, грамматики и синтаксиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рощина Е. В. Функции иностранного языка как учебного предмета в системе обучения в университете // Иностранные языки на неспециальных факультетах / под ред. И. С. Яворской. Л.: ЛГУ, 1978. Вып. 1. С. 3–6.
2. Образцов П. И., Иванова О. Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учебное пособие. Орел: ОГУ, 2005. 114 с.
3. Плотницкий Ю. Е. К вопросу о соотношении вербального и мелодического компонентов в текстах англоязычного песенного дискурса / Ю. Е. Плотницкий // Проблемы преподавания иностранных языков в контексте модернизации образования: сборник материалов и тезисов докладов IX Межрегиональной научно-практической конференции. Самара. 2003. С. 158–160.
4. Веселова Т. М., Вильберг Т. Е. Пой и изучай английскую грамматику: учебное пособие по английскому языку / Т. М. Веселова, Т. Е. Вильберг. Санкт-Петербург: КАРО, 2006. 144 с.
5. Носонович Е. В., Мильруд Р. П. Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе. 1999. № 1. С. 11–18.

6. Логинова Е. В. Формирование диалогизированной социокультурной компетенции на материале аутентичных песен при обучении французскому языку: дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2006. 187 с.

7. Иванов А. А. Совершенствование английской разговорной речи на основе аутентичных песенных произведений: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. 160 с.

REFERENCES

1. Roshchina E. V. Functions of a foreign language as a subject in the system of education at the university // Foreign languages in non-specialized faculties / ed. I. S. Yavorskaya. L.: Leningrad State University, 1978. Issue. 1. P. 3–6. (In Russ.)

2. Obraztsov P. I., Ivanova O. Yu. Vocational-oriented teaching of a foreign language at non-linguistic faculties of universities: textbook. Eagle: OGU, 2005. 114 p. (In Russ.)

3. Plotnitsky Yu. E. On the issue of the correlation of verbal and melodic components in the texts of English song discourse / Yu. E. Plotnitsky // Problems of teaching foreign languages in the context of modernization of education: collection of materials and abstracts of reports of the IX Interregional scientific and practical conference. Samara, 2003. P. 158–160. (In Russ.)

4. Veselova T. M., Wilberg T. E. Sing and study English grammar: a textbook in English / T. M. Veselova, T. E. Wilberg. St. Petersburg: KARO, 2006. 144 p. (In Russ.)

5. Nosonovich E. V., Milrud R. P. Parameters of an authentic educational text // Foreign languages at school. 1999. No. 1. P. 11–18. (In Russ.)

6. Loginova E. V. Formation of dialogized socio-cultural competence on the basis of authentic songs in teaching French: dis. ... cand. ped. sciences. Tomsk, 2006. 187 p. (In Russ.)

7. Ivanov A. A. Improvement of English colloquial speech based on authentic song works: dis. ... cand. ped. sciences. SPb., 2006. 160 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Гузикова В. В., кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

Guzikova V. V., Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 373.035:811.161.1'276.3-053.6

ВЛИЯНИЕ ПРОЗВИЩ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ПОДРОСТКОВ

Зульфия Абдулловна Аксютина

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, aksutina_zulfia@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс «навешивания ярлыков» через обозначение человека прозвищем. Первоначально проводится анализ понятия «прозвище». При обобщении определены основные характеристики прозвищ и исторические истоки их образования. Выявлены первые практики их формирования в социальной среде дошкольников. Используя художественные произведения, автор приводит примеры прозвищ, характерных для подростково-молодежных субкультур, на основе типологии стигм И. Гофмана. Работы Г. Яхиной и Л. Пантелеева показывают их многообразие в среде беспризорников. Важно, что в указанных произведениях используются реально существовавшие прозвища. В конце статьи представлены выводы автора, указывающие на негативные социально-педагогические последствия их присвоения. Появление прозвища может стать механизмом формирования буллинга и троллинга в подростковой среде. Данная работа может быть полезна педагогам и сотрудникам правоохранительных органов.

Ключевые слова: криминальная субкультура, подростковая субкультура, прозвище, сленг, социализация, стигматизация

Для цитирования: Аксютина З. А. Влияние прозвищ на социализацию подростков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 183–190.

Original article

INFLUENCE OF NICKNAMES ON THE SOCIALIZATION OF TEENAGERS

Zulfiya A. Aksyutina

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, aksutina_zulfia@mail.ru

Abstract. The article examines the process of “labeling” through the designation of a person by a nickname. Initially, the analysis of the concept of “nickname” is carried out. When summarizing, the main characteristics of nicknames and the historical sources of their formation were determined. The first practices of the formation of nicknames in the social environment of preschoolers are revealed. Using works of art, the author gives examples of nicknames characteristic of adolescent and youth subcultures, based on the stigma typology of I. Hoffman. The works of G. Yakhina and L. Panteleev show the variety of nicknames among street children. It is important that real-life nicknames are used in these works. At the end of the article, the author’s conclusions are presented, indicating the negative socio-pedagogical consequences of nickname assignment. The emergence of a nickname can become a mechanism for the formation of bullying and trolling among adolescents and youth. This work can be useful for teachers and law enforcement officers.

Keywords: criminal subculture, teenager subculture, nickname, slang, socialization, stigmatization

For citation: Aksyutina Z. A. Influence of nicknames on the socialization of teenagers // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 183–190.

Подростково-молодежные субкультуры отличаются тем, что в них формируется свой особый язык общения, имеющий название сленг. В филологических научных исследова-

© Аксютина З. А., 2022

дованиях подростково-молодежному сленгу уделяется значительное внимание. Так, В. В. Павловский интерпретировал молодежный и студенческий сленг [1], П. Д. Доронина выявила лингвистические особенности подросткового языка в социальных сетях [2], О. А. Бондаренко обнаружила, что СМИ стремятся использовать молодежную лексику в своих изданиях [3], Ю. В. Михайлюк построила речевой портрет подростков [4], Е. В. Щенникова выявила специфику наркоманской языковой субкультуры [5]. Среди проблем подростково-молодежного сленга особое место занимают исследования прозвищ как неофициальных личных имен в субкультуре подростков и молодежи. Т. З. Матив считает, что необходимо обращать внимание на их функционирование в речевой коммуникации, описание неофициальных личных имен в народно-речевой культуре и др. [6, с. 116].

Вместе с тем в педагогике подростковому сленгу уделяется незначительное внимание. Вследствие чего учет индивидуальных особенностей подростков происходит в ограниченном объеме. Упускаются важнейшие социокультурные особенности рассматриваемой социальной группы. Это метко отметила Н. В. Полянская, указав, что язык подростков, их языковые предпочтения имеют особое место в силу того, что отражают их мировосприятие, «обусловленное вхождением ребенка во взрослую жизнь» [7, с. 171]. Именно все эти факты указывает на актуальность исследования прозвищ как проявления сленга в подростковой субкультуре. Отметим, прозвища имеют тенденцию к замещению кличками, что уже имеет направленность на криминализацию поведенческих проявлений. Это должно вызывать внимание педагогической общественности и необходимость искоренения данного явления из подростковой среды.

Цель статьи: выявить последствия влияния прозвищ на социализацию подростков. В ходе исследования попытаемся выявить особенности использования прозвищ не с позиции языкового исследования, а в педа-

гогическом контексте, используя примеры педагогической практики и художественных произведений. Исследование будет носить межпредметный характер в силу того, что прозвища в большей мере исследуются в филологии. Опираясь на филологические исследования, труды писателей, единичные статьи педагогов, выявим сущность понятия «прозвище», причины их возникновения, механизмы реализации и др.

«Шняга», «Цезарь», «Профессор», «Жирдяй», «Пятитонка» – это лишь некоторые прозвища, которые мы встречали в подростково-молодежной среде. Отметим, называние человека осуществляется путем использования прозвища, клички, имени, названия и др.

Обратимся к анализу термина «прозвище».

Д. Н. Ушаков пишет: «Прозвище рассматривается как данное человеку в шутку или в насмешку имя нарицательное, характеризующее специфические черты того или иного человека» [8, с. 763]. Н. В. Подольская под ним понимает «...дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам» [9, с. 111]. В. К. Чичагов под прозвищем подразумевает «...слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [10, с. 5]. У С. И. Ожегова прозвище – «название, даваемое человеку по какой-нибудь характерной его черте, свойству» [11, с. 609]. В словаре В. И. Даля слово «прозвище» созвучно словам «прозывать, называть, именовать, давать назыв, название, кличку, имя, или проименовывать, давать кличку добавочную к имени, прозвание либо прозвище» [12, с. 485]. С. Л. Богомаз под прозвищем подразумевает «наименование, которое иногда дается человеку помимо настоящей фамилии и имени, указывает на какую-нибудь черту его характера, внешности, деятельно-

сти или созвучно с именем или фамилией» [13, с. 71].

Обобщая приведенные определения термина «прозвище», укажем, что прозвище – это слово, обозначающее нарицательное неофициальное имя человека, которое ему дают в замкнутом сообществе. Оно, как правило, имеет временный характер и отражает специфические черты его носителя. Понятие «прозвище» не имеет единой трактовки, что обусловлено специфическими его чертами, функциями и особенностями.

Возникновение прозвищ по мнению Г. И. Николаева и К. В. Ким происходит в любых сообществах, территориях и не зависит от времени. Авторы отмечают, что в использовании прозвищ проявляется социальное маркирование на основе выделения каких-либо особенностей человека, что способствует рассмотрению прозвищ с позиции теории стигматизации [14, с. 95]. В работе Л. М. Щетинина отмечается, что прозвище относится к достаточно древнему личному имени и отражает существенные признаки его носителя [15]. Процесс возникновения прозвищ является произвольным, хотя и обязательным для многих сообществ (пример будет приведен ниже). Это можно отнести и к разного рода субкультурам. Возникновение прозвищ ученые связывают с одноименностью и однофамильностью в конкретном населенном пункте [16]. В то же время М. М. Бахтин указывает на амбивалентность прозвищ. Он пишет: «Если именем зовут и призывают, то прозвищем скорее прогоняют, пуская его вслед, как ругательство» [17, с. 147].

Н. А. Шкуричева считает, что впервые прозвища появляются у младших школьников, что связано со стилем общения педагога с детьми [18]. Это и приводит к наложению табу на имя в детском сообществе, а далее происходит «наделение сверстников прозвищами и кличками» [18, с. 10]. Прозвище становится одной из устойчивых форм детской субкультуры, а в дальнейшем плавно перетекает в подростково-молодежную субкультуру. Хотя отметим, мы не разделяем мнение Н. А. Шкуричевой по определению

границ возникновения прозвищ в детской субкультуре. Считаем, что первые практики формирования прозвищ появляются не в младшем школьном, а в дошкольном возрасте. Так, в ходе наблюдения выявлено, что старшие дошкольники уже используют достаточно простые прозвища, схожие с обзыванием: «Нытя», «Гирой», «Котя» и т. п. Мальчик, имеющий прозвище Гирой, сочинил по этому поводу стихотворение, которое мы приводим ниже. В нем раскрыта причина появления его прозвища в детской среде. Отметим, что оно носит нарицательный характер, поэтому дети шестилетнего возраста вместо буквы Е используют И, для усиления колорита прозвища.

Когда со стула скovyрнулся,
В Гироя тут же обернулся.
Но, если б я упал с коня,
то пожалели б вы меня.

А. В. Мудрик указывает, что в субкультурах формируются специфические социально-психологические признаки, к которым относятся вкусы, нормы, стереотипы, ценности и др., что определяет стиль жизни социальных групп, а также формирование чувства «Мы» [19, с. 238]. В качестве ярких примеров использования прозвищ в подростково-молодежных субкультурах можно рассматривать воспитательно-трудоустройственные колонии, где зачастую «жестко соблюдают неписанные воровские правила, в том числе и правила, касающиеся криминальных кличек» [20, с. 243], интернаты для инвалидов, где широко распространены прозвища. Е. М. Бородин и Т. З. Демина полагают, что прозвища разнонаправлены: «... Одни прозвища вызывают обиду, так как высмеивают умственные и физические недостатки человека, другие видятся более безобидными, не вызывающими агрессию и не доставляющими человеку душевную боль» [21, с. 185]. Многие исследователи полагают, что прозвища очень метко указывают на главные качества и сущность их носителей, тем самым дается характеристика человеку. Это подтверждается и результатами исследования С. А. Домусчи, т. к. прозвища номинируют и дифференцируют характери-

стики развивающегося человека. При этом их носители скорее всего не испытывают удовольствие от их наличия [22]. Наличие прозвищ в молодежном сленге приводит к метаморфозе, указанной О. Е. Морозовой: человек «в концептосфере молодежного сленга представлен как нечто неживое» [23, с. 479].

В результате приобретения прозвища подросток становится стигматизированным или клейменным. И. Гофман определил типы стигм по критериальным показателям: наличие физического дефекта; отклонение в индивидуальном характере; родовая стигматизация [24]. Для иллюстрации этого явления воспользуемся художественными произведениями Г. Яхиной, упоминающей прозвища на основе архивных документов, и Л. Пантелеева, указавшего реальные прозвища подростков.

Прозвища литературных героев в типологии И. Гофмана по наличию физического дефекта. У Г. Яхиной, например, «Элька Сухоляда. Сухоляда – очень тощая женщина», «Туся Держиморда. Держиморда – грубый, тупой, жестокий» [25, с. 503]. У Л. Пантелеева находим прозвища «Кобчик» и «Голый барин» [26]. В указанных прозвищах обнаруживаются указания на имеющиеся дефекты или внешние характеристики.

Прозвища литературных героев в типологии И. Гофмана по отклонениям в индивидуальном характере. У Г. Яхиной находим: «Борза – борзый, наглый. Мазурик Фирс. Мазурик – плут, мошенник, вор» [25, с. 502]. В работе Л. Пантелеева есть прозвища «Япончик» и «Купец». При этом Япончик – «человек необыкновенной, исключительной одаренности, <...> свободно читал на четырех языках, хорошо знал историю, философию, мировую литературу, искусство» [26, с. 189].

Прозвища литературных героев в типологии И. Гофмана по родовой стигматизации. В произведении Г. Яхиной: «Аскар Отъёмыш. Отъёмыш – тот, кого отняли у матери от груди или забрали у родителей. Черемис – устаревшее обозначение марийцев» [25, с. 503]. Главный герой в «Республике

ШКИД» Л. Пантелеева назван подростками по начальным слогам имени, отчества и фамилии – Викниксор. Другой герой – Курочка. Прозвище образовано от фамилии Курочкин [26].

Отметим, что в работе Г. Яхиной представлена субкультура беспризорных детей, которых везут в Самарканд, чтобы спасти от голодомора, а Л. Пантелеев описывает криминальную субкультуру беспризорников-правонарушителей. Приведенные примеры можно рассматривать как наглядные возможности по применению типологии стигм И. Гофмана для типологизации прозвищ.

Процесс закрепления за подростком прозвища наглядно описал У. Голдинг в романе «Повелитель мух», где раскрыта субкультура подростков, попавших в крушение и оставшихся без взрослых [27].

«– А меня как хотите зовите – мне все равно, – открылся он Ральфу – лишь бы опять не обозвали как в школе.

Тут уж Ральф заинтересовался:

– А как?

Толстый огляделся, потом пригнулся к Ральфу. И зашептал:

– Хрюша – во как они меня обозвали.

Ральф зашелся от хохота. Даже вскочил.

– Хрюша. Хрюша!» [27, с. 9–10].

Спустя некоторое время герой романа принимает прозвище и делает рациональное заключение: «Лучше уж Хрюша, чем Жирный...» [27, с. 33]. Такая рационализация снижает силу нанесенной подростку психотравмы, хотя оказывает на его дальнейшую жизнь значительное воздействие.

Дж. Ч. Добсон описывает процесс появления прозвища в своем жизненном опыте: «...Они (уши – прим. автора) были какие-то искривленные и заметно оттопыренные. Эти необыкновенные уши меня просто заворожали, так как они напоминали крылья «джипа» (события происходили в самый разгар Второй мировой войны). Совершенно не подумав о возможной реакции Фреда, я обратил внимание своих приятелей на его уши – эту странную особенность. И все мгновенно решили, что прозвище «Джипо-

вы крылья» будет потрясающе забавным. Казалось, и Фред считал это забавным, он даже хихикал вместе со всеми, но внезапно Фред перестал смеяться. Он вскочил со стула, лицо его было красным, побагровели даже уши. С плачем он бросился вон из класса, пронесся по коридору и выбежал из здания. Больше он не появлялся в нашем классе» [28, с. 197–198].

Дж. Ч. Добсон называет такое поведение детей жестоким. Он полагал, что в таких ситуациях ответственность за поведение детей лежит на родителях и учителях, которые не объяснили детям, что в таких ситуациях переживает человек. Очень важно взрослым учить детей пониманию чувств других людей [28]. Для самого подростка такая ситуация выступает психотравмой, которая приводит к сильнейшим переживаниям собственной неполноценности, снижению самооценки, что оказывает пагубное влияние на всю дальнейшую жизнь человека.

Еще один пример появления прозвищ получен в ходе полевого исследования. Одна девочка рассказала, что старшая сестра стала называть ее Малая, т. к. та была младшей в семье. В ответ девочка стала называть старшую сестру Большевичкой. Полученное прозвище стало производным от большой и названия остановки, которую младшая сестра проезжала ежедневно. При этом обе сестры на прозвища реагировали нейтрально.

Понимание прозвища из приведенных нами работ и педагогической практики не имеет единства мнений. В определении данного понятия существенным является то, что оно обозначает нарицательное неофициальное имя человека, применяемое в закрытом сообществе для стигматизирования человека.

В прозвищах отражается подростково-молодежный колорит сленга. Они проецируют как негативные отношения – ненависть, оскорбление, унижение (напр., Козел), так и позитивную окраску – симпатию, нежность, привязанность (напр., Ладушка). Прозвища дают определенную оценку личности на основе двойственности.

В прозвищах, используемых в художественных произведениях, предназначенных подрастающему поколению, можно обнаружить косвенную характеристику героев произведений на основе описания физических дефектов, отклонений в индивидуальном характере, родовой стигматизации. В процессе социализации прозвища понимаются, как процессуальная сторона стигматизации, что связывается с навешиванием ярлыков. На социализацию развивающейся личности подростка негативно окрашенные прозвища воздействует как некий призыв к поведенческим девиациям, что приводит к дальнейшему более устойчивому нарушению норм и правил. Ярлык подталкивает к обретению статуса аутсайдера, приобретению роли чужака в сообществе сверстников и дальнейшему игнорированию подростка со стороны группы, либо унижению его достоинства внутри субкультуры, либо избеганию (самоизоляции) группы сверстников подростком, что в дальнейшем может приводить к таким явлениям как буллинг и троллинг.

Стигма через прозвище приводит подростка к изоляции в сообществе. Зачастую поиск подходящего сообщества, где можно быть принятым, подталкивает к включению в криминальную субкультуру, в которой молодого человека поддерживают эмоционально, и тем самым происходит дальнейшее становление его асоциального статуса. Вторым выходом может стать самоизоляция, нахождение в которой приводит к снижению самооценки.

Материалы данного исследования могут быть полезны педагогам при учете индивидуальных особенностей воспитанников и обучающихся, сотрудникам правоохранительных органов при понимании статуса правонарушителя в его социальной среде. Дальнейшие исследования необходимо направить на поиск путей социально-педагогической профилактики называния прозвищами как асоциального проявления в поведении детей и подростков, выявление механизмов возникновения и закрепления кличек в подростково-молодежной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павловский В. В. К вопросу философской интерпретации социальных факторов молодежного и студенческого сленга в России // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 1 (26). С. 179–183.
2. Доронина П. Д. О языке подростков в социальных сетях // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 136–143.
3. Бондаренко О. А. Язык молодежных СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 3 (126). С. 201–206.
4. Михайлюк Ю. В. Экспрессивные синтаксические конструкции как основные параметры речевого портрета школьника // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1. С. 151–155.
5. Щенникова Е. В. Специализированная лексика языка наркоманов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2012. № 3. С. 128–132.
6. Матиив Т. З. Термин прозвище и его применение в ономастических исследованиях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 116–120.
7. Полянская Н. В. Оценочные номинации подростков (на примере Слепого и Сфинкса из романа М. Петросян «Дом, в котором...») // Филологический аспект. 2018. № 6 (38). С. 170–183.
8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альфа-Принт, 2005. 1239 с.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 198 с.
10. Чичагов В. К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий. М.: Учпедгиз, 1959. 129 с.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд. стер. М.: Русский язык, 1990. 917 с.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1998. 1782 с.
13. Богомаз С. Л. Исследование особенностей стигматизации в старшем школьном возрасте методом качественного интервью // Вестник ВГУ. 2012. № 3 (69). С. 70–74.
14. Ким К. В., Николаева Г. И. Отношение к прозвищам как проявлению стигматизации у учащихся // Мир науки. 2018. Т. 6. № 6. С. 94–100.
15. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи: Очерки об именах. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1966. 222 с.
16. Горелова Л. Д. Прозвища и причины их возникновения // Русская речь. 2012. № 3. С. 107–110.
17. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 134–165.
18. Шкуричева Н. А. Прозвища и клички младших школьников // Начальная школа. 2013. № 10. С. 10–15.
19. Мудрик А. В. Социализация человека. М.; Воронеж: МОДЭК, 2011. 623 с.
20. Грачев М. А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2009. 280 с.
21. Бородина Е. М., Демина Т. З. Развивающий потенциал прозвищ, бытующих в детской среде // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 185–187.
22. Домусчи С. А. Дворовые клички в воронежских говорах // Воронежское краеведение: опыт, проблемы и перспективы развития в XXI веке: материалы обл. научно-практической краеведческой конференции. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 178–180.
23. Морозова О. Е. Концептосфера молодежного сленга // Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 478–482.
24. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность / URL: <https://studfile.net/preview/4369310/> (дата обращения: 28.02.2022).
25. Яхина Г. Эшелон на Самарканд. М.: Издательство АСТ, 2021. 507 с.
26. Пантелеев Л. Где вы, герои «Республики Шкид»? / Пантелеев Л. Приоткрывая дверь... Л.: Советский писатель, 1980. С. 187–193.
27. Голдинг У. Повелитель мух. М.: Издательство АСТ, 2017. 317 с.
28. Добсон Дж. Ч. Родителям и молодоженам: доктор Добсон отвечает на ваши вопросы. М.: Центр общечеловеческих ценностей при участии изд-ва «Республика», 1990. 379 с.

REFERENCES

1. Pavlovskiy V. V. On the issue of philosophical interpretation of social factors of youth and student slang in Russia // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after. V. P. Astafiev; 2013. No. 1 (26). P. 179–183. (In Russ.)
2. Doronina P. D. On the language of adolescents in social networks // Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin; 2017. No. 3 (56). P. 136–143. (In Russ.)
3. Bondarenko O. A. Language of youth media // Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history, 2013. No. 3 (126). P. 201–206. (In Russ.)
4. Mikhailyuk Yu. V. Expressive syntactic constructions as the main parameters of the speech portrait of a schoolchild // Scientific Thought of the Caucasus. 2013. No. 1. P. 151–155. (In Russ.)
5. Shchennikova E. V. Specialized vocabulary of the language of drug addicts // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology; 2012; no. 3; P. 128–132. (In Russ.)
6. Matiiv T. Z. The term nickname and its use in onomastic research // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University, 2016. No. 8 (112). P. 116–120. (In Russ.)
7. Polyanskaya N. V. Estimated nominations of adolescents (on the example of the Blind and the Sphinx from M. Petrosyan's novel «The House in Which...») // Philological Aspect. 2018. No. 6 (38). P. 170–183. (In Russ.)
8. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the modern Russian language: 180,000 words and phrases. Moscow: Alta-Print, 2005. 1239 p. (In Russ.)
9. Podolskaya N. V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow: Nauka, 1988. 198 p. (In Russ.)
10. Chichagov V. K. From the history of Russian names, patronymics and surnames. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 129 p. (In Russ.)
11. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / ed. N. Yu. Shvedova. 22nd ed. erased. Moscow: Russian language, 1990. 917 p. (In Russ.)
12. Dal' V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Vol. 3. Moscow: Russian language, 1998. 1782 p. (In Russ.)
13. Bogomaz S. L. Investigation of the characteristics of stigmatization in senior school age by the method of qualitative interviews // Vestnik VGU. 2012. No. 3 (69). P. 70–74. (In Russ.)
14. Kim K. V., Nikolaeva G. I. The attitude to nicknames as a manifestation of stigmatization among students // World of Science. 2018. Vol. 6. No. 6. P. 94–100. (In Russ.)
15. Shchetinin L. M. Words, names, things: Essays on names. Rostov-on-Don: Publishing house Rost. University, 1966. 222 p. (In Russ.)
16. Gorelova L. D. Nicknames and the reasons for their occurrence // Russian speech. 2012. No. 3. P. 107–110. (In Russ.)
17. Bakhtin M. M. Additions and changes to «Rabelais» // Problems of Philosophy. 1992. No. 1. P. 134–165. (In Russ.)
18. Shkuricheva N. A. Nicknames and nicknames of younger students // Primary school. 2013. No. 10. P. 10–15. (In Russ.)
19. Mudrik A. V. Socialization of man. Moscow: Voronezh: MODEK, 2011. 623 p. (In Russ.)
20. Grachev M. A. Linguistic criminalistics. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, 2009. 280 p. (In Russ.)
21. Borodina E. M., Demina T. Z. The developing potential of nicknames that exist in the children's environment // World of Science, Culture, Education, 2021. No. 3 (88). P. 185–187. (In Russ.)
22. Domuschi S. A. Yard nicknames in Voronezh dialects / Voronezh local history: experience, problems and development prospects in the XXI century: materials of the region. scientific and practical local history conference. Voronezh: VGU, 2005. P. 178–180. (In Russ.)
23. Morozova O. E. The concept of youth slang // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. Lobachevsky, 2015. No. 2 (2). P. 478–482. (In Russ.)
24. Gofman I. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Part 1. Stigma and social identity. Part 2. Control over information and social identity / URL: <https://studfile.net/preview/4369310/> (date of access: 28.02.2022). (In Russ.)

25. Yakhina G. Echelon to Samarkand. Moscow: Publishing house AST, 2021. 507 p.

26. Panteleev L. Where are you, the heroes of «Republic Shkid»? / Panteleev L. Slightly opening the door ... Leningrad.: Soviet writer, 1980. P. 187–193. (In Russ.)

27. Golding W. Lord of the Flies. Moscow: Publishing house AST, 2017. 317 p. (In Russ.)

28. Dobson J. C. Parents and Newlyweds: Dr. Dobson answers your questions. Moscow: Center for all mankind. valueswith the participation of the publishing house «Respublika», 1990. 379 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Аксютина З. А., кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author:

Aksyutina Z. A., Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.05.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 18.05.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 796.819.015:351.746.08(470)

ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОХРАННО-КОНВОЙНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ ПРИМЕНЕНИЮ БОЕВЫХ ПРИЕМОВ БОРЬБЫ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА СИТУАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Алексей Александрович Баландин

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия,
alexseibalandin91@mail.ru

Аннотация. Физическая подготовка сотрудников полиции прежде всего направлена на формирование их готовности к применению физической силы. Умение эффективно применять физическую силу и боевые приемы борьбы, зачастую играет ключевое значение при возникновении экстремальной ситуации в оперативно-служебной деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений. В настоящем исследовании представлены результаты апробации метода ситуационного моделирования на основе использования типовых ситуаций оперативно-служебной деятельности. В ходе исследования был сформирован комплекс, состоящий из наиболее распространенных оперативно-служебных ситуаций применения физической силы сотрудниками охранно-конвойных подразделений. Апробация данного учебно-тренировочного комплекса в рамках вариативной дисциплины «Актуальные вопросы деятельности охранно-конвойных подразделений полиции» выявила эффективное формирование навыков применения боевых приемов борьбы у слушателей, обучающихся по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский» категории сотрудников охранно-конвойных подразделений.

Ключевые слова: сотрудники охранно-конвойных подразделений, физическая подготовка, ситуационное моделирование, применение физической силы, боевые приемы борьбы

Для цитирования: Баландин А. А. Обучение сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции применению боевых приемов борьбы на основе использования метода ситуационного моделирования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 191–197.

Original article

TRAINING OF POLICE SECURITY AND CONVOY UNITS IN THE APPLICATION OF FIGHTING TECHNIQUES ON THE BASIS OF USING THE METHOD OF SITUATION MODELING

Alexey A. Balandin

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Tyumen, Russia, alexseibalandin91@mail.ru

Abstract. Physical training of police officers first of all is aimed at forming their readiness to use physical force. The ability to effectively use physical force and combat methods of struggle often plays a key role in the event of an extreme situation in the operational and service activities of employees of security and convoy units. This study presents the results of testing the method of situational modeling based on the use of typical situations of operational and service activities. In the course of the study, a complex was formed consisting of the most common operational and service situations of the use of physical force by employees of security and escort units. The approbation of this training complex within the variable discipline «Actual issues of the activities of security and escort units of the police» revealed the effective formation of skills in the use of combat techniques of fighting among students enrolled in professional training programs for the position of an employee of the «Policeman» category of employees of security and escort units.

© Баландин А. А., 2022

Keywords: employees of security and convoy units, physical training, situational modeling, the use of physical force, fighting techniques of struggle

For citation: Balandin A. A. Training of police security and convoy units in the application of fighting techniques on the basis of using the method of situation modeling // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 191–197.

Стоит заметить, что в последние годы в нашей стране наблюдается положительная тенденция к снижению количества побегов из-под стражи, при конвоировании подозреваемых и обвиняемых, совершения суицидов в камерах следственных изоляторов и изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, нападений на конвой. Это происходит во многом благодаря усовершенствованию и модернизации охранных систем, систем видеонаблюдения, сигнализации и оповещения в местах содержания подозреваемых и обвиняемых.

Однако одной лишь технической оснащенности мест содержания подозреваемых и обвиняемых явно недостаточно, поскольку чрезвычайные происшествия (побеги, суициды и нападения) до сих пор имеют место быть. Так, в начале августа 2021 года из помещения изолятора временного содержания в г. Истра совершили побег пять обвиняемых, среди которых был Александр Мавриди, обвиняемый в убийстве Владимира Маругова («колбасного короля»). Их смогли задержать только через несколько недель.

Следует сказать, что чаще всего попытки побегов, совершения актов членовредительства (суицида) и нападения на конвой совершаются из-за непрофессиональных, а порой халатных действий или бездействий самих сотрудников. Как известно, в системе МВД России обязанности по обеспечению охраны, конвоирования и содержания, подозреваемых и обвиняемых при осуществлении уголовного судопроизводства, а также при проведении с ними иных процессуальных действий возложены на сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции.

Специфика выполнения данных оперативно-служебных задач заключается в постоянном взаимодействии сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции со спецконтингентом (подозреваемыми и

обвиняемыми), действия которых зачастую характеризуются агрессивностью по отношению к сотрудникам правоохранительных органов.

Кроме того, деятельность сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции реализуется в условиях ограниченного пространства служебных помещений, судов и транспортных средств, что в свою очередь обуславливает проблему прогнозирования и предупреждения насилия к себе, а также решения задачи по пресечению неожиданных нападений, случаев совершения побегов, проявления пассивного и активного неповиновения со стороны подозреваемых и обвиняемых. Следовательно, условия, в которых работают сотрудники, являются экстремальными, поскольку характеризуются непредсказуемостью обстановки [1, с. 52].

При возникновении экстремальной ситуации сотрудник охранно-конвойной службы должен быть готов к экстренному правомерному и эффективному применению физической силы и боевых приемов борьбы. С целью формирования навыков умелого и эффективного применения боевых приемов борьбы в экстремальных ситуациях оперативно-служебной деятельности сотрудники должностной категории охранно-конвойных подразделений, проходящие профессиональную подготовку по должности служащего «Полицейский» в рамках дисциплины профессионально-специализированного цикла «Актуальные вопросы деятельности охранно-конвойных подразделений полиции и специальных учреждений полиции», на практических занятиях в ходе изучения темы «Особенности применения физической силы и специальных средств в типовых ситуациях оперативно-служебной деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции» отработывают наиболее типичные ситуации применения

физической силы с использованием активных методов обучения [2, с. 33].

Известно, что основной целью обучения является приобретение способности применения полученных знаний на практике [3, с. 164]. В связи с этим в настоящее время в ведомственной педагогике все чаще используются именно активные методы обучения, такие как: анализ конкретных ситуаций (case-study), «мозговой штурм», деловая игра, ролевая игра и т. д. [4, с. 67].

Активные методы обучения – это способы и приемы педагогического воздействия, пробуждающие в студентах поисковую мыслительную активность, креативность, способствующие формированию компетенций на уровне «знать», «уметь» и «владеть» [5, с. 1].

Вопросами использования активных методов обучения в образовательной системе МВД России по сей день занимаются многие исследователи. В своем исследовании А. В. Молькин обосновывает эффективность использования ситуационных задач, развивающих аналитическое и критическое мышление обучающихся и позволяющих выработать наиболее целесообразное решение конкретной ситуации [6, с. 164]. А. В. Малиновский, О. В. Красилов, С. В. Мананников в своем исследовании экспериментально доказывают эффективность использования метода ситуационного моделирования на занятиях по прикладной физической подготовке сотрудников органов внутренних дел [7, с. 303]. Исследователи Е. И. Троян и С. В. Катаргин установили, что использование ситуационного метода в процессе занятий по физической подготовке эффективно влияет на развитие физических качеств сотрудников полиции [8, с. 80]. В. А. Синявский, Р. В. Романов, С. В. Кравцов утверждают, что метод ситуационного моделирования позволяет сотрудникам полиции в сложной оперативной обстановке использовать определенные алгоритмы действий и не потерять контроль над собой и ситуацией [9, с. 168].

Резюмируя вышеуказанное, следует подчеркнуть, что из всего спектра активных методов обучения в ведомственной физиче-

ской подготовке наиболее часто используется ситуационный метод, основанный на моделировании ситуаций, приближенных к реальной оперативной обстановке служебной деятельности сотрудников полиции.

Однако, несмотря на значительное количество исследований, проводимых в образовательной среде МВД России, возможности и условия использования ситуационного метода в формировании навыков задержания и применения боевых приемов борьбы сотрудниками подразделений охранно-конвойной службы полиции исследованы недостаточно, поскольку в большинстве работ авторами не учитывалась специфика деятельности данного структурного подразделения.

На наш взгляд, ситуационный метод является наиболее перспективным. Его актуальность объясняется тем, что в процессе выполнения служебных обязанностей могут возникнуть ситуации повышенной сложности, с которыми сотрудник столкнется в первый раз. Тем самым для успешного выполнения служебных задач в сложной оперативной обстановке сотрудники должны использовать определенные алгоритмы действий. Рассматриваемый метод непосредственно позволяет наработать знание и правильно применить такие алгоритмы [10, с. 156].

На основе анализа научной, учебной и методической литературы, а также изучения опыта практической служебной деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции была выявлена проблематика исследования, которая заключается в возникших противоречиях:

– на социально-педагогическом уровне между необходимостью обеспечения общества высококвалифицированными, профессионально подготовленными сотрудниками охранно-конвойной службы и не реализованным образовательным потенциалом вариативной дисциплины «Актуальные вопросы деятельности охранно-конвойных подразделений полиции и специальных учреждений полиции»;

– на научно-теоретическом уровне между возросшим исследовательским интере-

сом к использованию ситуационного метода в процессе физической подготовки сотрудников полиции и необходимостью теоретического понимания механизмов и условий его использования, а также закономерностей влияния данного метода на развитие навыков применения боевых приемов борьбы в ситуациях их оперативно-служебной деятельности.

Цель исследования: выявить эффективность использования ситуационного метода, способствующего формированию навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции.

Задачи исследования, через решение которых была достигнута цель исследования:

1) собрать, проанализировать и обобщить научную и учебно-методическую литературу, касающуюся ситуативного обучения, а также ситуации практической деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции, связанные с применением физической силы;

2) сформировать из наиболее распространенных случаев применения физической силы сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции комплекс учебных ситуаций;

3) апробировать комплекс учебных ситуаций применения физической силы и боевых приемов борьбы со слушателями, проходящими профессиональную подготовку по должности служащего «Полицейский», должностной категории сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции;

4) выявить различия в уровне подготовленности слушателей должностной категории сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции, а именно в уровне сформированности навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы.

В исследовании применялись такие общенаучные методы, как: обобщение, анализ, апробация, а также метод моделирования, метод математической статистики и метод экспертных оценок.

С целью проверки эффективности использования ситуационного метода на

занятиях по вариативной дисциплине «Актуальные вопросы деятельности охранно-конвойных подразделений полиции и специальных учреждений полиции» со слушателями профессиональной подготовки в период с июля 2021 года по декабрь 2021 года был проведен пилотный эксперимент. В пилотном эксперименте были задействованы 16 слушателей мужского пола первой возрастной группы (до 25 лет), распределенные случайным порядком в контрольную и экспериментальную группы по 8 человек в каждой. Пилотный эксперимент проводился на ситуационных полигонах: «Изолятор временного содержания»; специальный автомобиль типа «АЗ»; «Зал судебных заседаний». В ходе практических занятий на указанных полигонах со слушателями экспериментальной группы использовался ситуационный метод, а именно комплекс учебных ситуаций, отражающих оперативно-служебную деятельность сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции, реализуемый по принципу прохождения «станций». На каждой «станции» моделировалась оперативно-служебная ситуация связанная с применением физической силы. Перед прохождением «станции» до слушателей доводились задачи и распределялись роли. Задачи структурировались по принципу от более простой к более сложной. После прохождения «станции» слушателям выставлялись баллы. В контрольной группе слушатели занимались по общепринятой методике проведения занятий.

На основе анализа научной и учебной литературы, а также анализа практической деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции за последние пять лет было выявлено семь оперативно-служебных ситуаций применения физической силы:

1) применение физической силы сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции при невыполнении лицами, совершившими преступление или административное правонарушение, требований конвоя о выходе из специального автомобиля для перевозки лиц, совершивших преступление;

2) применение физической силы при пресечении совершения акта членовредительства подозреваемых или обвиняемых в защитном ограждении в зале судебного заседания, в том числе при использовании лицом каких-либо предметов;

3) применение физической силы при пресечении совершения попытки суицида подозреваемым (обвиняемым), находящимся в изоляторе временного содержания;

4) применение физической силы при совершении подозреваемым (обвиняемым) попытки побега при конвоировании;

5) применение физической силы при пресечении нападения подозреваемого (обвиняемого) на конвой, совершаемого в здании на лестничном марше;

6) применение физической силы при пресечении нападения на сотрудников охранно-конвойных подразделений в коридоре специального учреждения для содержания под стражей лиц, совершивших преступление;

7) применение физической силы при пресечении группового нападения на сотрудников охранно-конвойных подразделений в камерном блоке специального учреждения для содержания лиц, совершивших преступления.

В начале пилотного эксперимента для выявления объективных результатов слушателей отдельной должностной категории сотрудников охранно-конвойных подразделений было проведено тестирование по определению уровня владения комплексными навыками применения боевых приемов борьбы. Навыки владения боевыми приемами оценивались методом экспертной оценки комиссией, состоящей из трех преподавателей по десятибалльной шкале, где оценка

10 баллов ставилась за быстрое, уверенное, правильное и эффективное выполнение приема, а 1 бал ставился за неэффективное и неуверенное выполнение приема. После чего полученные результаты (баллы) обрабатывались при помощи метода математической статистики. У представителей экспериментальной и контрольной группы был выявлен средний бал уровня владения навыками применения боевых приемов борьбы.

В исходном тестировании представители экспериментальной группы показали средний балл, равный 2,57 ($3 + 3 + 2 + 2 + 3 + 2 + 3 = 18 : 7$), в свою очередь представители контрольной группы показали 2,5 балла ($2 + 3 + 3 + 2 + 3 + 2 + 4 + 3 = 20 : 8$). Исходя из полученных результатов, следует, что на данном этапе обучения слушателей профессиональной подготовки навыки владения боевыми приемами борьбы в обеих группах сформированы примерно на одинаковом уровне. Далее полученные результаты (баллы) были проранжированы в общий ряд в возрастающем порядке в независимости от групп тестируемых. Определение суммы рангов (мест) позволило выявить в экспериментальной группе значение ($1,5 + 3,5 + 6,5 + 7,5 + 8,5 + 11,5 + 12,5 + 15$) = 66,5, а в контрольной группе выявлено значение ($1,5 + 3,5 + 6,5 + 7,5 + 8,5 + 11,5 + 12,5$) = 52,5. Полученную наименьшую сумму рангов (мест) 52,5 мы сравнили со значением, имеющимся в таблице Т-критерий Уайта, количества слушателей контрольной и экспериментальной групп ($n_k = 7$ и $n_э = 8$) при 5 % уровне значимости (38) и установили недостоверность различий в группах. Таким образом, группы по уровню владения навыками боевых приемов борьбы однородны (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Результаты определения сумм рангов (мест) представителей экспериментальной и контрольной групп в исходном тестировании

Группы	n	Баллы															
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Эксп. гр.	8		2		2		2		3		3		3		3		4
Конт. гр.	7	2		2		2			3		3		3		3		
Рэ			1,5		3,5		6,5	7,5		8,5		11,5		12,5		15	
Рк		1,5		3,5		6,5			7,5		8,5		11,5		12,5		

После апробации комплекса учебных ситуационных задач со слушателями экспериментальной и контрольной групп было проведено итоговое тестирование на выявление различий в уровне владения навыками применения боевых приемов борьбы. Достоверность полученных результатов определялась также с использованием метода экспертной оценки и математической статистики Т-критерия Уайта. Полученные испытуемыми оценки ранжировались в общий ряд в возрастающем порядке, после чего определялись ранги и суммы рангов (мест). Так, в итоговом тестировании представители экспериментальной группы после выставления оценок за выполнение приемов показали средний бал равный 28 (1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7), а представители контрольной группы 92 (8 + 9 + 10 + 11 + 12 + 13 + 14 + 15). При сравнении наименьшей суммы (28) с данным в таблице значением критерия количества участников контрольной и экспе-

риментальной групп ($n_k = 7$ и $n_z = 8$) при 5 % уровне значимости (38) было выявлено, что полученная сумма меньше значения указанного в таблице Т-критерия Уайта, следовательно, данные различия достоверны, а полученные результаты не случайны (см. таблицу 2).

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что использование ситуационных учебных задач, моделирующих оперативно-служебную деятельность сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции в рамках изучения вариативной дисциплины «Актуальные вопросы деятельности охранно-конвойных подразделений полиции и специальных учреждений полиции» эффективно влияет на формирование навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы и в целом способствует повышению уровня профессиональной подготовки данной должностной категории сотрудников.

Таблица 2 – Результаты определения сумм рангов (мест) представителей экспериментальной и контрольной групп в итоговом тестировании

Группы	n	Баллы														
Эксп. гр.	8								9	9	9	9	9	10	10	10
Конт. гр.	7	4	4	5	5	5	6	7								
Рэ									8	9	10	11	12	13	14	15
Рк		1	2	3	4	5	6	7								

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Летаева Е. А. Особенности применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 1 (12). С. 52–55.
2. Троян Е. И., Трусова Н. К. Использование ситуационного метода для обучения сотрудников подразделений охранно-конвойной службы полиции к применению физической силы в типовых ситуациях служебной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (62). С. 31–35.
3. Игошин Н. А. Влияние ситуационно-имитационной подготовки на повышение подготовленности сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 163–167.
4. Троян Е. И. Разработка образовательного контента для физической подготовки сотрудников охранно-конвойной службы МВД России // Глобальный научный потенциал. 2018. № 11 (92). С. 66–68.
5. Горшкова О. В. Активные методы обучения: формы и цели применения // Концепт. 2017. № S3. С. 1–6.

6. Молькин А. В. Метод решения ситуационных задач в контексте практико-ориентированного обучения в системе дополнительного образования // Преподаватель XXI век. 2019. № 2-1. С. 162–168.
7. Малиновский А. В., Красилов О. В., Мананников С. В. Использование метода ситуационного моделирования на занятиях по профессиональной прикладной физической подготовке в образовательных организациях системы МВД России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 384–309.
8. Троян Е. И., Катаргин С. В. Использование ситуационного метода в физической подготовке для развития скоростно-силовых качеств сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4 (71). С. 78–81.
9. Синянский В. А., Романов Р. В., Кравцов С. В. Роль метода ситуационного моделирования в формировании профессиональных компетенций сотрудников ОВД // БГЖ. 2020. № 2 (31). С. 167–169.
10. Настуев Э. Б. Некоторые аспекты совершенствования тактической подготовленности слушателей к боевым приемам борьбы и рукопашного боя // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 156–158.

REFERENCES

1. Letaeva E. A. Features of the use of physical force, special means, firearms by employees of security and escort police units // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (12). P. 52–55. (In Russ.)
2. Troyan E. I., Trusova N. K. Use of the situational method for training employees of police security and escort service units to use physical force in typical situations of official activity // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (62). P. 31–35. (In Russ.)
3. Igoshin N. A. The influence of situational simulation training on improving the preparedness of police officers // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (80). P. 163–167. (In Russ.)
4. Troyan E. I. Development of educational content for the physical training of employees of the security and escort service of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Global Scientific Potential. 2018. No. 11 (92). P. 66–68. (In Russ.)
5. Gorshkova O. V. Active teaching methods: forms and purposes of application // Concept. 2017. No. S3. P. 1–6. (In Russ.)
6. Molkin A. V. The method of solving situational problems in the context of practice-oriented learning in the system of additional education // Lecturer XXI century. 2019. No. 2-1. P. 162–168. (In Russ.)
7. Malinovsky A. V., Krasilov O. V., Manannikov S. V. Using the method of situational modeling in the classroom for professional applied physical training in educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of economic security. 2019. No. 3. P. 384–309. (In Russ.)
8. Troyan E. I., Katargin S. V. Using the situational method in physical training for the development of speed-strength qualities of police officers // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2017. No. 4 (71). P. 78–81. (In Russ.)
9. Sinyansky V. A., Romanov R. V., Kravtsov S. V. The role of the situational modeling method in the formation of professional competencies of police officers // BGJ. 2020. No. 2 (31). P. 167–169. (In Russ.)
10. Nastuev E. B. Some aspects of improving the tactical preparedness of listeners for combat techniques of wrestling and hand-to-hand combat // Education. The science. Scientific personnel. 2019. No. 3. P. 156–158. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2022; одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 27.04.2022; approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 343.815:343.825(470)

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ

Алевтина Владимировна Вилкова¹, Светлана Александровна Фадеева²,
Дмитрий Владимирович Лукашенко³

^{1,2,3} Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
¹ mavlad67@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8441-3440
² fadeeva1607@gmail.com, orcid.org/0000-0002-9814-5755
³ dim-mail-ru@mail.ru, orcid.org/0000-0002-0045-6062

Аннотация. В статье актуализируется проблема подростковой преступности и раскрываются особенности реализации дисциплинарной практики в следственных изоляторах. Авторы доказывают необходимость пересмотра и обновления социально-педагогической работы с несовершеннолетними осужденными, используя аналитические материалы о состоянии организации воспитания подростков, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, находящихся в следственных изоляторах. Представленное исследование в полной мере отражает современные послы к остроте решения проблемы профилактики асоциальных проявлений среди подростков и пересмотру механизмов их воспитания в образовательной сфере и социуме.

Ключевые слова: несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые и осужденные; следственный изолятор; дисциплинарная практика

Для цитирования: Вилкова А. В., Фадеева С. А., Лукашенко Д. В. Воспитательная работа с несовершеннолетними в следственном изоляторе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 198–203.

Original article

EDUCATIONAL WORK WITH MINORS IN THE PRE-TRIAL DETENTION FACILITY

Alevtina Vladimirovna Vilkova¹, Svetlana A. Fadeeva², Dmitry V. Lukashenko³

^{1,2,3} Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
¹ mavlad67@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8441-3440
² fadeeva1607@gmail.com, orcid.org/0000-0002-9814-5755
³ dim-mail-ru@mail.ru, orcid.org/0000-0002-0045-6062

Abstract. The article actualizes the problem of juvenile delinquency and reveals the specifics of the implementation of disciplinary practice in pre-trial detention centers. The authors prove the need to revise and update the socio-pedagogical work with juvenile convicts, using analytical materials on the state of the organization of the upbringing of adolescents, suspects, accused and convicted persons in pre-trial detention centers. The presented study fully reflects the current messages to the urgency of solving the problem of prevention of antisocial manifestations among adolescents and the revision of the mechanisms of their upbringing in the educational sphere and society.

Keywords: juvenile suspects, accused and convicted persons; pre-trial detention center; disciplinary practice

For citation: Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Lukashenko D. V. Educational work with minors in the pre-trial detention facility // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 198–203.

© Вилкова А. В., Фадеева С. А., Лукашенко Д. В., 2022

Подростковая преступность является одной из актуальнейших проблем современного общества, и в контексте психофизиологических особенностей подросткового возраста исправительная работа с данной категорией имеет свою специфику. Основными причинами роста подростковой преступности обычно называют негативное влияние взрослых и семьи, низкое качество жизни, отсутствие у несовершеннолетних мотивации к учебе и проявления агрессивного и асоциального поведения, неэффективность профилактической и воспитательной работы в образовательных организациях.

В некоторых регионах «несовершеннолетние определяют криминогенную обстановку в целом»¹. Актуализации вопросов девиантного поведения несовершеннолетних постоянно уделяется внимание исследователями разных областей предметного знания [2].

Специфика преступлений, совершаемых несовершеннолетними, обуславливается прежде всего социальной средой [3; 4]. В многолетнем исследовании зарубежных авторов также было обнаружено, что влияние общей среды на делинквентность подростков гораздо сильнее, чем наследуемость антисоциального поведения [3; 5].

Преступность несовершеннолетних вряд ли возможно искоренить как социальное явление, однако применение совокупности механизмов и мер для снижения ее динамики осуществлять необходимо. Даже если эти меры применяются уже на этапе, когда несовершеннолетний находится в следственном изоляторе – с целью осуществления на него исправительного воздействия через организацию профилактической воспитательной среды.

Следует заострить внимание на том факте, что даже в условиях учреждений уголовно-исполнительной системы уровень подростковой преступности является высоким. Следственные изоляторы для несовершеннолетних играют роль необходимого пере-

ходного звена в единой цепи учреждений уголовно-исполнительной системы, где уже должен активно осуществляться процесс исправления и нивелирования деструктивного опыта.

Отрицательная динамика в исправлении асоциальных наклонностей в поведении несовершеннолетних, находящихся в изоляции, обуславливает вероятность совершения ими повторных правонарушений и преступлений, что неоднократно и ранее подтверждали известные ученые [6; 7]. Сформированная ранее установка к проявлению асоциального поведения будет способствовать образованию другой подобной. При этом подобная установка у несовершеннолетнего не только укореняется, но ее противоправная направленность может углубляться раз за разом. Следует акцентировать внимание тот факт, что при нахождении несовершеннолетнего в неблагоприятной среде уже сформированные асоциальные проявления поведения будут лишь подкрепляться и актуализироваться при попадании в деструктивную ситуацию [8].

Эффективность адаптации несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных к новым условиям содержания во многом зависит от профессиональных качеств сотрудников и администрации следственных изоляторов (далее – СИЗО). Исследователи выделяют два взаимосвязанных процесса в период привыкания несовершеннолетних к жизнедеятельности в СИЗО: реализация в отношении их действий, направленных на расследование преступления, и осуществление усиленных мер воспитания и социализации с целью профилактики деструктивных проявлений и «криминальной зараженности» [5]. Для осмысления данных процессов нужны профессионалы, владеющие методами ориентации на конкретную личность несовершеннолетнего, ее субъективный (пусть и разнополюсный) опыт; необходимо – как и везде – решение задачи «заказа на нового профессионала» [9; 7]. Вероятно,

¹ В настоящее время статистика подростковой преступности в России следующая: 40 % несовершеннолетних осуждены за кражи; 13 % – за разбой; 14 % – за грабеж; 5 % – за убийство [1].

при подготовке специалистов для работы в следственных изоляторах можно применять подход, основанный на определении их профессиональной позиции как менеджера организации деятельности несовершеннолетних, как педагогического дизайнера реализуемой учебно-воспитательной программы и как понимающего педагога-психолога.

Системный подход осуществляется во многих учреждениях пенитенциарного типа как максимально обеспечивающий достижение целей профилактики и исправления несовершеннолетних. Организация воспитательной работы в следственных изоляторах на фундаменте основных положений теории воспитательных систем будет способствовать переосмыслению методов работы с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными по профилактике противоправного поведения, по развитию мотивации осужденных на исправление.

Итак, почему же несовершеннолетние, уже подозреваемые, обвиняемые и осужденные, склонны к совершению новых нарушений, и чем обусловлен рост правонарушений в СИЗО? На наш взгляд, одной из основных причин является непрогнозируемое культивирование чувства общности в асоциальной среде, скорость его диссеминации и «заразительность». Несовершеннолетний с проявленными ранее асоциальными установками произвольно запускает активизацию личностных деструктивных характеристик, которые не могут вступить в диссонанс с существующей субкультурой следственного изолятора (иначе несовершеннолетний станет «изгоем» для этой среды). Подростки совсем не думают о последствиях своих деяний. Агрессивное поведение и асоциальные установки способствуют повышенной эмоциональности и преобладанию возбуждения над торможением. Поэтому насилие выступает не в качестве содержания поведенческого акта, а в качестве выражения эмоционально-поведенческой реакции.

Кроме того, это свидетельствует об усложнении контингента: социальная деформация усиливается, они отличаются неустойчивостью эмоционального состояния,

повышенной возбудимостью, непредсказуемостью поведения, потенциальной опасностью для себя и для окружающих и в целом становятся менее склонны к процессам исправления и ресоциализации. Возникает потребность пересмотра характеристик и состава социально-психологического портрета несовершеннолетнего, попадающего в следственный изолятор, по причине появления иных структурных составляющих личности современных подростков, склонных к противоправным действиям: это задача ученых и исследователей (социологов, психологов, педагогов и др.).

Безусловно, результаты воспитательного воздействия сотрудников СИЗО на несовершеннолетних могут быть достигнуты лишь при профессиональном применении совокупности разнополярных средств, подчас амбивалентного характера: убеждения и принуждения, поощрения и взыскания (наказания) и пр.

Применение подобных средств требует осуществления ряда методологических принципов от сотрудников СИЗО:

– принципа гуманности как уважения личности несовершеннолетних, их прав и свобод;

– принципа целостности и системности как последовательной реализации организации воспитательных воздействий как системы, а не применения ряда случайных методов и форм воспитания;

– принципа недвусмысленности и очевидности («прозрачности») как бесспорности всех осуществляемых сотрудниками и администрацией СИЗО мер дисциплинарных практик;

– принципа открытости и справедливости как противодействия возможному обесцениванию действий сотрудников СИЗО, а также профилактики агрессии несовершеннолетних и создания конфликтных ситуаций.

Нужно отметить, что дисциплинарная устойчивость также является важным маркером степени исправления осужденного: возможность контролировать и регулировать свое поведение в зависимости от установленных требований отражает пер-

спективную возможность вести правоопослушный образ жизни после освобождения. Достижение дисциплинарной устойчивости зависит и от состояния психического здоровья, и от степени их адекватного восприятия окружающей действительности, а также от системы социально-педагогической работы с несовершеннолетними, находящимися в изоляции, для повышения эффективности дисциплинарной практики и применяемых методов воспитания.

Таким образом, несмотря на значительное количество традиционных воспитательных мероприятий и мер дисциплинарной практики, такие показатели, как нарушения несовершеннолетних, их число на профилактическом учете, число склонных к совершению суицида и членовредительству, число несовершеннолетних, относимых к группам отрицательной направленности, имеют тенденцию к значительному увеличению.

Безусловно, будут всегда существовать внешние причины негативных тенденций в состоянии воспитательной работы с несовершеннолетними в следственных изоляторах (находящиеся за рамками влияния и ответственности сотрудников и администрации СИЗО): это прежде всего более сложная структура характерологических особенностей, притязаний и потребностей, проявлений эмоциональной сферы и поведения нынешнего правонарушителя; это дефициты воспитания в семье и образовательной организации; это многообразные социально-экономические контексты и пр. Однако имеют место быть и внутренние причины подобной динамики (в частности, причины нарушений дисциплины и режимных моментов, причины постановки на профилактический учет, причины роста объявленных выговоров и пр.), которые могут и должны быть тщательно изучены с целью дальнейшей разработки рекомендаций и мер по их устранению.

С учетом вышеизложенного считаем необходимым разработать подходы трансформации социально-педагогической работы с несовершеннолетними, подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными,

прежде всего, через обновление системы воспитательной работы и модификацию мер дисциплинарной практики. Система воспитания в следственных изоляторах может быть упорядоченной и педагогически целесообразной по организации жизнедеятельности несовершеннолетних, открытой («прозрачной») и справедливой по мерам воздействия, существующей по выработанным нормам, правилам и традициям. Она должна по возможности обеспечивать индивидуально-профилактический характер всех воспитательных воздействий на каждого несовершеннолетнего и способствовать их исправлению (как пример – несовершению новых нарушений в условиях следственных изоляторов). Преобразование мер дисциплинарной практики может включать как изменения социально-психологической направленности (нивелирование роли асоциальной общности в следственном изоляторе, нейтрализация негативных настроений, предупреждение дисциплинарных проступков и деструктивных поведенческих проявлений и пр.), так диверсификации административной и правовой направленности (создание информационных банков данных на потенциальных организаторов и активных участников групповых эксцессов, мониторинг выявления негативных лидеров, применение современных методов контроля и надзора и пр.). Непременным условием эффективной дисциплинарной практики будет новый профессионализм сотрудников и администрации, связанный с владением актуальными технологиями воспитания несовершеннолетних, находящихся в изоляции от общества (необходимо, как минимум, расширить педагогический арсенал воздействий на несовершеннолетних, выходя за рамки только лишь поощрений и взысканий, убеждений и принуждений).

В течение последнего десятилетия отмечается увеличение количества деяний, совершенных несовершеннолетними правонарушителями. Согласно данным в открытых источниках, в некоторых регионах (Мурманской, Сахалинской, Кемеровской, Камчатской, Архангельской областях) несовер-

шеннолетние определяют криминогенную обстановку в целом. Поэтому крайне остро встает проблема осуществления их исправления, начиная с обстановки и условий содержания в той среде, где они впервые оказываются изолированными от общества, а именно следственного изолятора.

Несовершеннолетние, содержащиеся в следственных изоляторах, склонны к совершению новых нарушений: сформированные ранее деструктивные установки активизируют соответствующие модели поведения, кроме того, их нарушения подкрепляются другими подозреваемыми и обвиняемыми, доминирующие мотивы которых имеют также асоциальный характер. В данной ситуации применяемые меры дисциплинарной практики и методы воспитания нуждаются в глубоком пересмотре и системной модификации: при безусловном сохранении действенных воспитательных форм необходимо создавать инновационную модель профилактического воздействия на несовер-

шеннолетних, направленную как на формирование новых ценностных установок, так и на предупреждение новых деяний. Для более эффективной коррекции деструктивных личностных характеристик несовершеннолетних важно осуществлять актуальные воспитательные технологии на основе анализа изменений в психологическом портрете нынешних несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Оценка качества воспитательной деятельности сотрудников следственных изоляторов также нуждается в актуализации и пересмотре соотношения количественных и качественных показателей организации социально-педагогической работы с несовершеннолетними. Наконец, в связи с резким ростом нарушений непосредственно в условиях следственных изоляторов необходимо обратить внимание на обновление характеристик всей социально-педагогической работы, придания ей системности, научности и целостности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подростковая преступность в России // FB.ru: портал Рунета. URL: <https://fb.ru/article/245595/podrostkovaya-prestupnost-v-rossii> (дата обращения: 01.07.2022)
2. Голубничая Л. С. Преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2011. 23 с.
3. Sergeeva M. G. Psycho-Pedagogical Support of Educational-Preventive Activities of Deviant Behavior of Minors / M. G. Sergeeva, R. Dz. Tatlyev, N. G. Bondarenko, E. A. Chirkova, A. A. Tsakhaeva, F. N. Alphanova // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. Volume 9. P. 412–417.
4. Ганишина И. С. Концепция и методология психологической профилактики наркотической зависимости личности: дис. ... д-ра псих. наук. Москва, 2018. 482 с.
5. Rozhnova T. M., Rozhnova K. S., Fadeyeva S. A., Schurkova N. Y. // *Deviant Behavior of Youth in the Context of Psychology and Pedagogy International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE)* ISSN: 2277-3878. 2019. Vol-8. P. 6725–6729.
6. Дебольский М. Г. К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК / М. Г. Дебольский, Р. В. Чиркина, В. В. Делибалт, Е. Г. Дозорцева, А. В. Дегтярев, А. В. Воронина // *Психология и право*. 2018. Том 8. № 1. С. 77–94.
7. Zusa K. Adolescent's Addictive Behaviour Decrease Opportunities at School // *Education Reform: Education Content Research and Implementation Problems*. 2020. Vol 1. P. 92–101.
8. Зарубин С. П. Криминологическая характеристика и профилактика преступности лиц, содержащихся в следственных изоляторах: автореф. дис. ... юрид. наук. Тюмень, 2010. 21 с.
9. Вилкова А. В. Условия формирования асоциальных установок / А. В. Вилкова // *Образование и наука в России и за рубежом*. 2018. № 1. С. 14–22.
10. Ямалетдинова Н. В. Адаптация несовершеннолетних обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах, в механизме предупреждения преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 27 с.

REFERENCES

1. Teenage crime in Russia // FB.ru: Runet portal. URL: <https://fb.ru/article/245595/podrostkovaya-prestupnost-v-rossii> (date of access: 01.07.2022) (In Russ.)
2. Golubnichaya L. S. Juvenile delinquency: criminological characteristics and prevention problems: author. dis. ... cand. legal sciences. Vladivostok, 2011. 23 p. (In Russ.)
3. Sergeeva M. G. Psycho-Pedagogical Support of Educational-Preventive Activities of Deviant Behavior of Minors / M. G. Sergeeva, R. Dz. Tatlyev, N. G. Bondarenko, E. A. Chirkova, A. A. Tsakhaeva, F. N. Aliphanova // Modern Journal of Language Teaching Methods. Volume 9. P. 412–417.
4. Ganishina I. S. The concept and methodology of psychological prevention of drug addiction of the individual: dis. ... dr. psycho. sciences. Moscow, 2018. 482 p. (In Russ.)
5. Rozhnova T. M., Rozhnova K. C., Fadeyeva S. A., Schurkova N. Y. // Deviant Behavior of Youth in the Context of Psychology and Pedagogy International Journal of Recent Technology and Engineering (IJRTE) ISSN: 2277-3878. 2019. Vol-8. P. 6725–6729.
6. Debolsky M. G., Debolsky R. V., Delibalt V. V., Dozortseva E. G., A. V. Degtyarev, A. V. Voronina // Psychology and Law. 2018. Volume 8. No. 1. P. 77–94. (In Russ.)
7. Zusa K. Adolescent's Addictive Behaviour Decrease Opportunities at School // Education Reform: Education Content Research and Implementation Problems. 2020. Vol 1. P. 92–101.
8. Zarubin S. P. Criminological characteristics and prevention of crime of persons held in pre-trial detention centers: author. dis. ... legal sciences. Tyumen, 2010. 21 p. (In Russ.)
9. VilkoVA A. V. Conditions for the formation of asocial attitudes / A. V. VilkoVA // Education and science in Russia and abroad. 2018. No. 1. P. 14–22. (In Russ.)
10. Yamaletdinova N. V. Adaptation of juvenile accused held in pre-trial detention centers in the mechanism of crime prevention in institutions of the penitentiary system: author. dis. ... cand. legal sciences. Ryazan, 2006. 27 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Вилкова А. В., доктор педагогических наук, профессор;
Фадеева С. А., доктор педагогических наук, доцент;
Лукашенко Д. В., доктор психологических наук, доцент.

Information about the authors:

VilkoVA A. V., Doctor of Pedagogy, Professor;
Fadeeva S. A., Doctor of Pedagogy, Associate Professor;
Lukashenko D. V., Doctor of Psychology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 25.11.2022.

ВОСПИТАНИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Андрей Анатольевич Исаев

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, andisaev@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость проведения воспитательной работы среди обучающихся в высших учебных заведениях. Автор в своих размышлениях опирается на дискуссию о соотношении обучения и воспитания, возникшую еще 160 лет назад в российской педагогике. Делается анализ нормативного регулирования этой важной составляющей образовательного процесса со стороны государства. Указывается на особую роль преподавателя в данной работе. Отдельно обращается внимание на специфику воспитания в ходе проведения учебных занятий в образовательных организациях МВД России. Рассматриваются проблемы проведения воспитательной работы в дистанционном формате образовательного процесса. Размышляя о роли воспитания в жизни человека с высшим образованием, автор обращается к анализу понятия «интеллигент» и соотносит его с понятием высоко нравственного человека. Делается вывод о важности воспитательной работы на всех уровнях образования.

Ключевые слова: воспитание, воспитательная работа, высшее учебное заведение, образовательная организация МВД России, преподаватель, высокая нравственная культура

Для цитирования: Исаев А. А. Воспитание как необходимый элемент образовательного процесса высшей школы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 204–209.

Original Article

EDUCATION AS A NECESSARY ELEMENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER SCHOOL

Andrey A. Isaev

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, andisaev@mail.ru

Abstract. The article substantiates the need for educational work among students in higher educational institutions. The author in his reflections relies on the discussion about the relationship between education and upbringing, which arose 160 years ago in Russian pedagogy. The analysis of the regulatory regulation of this important component of the educational process by the state is made. The special role of the teacher in this work is indicated. Separately, attention is drawn to the specifics of education during training sessions in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The problems of conducting educational work in the distance format of the educational process are considered. Reflecting on the role of education in the life of a person with higher education, the author turns to the analysis of the concept of “intellectual” and correlates it with the concept of a highly moral person. The conclusion is made about the importance of educational work at all levels of education.

Keywords: education, educational work, higher education institution, educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia, teacher, high moral culture

For citation: Isaev A. A. Education as a necessary element of the educational process of higher school // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 204–209.

Поводом для размышления на эту тему послужили статья Льва Николаевича Тол-

стого «Воспитание и образование» и полемика, развернувшаяся вокруг нее еще 160

© Исаев А. А., 2022

лет назад. В этой статье граф Толстой высказывает довольно спорную мысль том, что воспитание должно быть исключено из образования, мотивируя ее тем, что «Воспитание есть принудительное, насильственное воздействие одного лица на другое с целью образовать такого человека, который нам кажется хорошим; а образование есть свободное отношение людей, имеющее своим основанием потребность одного приобретать сведения, а другого – сообщать уже приобретенное им» [1]. Далее граф приходит к мысли о том, что воспитание вообще не может быть предметом педагогики, а таковым может являться только образование. Такие размышления Толстого конечно же не прошли незамеченными мимо Московского Цензурного Комитета. Его председатель Тайный Советник М. Щербинин направляет статью в Министерство народного просвещения, в комментариях к которой с возмущением констатирует тот факт, что автор статьи «...ни за кем не признает права воспитания в принципе и только в виде уступки утвердившимся веками и обычаем (предрассудкам?) оставляет его за семью, церковью и государством и безусловно отнимает его у общества» [2]. Далее господин Щербинин пишет, что автор тем самым отвергает все воспитательно-образовательные заведения, считая их школами разврата, так как они окончательно искажают молодых людей нравственно. То есть, председатель Цензурного Комитета делает вывод о том, что, автор статьи пытается свергнуть всю систему общественного образования.

В данной работе мы предприняли попытку аргументировать необходимость воспитания обучающегося в высших учебных заведениях.

Рассмотрим двух виртуальных героев. Один – грамотный сотрудник, обладающий прекрасными общеправовыми, профессиональными знаниями, позволяющими ему получать хорошие результаты в служебной деятельности (по крайней мере по отчетам), но при этом он не «видит» вокруг себя других людей, их проблемы, чаяния и как следствие даже не предпринимает попыток

им помочь. Другой – может и не достигает отличных результатов в работе, порой ошибается, но при этом готов всегда прийти на помощь, сопереживает коллегам и радуется вместе с ними, в общении с населением внимателен, вежлив, относится с пониманием, не злоупотребляет формальными отказами на просьбы. Не вызывает сомнения, что именно второй пример сотрудника создает позитивный образ в общественном мнении.

В связи с этим важная роль в образовательном процессе высшей школы должна быть отведена воспитанию. Это подтверждает и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, который определяет образование, как единый (выделено автором – А. И.) целенаправленный процесс воспитания и обучения. При этом закон не разделяет форму и уровень образования. Конечно, методы воспитательной работы в начальной и высшей школе отличаются, но цель у них одна – «...создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [2].

Понимая важность этого направления образовательного процесса, государство в последние годы обращает пристальное внимание на его нормативно-правовое закрепление. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации 2 июля 2021 г. № 400, констатирует: «В настоящее время усиливается сплоченность российского общества, укрепляется гражданское самосознание, растет осознание необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, возрастает социальная активность граждан, их вовлеченность в решение наиболее актуальных задач местного и государственного значения» [3]. Учитывая данные тенденции в развитии нашей страны и общественного сознания россиян, воспитание подрастающего поколения и молодежи России можно назвать одной из главных стратегических задач государства.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся», вступивший в силу 1 сентября 2020 г., скорректировал само понятие воспитания, наполнив его более глубоким содержательным смыслом. В определение этой деятельности были добавлены положения, которые отражают специфику нашей страны, нашей культуры: «...формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [4]. Этот же федеральный закон включает в структуру образовательной программы рабочую программу воспитания и календарный план воспитательной работы. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации в 2021 году подготовило примерную рабочую программу воспитания в образовательной организации высшего образования, которая определяет управление системой воспитательной работы, а также ее содержание и условия реализации.

Ответственность за эффективность воспитательной работы в вузе безусловно ложится на плечи преподавателя: «...Занятия в высшем учебном заведении также должны быть не только содержательно наполнены, но и всегда нести в себе нравственную составляющую. И здесь очень многое зависит от личности педагога высшей школы. Он должен быть не только грамотным специалистом в своей дисциплине, но и мудрым и терпеливым учителем и воспитателем. Очень часто для молодых обучающихся преподаватель является примером для подражания. Об этом не стоит забывать! И речь, и поведение преподавателя должны соответствовать этой важной функции» [5, с. 91–92]. Не стоит думать, что обучающиеся в высших учебных заведениях уже достаточ-

но взрослые и воспитанные люди. В связи с этим на учебных занятиях не стоит уделять время лишь обучению, игнорируя вторую составляющую образовательного процесса – воспитание. Конечно методы воспитания здесь должны коренным образом отличаться от методов воспитания в начальной школе, но сама необходимость воспитания не утрачивает своей значимости. Скорее наоборот, становится более важной.

Преподаватель в образовательном процессе играет ключевую роль. Его идентификация происходит не с профессией, а с процессом преподавания учебной дисциплины. Следует отметить, что во взаимосвязи преподавателя и обучающегося в образовательных организациях МВД России коммуникативная сторона процесса имеет достаточно большое значение. Статус преподавателя, его индивидуальные качества обучающиеся экстраполируют на образ сотрудника органов внутренних дел и систему МВД России в целом. Именно его отношение способствует генерированию ценностных и этических аспектов профессионального обучения, что является приоритетным в рамках воспитательного потенциала процесса преподавания.

Так, например, на учебных занятиях в образовательных организациях МВД России педагоги должны обращать внимание на профессионально-нравственное воспитание. Сотрудник полиции – это не просто носитель квалифицированных юридических знаний, обладающий определенными физическими и профессионально-служебными умениями и навыками, это человек, готовый в любое время прийти на помощь тому, кто в ней нуждается, что значит, что в его арсенале профессиональных качеств должны присутствовать мужество, решительность, сострадание, бескорыстие, склонность к самопожертвованию и чувство справедливости. Их нельзя «вызубрить» или просто рационально усвоить, как некие знания, они приобретаются в результате воспитания.

Профессионально-нравственное воспитание развивает у обучающихся представления о нравственных основах службы в орга-

нах внутренних дел Российской Федерации, формирует знания профессионально-этических требований к поведению на службе и в быту, учит выстраивать взаимоотношения в служебном коллективе и вырабатывает устойчивые навыки соблюдения профессионально-этического стандарта антикоррупционного поведения.

Основное внимание на формирование этих представлений, безусловно, обращается при изучении учебной дисциплины «Профессиональная этика и служебный этикет». Однако это не означает, что в процессе преподавания общеюридических и специальных дисциплин данное направление должно игнорироваться. Основным аспектом в данном направлении должна выступать помощь обучающимся со стороны профессорско-преподавательского состава в осознании различий между правомерным и противоправным поведением. Речь идет, во-первых, о правомерности (противоправности) поведения самих обучающихся (осознании пределов делегируемых государством прав, предоставляемых сотруднику полиции, например, права вхождения (проникновения) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории), а во-вторых, о правомерности действий непосредственных участников правоотношений, рассматриваемых при разрешении практических ситуаций на практических занятиях большинства преподаваемых дисциплин.

Такие нравственные критерии, как совесть, честь и стыд, а также профессиональная честность воспитываются при опросе обучающихся на занятиях, в то время как закрепление их правильного понимания самим обучающимся происходит уже в процессе проведения профессорско-преподавательским составом индивидуальных консультаций, в которых, безусловно, должны присутствовать элементы профилактической беседы.

Культура поведения прививается посредством тактичных, своевременных и уместных замечаний, которые делают преподаватели обучающимся. Такие замечания, как правило, касаются поведения обучающегося

в аудитории (до, во время и после занятия), возникают в ситуациях конфликта (при получении отличной или неудовлетворительной оценки, при разногласиях между оппонентами в ходе дискуссии). Они направлены на работу над правильностью и чистотой речи (при использовании обучающимися слов-паразитов, употреблении жаргонных выражений), а также ориентированы на соблюдение обучающимися этикета и правил ношения форменного обмундирования.

Воспитательный характер мероприятий, направленных на формирование сплоченности коллектива, проявляется в постановке преподавателем коллективной задачи перед обучающимися (в рамках подготовки к внеаудиторному мероприятию, игровому моделированию практической ситуации, подготовки и проведения учений).

Таким образом, следует подчеркнуть, что зрелая гражданская позиция, высокая нравственная воспитанность и культура сотрудников полиции выступают в качестве важных профессионально-нравственных характеристик, обуславливающих качество выполнения правоохранительных задач по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан.

Одним из вызовов нашего времени стал период пандемии COVID-19, распространившейся по всему миру и повлиявшей на всей сферы общественной жизни. Не стала исключением и образовательная деятельность. Условия распространения новой коронавирусной инфекции вызвали необходимость глобального перехода к дистанционным образовательным технологиям. Отсюда и возникла проблема перехода к дистанционной воспитательной работе. На нее обращает внимание в своем интервью для образовательной платформы «Юрайт» 18 мая 2021 г. проректор по учебной работе, качеству образования – первый проректор Кубанского государственного университета, доктор социологических наук Темыр Хагуров. Указывая на то, что у студентов очень важно сформировать три качества: любознательность, трудолюбие и человеколюбие, он тем не менее полагает, что это сложно или практически невозможно

сделать в онлайн-формате: «...Мы все живые люди, нам нужно видеть глаза друг друга, эмоциональные реакции, нам нужно быть в коллективе и обмениваться энергией. Одна из главных вещей, на которые жаловались студенты, – это одиночество перед компьютером в условиях онлайн-обучения: все друзья по домам, видеться нельзя, пообщаться в группе нельзя» [6, с. 93–94]. В связи с этим задача преподавателей – помочь обучающимся преодолеть это одиночество посредством активного общения с ними на занятиях, проводимых с помощью видео-конференц-связи. Они не должны быть пассивными слушателями как на занятиях лекционного, так и семинарского типа. Здесь на помощь преподавателю должны прийти интерактивные педагогические методики, предполагающие обратную связь обучающегося с педагогом. Обучающиеся должны чувствовать свою востребованность в процессе проведения занятий в дистанционном формате, и это чувство будет настраивать их на полноценную подготовку к занятиям, несмотря на смену формата с очного на дистанционный, они не должны воспринимать этот переход как повод «немного расслабиться».

Проведение занятий в таком формате предполагает и воспитательную работу. Преподаватель не должен оставаться равнодушным к поведению обучающихся при проведении видеоконференции, к их внешнему виду, языку, жестам, напоминая, что они находятся на занятии, хотя и не в аудитории. Не стоит думать, что это никак не связано с преподаваемой дисциплиной и яв-

ляется лишь пустой тратой времени на занятии. Преподаватель не должен забывать, что он еще и воспитатель, и использование воспитательного потенциала в преподавании абсолютно любых дисциплин – это прямая обязанность педагога.

К сожалению, наше время и глобальная доступность информации приносит немало примеров плохого воспитания или вообще полной невоспитанности. Человек, приобретающий знания, которая дает ему высшая школа, обязан распоряжаться ими как воспитанный человек, нести ответственность за использование этих знаний во благо человека и человечества, а не во вред ему. Эту ответственность и необходимо воспитывать в стенах вузов.

В советское время слова «человек с высшим образованием» и «интеллигент» были практически синонимами. Новая иллюстрированная энциклопедия так определяет термин «интеллигенция» – «...Общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Понятию интеллигенции придают нередко и моральный смысл, считая ее носителем высокой нравственности» [7, с. 201]. Таким образом, «интеллигент» – это носитель не только «высоких» знаний, но и высокой нравственной культуры, поэтому мы все больше и больше убеждаемся в важности воспитательной работы на всех образовательных платформах независимо от уровня получаемого образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстой Л. Н. Воспитание и образование (Upbringing and education) // URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pedagogika/vospitanie-i-obrazovanie.htm> (дата обращения: 09.11.2022).
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 13.05.2022).
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 29.09.2022).
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся»: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788> (дата обращения: 29.09.2022).

5. Исаев А. А. Нравственное воспитание как неотъемлемый элемент высшего образования // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. Т. 11. № 1-3. С. 89–95.
6. Просторы и горизонты цифрового образования: материалы вебинаров, бесед и исследований Юрайт. Академии. Выпуск 3. Весенний семестр 2021 / А. А. Сафонов и др; составители А. А. Сафонов, П. А. Частова. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 212 с.
7. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 7. Жа – Ит. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 256 с.

REFERENCES

1. Tolstoy L. N. Upbringing and education (Upbringing and education) // URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pedagogika/vospitanie-i-obrazovanie.htm> (date of access: 09.11.2022). (In Russ.)
2. On Education in the Russian Federation: Federal Law dated December 29, 2012 No. 273-FZ (ed. dated 16.04.2022) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (date of access: 13.05.2022). (In Russ.)
3. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 29.09.2022). (In Russ.)
4. On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» on the education of students»: Federal Law dated July 31, 2020 No. 304-FZ // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788> (accessed: 29.09.2022). (In Russ.)
5. Isaev A. A. Moral education as an integral element of higher education // Modern studies of social problems. Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center, 2019. Vol. 11. № 1-3. P. 89–95. (In Russ.)
6. Vastness and horizons of digital education. Materials of webinars, conversations and research of Yurayt. Academies. Issue 3. Spring semester 2021 / A. A. Safonov et al.; compiled by A. A. Safonov, P. A. Chastova. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 212 p. (In Russ.)
7. New illustrated Encyclopedia. Book 7. Zha – It. M.: The Great Russian Encyclopedia, 2003. 256 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Исаев А. А., кандидат философских наук, доцент.

Information about the author:

Isaev A. A., Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.

СОДЕРЖАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Роман Викторович Камнев¹, Дмитрий Дамирович Туко²,
Сергей Владимирович Тихонов³

^{1, 3} Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ taekvondoroman@mail.ru

Аннотация. Современные тенденции в физическом воспитании основываются на новой педагогической парадигме, в основе которой лежат принципы дефицитарного и опережающего подхода, принципа прикладности с учетом прогнозирования профессиональной деятельности и карьерного роста, принципа информатизации и цифровизации, высокий уровень самообразования. Современная молодежь, проходящая обучение в образовательных организациях, в том числе системы МВД России, во многом отличается от своих предшественников. Им присуще иное восприятие учебной информации, их побудительные мотивы к обучению формируются под воздействием легкодоступного и яркого контента. Также современные научные данные и методические принципы физического воспитания перетерпели значительные изменения, коренным образом поменялась система развития и совершенствования физических качеств.

Здесь перечислен незначительный объем коренных изменений, которые произошли в области образования и физического воспитания, но и его достаточно, чтобы определить актуальность поиска новых, альтернативных методик обучения и физической подготовки в частности.

Ключевые слова: функциональная подготовка, сотрудники полиции России, современные методики физической подготовки, альтернативная концепция физической подготовки сотрудников полиции России, кроссфит

Для цитирования: Камнев Р. В., Туко Д. Д., Тихонов С. В. Содержание функциональной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 210–215.

Original article

THE CONTENT OF CADETS AND STUDENTS FUNCTIONAL TRAINING IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Roman V. Kamnev¹, Dmitry D. Tuko², Sergey V. Tikhonov³

^{1, 3} Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ taekvondoroman@mail.ru

Abstract. Modern trends in physical education are based on a new pedagogical paradigm, which is based on the principles of a scarce and advanced approach, the principle of applicability, taking into account the forecasting of professional activity and career growth, the principle of informatization and digitalization, a high level of self-education. Modern youth studying in educational institutions, including the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, differs in many ways from their predecessors. They have a different perception of educational information, their incentives for learning are formed under the influence of easily accessible and vivid content. Also, modern scientific data and methodological principles of physical education

have undergone significant changes, the system of development and improvement of physical qualities has changed radically.

A small amount of fundamental changes that have occurred in the field of education and physical training is listed here, that is enough to determine the relevance of the search for new, alternative methods of education and physical training in particular.

Keywords: functional training, Russian police officers, modern methods of physical training, alternative concept of physical training of Russian police officers, crossfit

For citation: Kamnev R. V., Tuko D. D., Tikhonov S. V. The content of cadets and students functional training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 210–215.

Физическая подготовка сотрудников МВД России является одной из главных составляющих в их профессиональной подготовке. И это вовсе не случайно, так как сотрудникам правоохранительных органов по роду своей профессиональной деятельности часто приходится действовать в экстремальных условиях, предъявляющих повышенные требования к их общей и специальной физической подготовке, психологической готовности противостоять правонарушителям и преступникам. Это требует поиска качественно новых методических подходов развития комплексных физических качеств сотрудников полиции, а также формирования профессиональных двигательных навыков.

Объективные обстоятельства служебной деятельности сотрудников полиции связаны с дефицитом свободного времени и высоким объемом работы, что определяет отсутствие свободных резервов для систематических длительных занятий по развитию функциональных качеств и укреплению физического и психического здоровья. Изменить подобное положение дел на данный момент является почти не возможным ввиду множества объективных причин, связанных с отсутствием достаточного количества специализированных спортивных залов в территориальных органах и высококлассных инструкторов по физической подготовке, дефицитом свободного времени. Следовательно, необходимо разработать альтернативную концепцию физической подготовки сотрудников полиции, основанную на современных научных исследованиях, в содержание которой должны входить на практике доказавшие свою эффективность методики развития и под-

держания физических качеств, не требующие для своей реализации дополнительных тренажеров, большой площади помещения для занятий, значительного объема затрачиваемого времени; способные в кратчайшее время сформировать высокий уровень функциональной подготовленности; обеспечивающие должный уровень здоровья; формирующие потребность в здоровом образе жизни и физическом совершенствовании; побуждающие интерес к физкультурно-спортивной деятельности.

Исходя из представленного материала становятся стратегически важным формирование теоретических знаний и практического опыта у сотрудников полиции в организации самостоятельной, физиологически обоснованной и эффективной функциональной подготовки, а также формирование необходимого уровня физических качеств в периоды их обучения в образовательных организациях системы МВД России и прохождения первоначальной профессиональной подготовки.

По данным различных источников на сегодняшний день в процессе физической подготовки сотрудников полиции зарубежных стран, военнослужащих отдельных частей России и сотрудников специальных подразделений успешно применяются различные методики функционального тренинга (кроссфита). На наш взгляд, рассматриваемые методики в большей мере отвечают современным требованиям функциональной подготовки сотрудников полиции в целом и курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России в частности. Данные методики включают в себя упражнения, направленные на развитие различных мышечных групп, вы-

полняются на уровне частоты сердечных сокращений (далее – ЧСС) в диапазоне от 160 до 220 ударов в минуту продолжительностью от нескольких минут до нескольких часов, содержат большое разнообразие упражнений, носят высокий соревновательный и мотивационный потенциал.

По своей сути, кроссфит – это система общей физической подготовки. Смысл кроссфита заключается в коротких высокоинтенсивных тренировках. Центральную часть системы тренировок составляют высокоинтенсивные кардиокомплексы либо гибридные тренировки на интенсивную работу в смешанном режиме (кардио-силовые) с максимальным усилием. В таких комплексах задача стоит либо выполнить за минимальное время указанный объем работы, либо выполнить за указанное время максимальный объем работы [1].

Физиологические процессы, развивающиеся при выполнении высокоинтенсивных комплексов, мобилизуют деятельность эндокринной системы, увеличивающей содержание различных гормонов в плазме крови в десятки раз, чего не наблюдается при длительных низкоинтенсивных занятиях. Высокое содержание гормонов позволяет комплексно решать значительный объем здоровьесберегающих задач и способствует функциональному развитию. Время восстановления физиологических резервов организма после подобных занятий составляет от 12 до 24 часов, в некоторых случаях и меньше. Незначительное время, затрачиваемое на восстановление после нагрузки, предоставляет возможность проведения следующей тренировки в тот же день, создавая кумулятивный эффект различных нагрузок. Повышенный объем гормонов, поступающий в организм человека во время и после выполнения высокоинтенсивных комплексов, повышает концентрацию внимания обучающихся на изучаемых двигательных действиях; способствует формированию двигательных навыков; повышает уровень функциональной подготовки.

Заслуживает внимания исследование, проведенное Б. Дж. Шенфилдом и его кол-

легами в 2021 году. По его результатам было сделано заключение о том, что для поддержания мышечной силы и выносливости важное значение имеет интенсивность тренировок, а не их частота и продолжительность [2]. Это заключение было подтверждено и другими ранее проведенными исследованиями, доказавшими, что интенсивная тренировка длительностью до 60 минут способна дать тот же функциональный результат, что и тренировки, проходящие в 5 раз дольше, но с более низкой интенсивностью.

Согласно исследованиям, проведенным в 2021 году Б. А. Спирингом В.А. и его коллегами, людям младше 60 лет достаточно одной тренировки в неделю для поддержания своей функциональной формы при условии, что эти тренировки будут носить интенсивный характер. Подобный режим сохраняет функциональные показатели на стабильном уровне в течение 32 недель [3]. Надо понимать, что авторы имеют в виду поддержание уже достигнутого уровня функциональной подготовленности, а не его совершенствование.

В своей статье Д. А. Кокорев, Д. В. Выприков, О. В. Везениц и др. приводят следующие данные проведенного ими педагогического эксперимента, в котором приняли участие 410 студентов Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова: структура и содержание процесса функциональной подготовки на основе кроссфит показали свою эффективность, в значительной степени повысив физическое состояние студентов.

Свою экспериментальную модель функциональной подготовки студентов авторы исследования разрабатывали отдельно для каждого мезоцикла с равномерным ростом интенсивности, интеграцией гимнастических и силовых кардиоваскулярных упражнений. Авторская методика апробировалась в течение 2-х лет (1-й год имел оздоровительно-развивающую направленность, 2-й год – спортивно-развивающую). В основе экспериментальной методики использовались: упражнения, направленные на развитие аэробной выносливости; методики

изучения и совершенствования техники гимнастических упражнений; задания из арсенала тяжелой атлетики и гиревого спорта; интенсивные комплексы кроссфит (далее – WOD); упражнения для развития гибкости и активного отдыха; соревнования. Продолжительность выполнения WOD варьировались по мере адаптации организма студентов к предлагаемым нагрузкам: у юношей от 5 до 35 минут, у девушек от 5 до 25 минут. Аэробная нагрузка по мере увеличения времени, затрачиваемого на интенсивные комплексы, уменьшалась от 10 до 5 минут у юношей и девушек. На выполнение упражнений атлетической гимнастики в начале эксперимента выделялось 25 минут и к его завершению снизилось до 10 мин [4].

Однако необходимо отметить, что образовательный процесс курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в значительной степени отличается от процесса обучения их сверстников из гражданских вузов. Это связано со специфическим распорядком дня, необходимостью несения службы в нарядах, участием в обще академических мероприятиях, периодическим участием в охране общественного порядка, что в значительной степени определяет процесс адаптации к нагрузкам в соответствии с процессом отдыха и восстановления функциональных резервов организма. Вследствие чего можно сделать вывод о том, что при разработке интенсивных комплексов эти особенности необходимо учитывать, они должны носить специализированный характер.

Практика использования интенсивных комплексов кроссфит с обучающимися образовательных организаций системы МВД России описана в работе А. Г. Галимовой и М. Д. Кудрявцева «Совершенствование физической подготовленности курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации средствами кроссфит» [5]. Авторами представлена организация построения занятий с использованием комплексов кроссфит периодичностью три раза в неделю с различной направленностью (модальностью) занятий

(В – метаболическая (бег на длинные дистанции), Б – гимнастическая (сгибание и разгибание рук в упоре лежа, подтягивание на перекладине, сгибание и разгибание рук в упоре на брусьях, силовые комплексные упражнения, подъем по канату (шесту), наклоны вперед из положения лежа на спине, поднос прямых ног к перекладине, подъем коленей в висе на перекладине (в упоре на брусьях), А – работа с отягощениями (использование гирь, штанг, дисков от штанги, гантелей).

Экспериментальная работа длилась в течение одного года, по окончании авторами были получены результаты, показывающие значительные улучшения работы сердечно-сосудистой системы в экспериментальной группе.

Данные, полученные А. Г. Галимовой и М. Д. Кудрявцевым, достоверно показывают значимость и эффективность интенсивных комплексов кроссфит для обучающихся образовательных организаций МВД России при трех разовых занятиях в неделю.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Поддержанию и развитию функциональной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в условиях чрезмерного психического и физического утомления, дефицита свободного времени соответствует содержание интенсивных тренировок кроссфит.

2. Применяемые в кроссфит методики и принципы при минимальном временном объеме тренировочного времени способны в значительной степени положительно повлиять на функциональную подготовку обучающихся, а также решить большинство здоровьесберегающих задач и сформировать высокий уровень внутренней потребности в здоровом образе жизни.

3. При планировании распределения интенсивности и объема физической нагрузки в учебном году целесообразно учитывать, что уровень функциональной подготовки можно поддерживать в течение 32 недель, применяя для этого одно тренировочное занятие в неделю высокой или средней интен-

сивности продолжительностью до 60 минут (если при этом не ставится задача развития каких-либо физических качеств).

4. В содержание разрабатываемых функциональных комплексов целесообразно включать: упражнения, направленные на развитие аэробной выносливости; задания для изучения и совершенствования техники гимнастических упражнений; упражнения из тяжелой атлетики и гиревого спорта; WOD; задания для развития гибкости и активного отдыха; соревнования.

5. В целях развития функциональной подготовки по мере адаптации организма обучающихся к нагрузкам, длительность выполнения WOD должна варьироваться у юношей от 5 до 35 минут, у девушек от 5 до 25 минут. Аэробная нагрузка с увеличением времени, затрачиваемого на интенсивные комплексы, уменьшается от 10 до 5 минут у юношей и девушек. Упражнениям атлетической гимнастики в начале обучения целесообразно уделять от 25 минут и больше, постепенно снижая это время до 10 минут.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галимова А. Г. Совершенствование физической подготовленности сотрудников ОВД на основе использования высокоинтенсивных многосуставных упражнений: методические рекомендации / А. Г. Галимова, С. А. Гальцев, В. А. Глубокий. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. 47с.
2. Schenfeld B. J. Resistance training volume enhances muscle hypertrophy but not strength entrained men // Med. sci. sport Exerc. 2019 51(1). P. 94–103.
3. Spiering B. A. Maintaining physical performance since the preserve endurance and strength over time // J Strength cond res. 2021. 35(5). P. 1449–1458.
4. Кокорев Д. А. Структура и содержание процесса физической подготовки студентов на основе кроссфита / Д. А. Кокорев, Д. В. Выприков, О. В. Везениц и др. // Теория и практика физической культуры. 2017. № 9. С. 19–21.
5. Галимова А. Г. Кудрявцев М. Д. Совершенствование физической подготовленности курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации средствами кроссфита: монография / А. Г. Галимова, М. Д. Кудрявцев. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. 100 с.

REFERENCE

1. Galimova A. G. The physical fitness improvement of police officers based on the use of high-intensity multi-joint exercises: guidelines / A. G. Galimova, S. A. Galtsev, V. A. Glubokiy. Irkutsk: FGKOU VO VSI MIA of Russia, 2017. 47 p. (In Russ.)
2. Schenfeld B. J. Resistance training volume enhances muscle hypertrophy but not strength entrained men // Med. sci. sport Exerc. 2019 51(1). P. 94–103. (In Russ.)
3. Spiering B. A. Maintaining physical performance since the preserve endurance and strength over time // J Strength cond res. 2021. 35(5). P. 1449–1458. (In Russ.)
4. Kokorev D. A., Vyprikov D. V., Vezenits O. V. Structure and content of the process of physical training of students based on crossfit // Theory and practice of physical culture. 2017. No. 9. P. 19–21. (In Russ.)
5. Galimova A. G. Kudryavtsev M. D. The physical fitness improvement of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation by means of crossfit: monograph / A. G. Galimova, M. D. Kudryavtsev. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 100 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Камнев Р. В., кандидат педагогических наук, доцент;
Туко Д. Д., без ученой степени;
Тихонов С. В., без ученой степени.

Information about the author:

Kamnev R. V., Candidate of Pedagogy, Associate Professor;

Tuko D. D., no academic degree;

Tikhonov S. V., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 25.11.2022.

Научная статья
УДК 378.635.034:[343.85:343.352](470)

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Любовь Васильевна Ковтуненко¹, Ольга Александровна Титова²

^{1,2} Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,

¹ kovtunenkolv@mail.ru, orcid.org/0000-0002-7694-3959

² olytitova210597@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования антикоррупционной культуры курсантов образовательных организаций МВД России, представляемая как мера профилактики коррупционных преступлений. Авторы обосновывают особенности ее формирования с учетом специфики ведомственного вуза, рассматривая профессионально важные качества сотрудника полиции, способного противостоять коррупции; указывают на важные аспекты воспитания будущих сотрудников органов внутренних дел, определяют обстоятельства, способствующие совершению коррупционных преступлений, и рассматривают направления системы антикоррупционного воспитания и формирования антикоррупционной культуры будущего сотрудника органов внутренних дел. Авторы приводят ряд условий, способствующих формированию антикоррупционного поведения у курсантов образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: антикоррупционная культура, образовательная организация, сотрудник полиции, особенности формирования антикоррупционной культуры.

Для цитирования: Ковтуненко Л. В., Титова О. А. Формирование антикоррупционной культуры курсантов образовательных организаций МВД России как мера профилактики коррупционных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 216–221.

Original article

FORMATION OF AN ANTI-CORRUPTION CULTURE AMONG CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AS A MEASURE OF PREVENTION OF CORRUPTION-RELATED CRIMES

Lyubov V. Kovtunenکو¹, Olga A. Titova²

^{1,2} Voronezh State University, Voronezh, Russia

¹ kovtunenkolv@mail.ru, orcid.org/0000-0002-7694-3959

² olytitova210597@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of formation of anti-corruption culture of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, presented as a measure of prevention of corruption crimes. The authors substantiate the features of its formation taking into account the specifics of the departmental university, considering the professionally important qualities of a police officer capable of resisting corruption; point out important aspects of the education of future employees of the internal affairs bodies, determine the circumstances that contribute to the commission of corruption crimes and consider the directions of the system of anti-corruption education and the formation of an anti-corruption culture of the future employee of the internal affairs bodies. The authors cite a number of conditions that contribute to the formation of anti-corruption behavior among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

© Ковтуненко Л. В., Титова О. А., 2022

Keywords: anti-corruption culture, educational organization, police officer, features of the formation of anti-corruption culture.

For citation: Kovtunenکو L. V., Titova O. A. Formation of an anti-corruption culture among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a measure of prevention of corruption-related crimes // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 216–221.

В современном российском обществе коррупция, к сожалению, остается одним из самых негативных явлений, препятствующих цивилизационному развитию страны. Об этом свидетельствуют многочисленные научные исследования, выступления общественных деятелей, обсуждения в СМИ, статистика уголовных преступлений и т. д. Так, по данным МВД России, в 2021 году было зарегистрировано почти 54 тысячи преступлений, связанных с коррупцией. Наибольшее количество таких преступлений регистрируется в сфере экономической деятельности – свыше 20 тысяч [1].

Коррупция, представляя повышенную опасность для социума, не стала исключением и для правоохранительной системы, призванной бороться с этим социальным злом. Коррупционность отдельных сотрудников полиции значительно снижает не только их личный авторитет, но и службы органов внутренних дел в целом.

Одним из факторов риска коррупционных правонарушений исследователи данной проблемы называют само общество, уровень его развития, этические и морально-нравственные убеждения его граждан [2]. С подобным мнением можно согласиться лишь отчасти. Нам близка позиция О. В. Ванновской, которая считает, что «коррупционное поведение не столько определяется внешними обстоятельствами, сколько зависит от внутренних детерминант: комплекса определенных качеств личности, ее установок, ценностных ориентаций и морально-нравственных норм регуляции поведения и т. п.» [3, с. 130–135].

Анализ опыта работы с сотрудниками правоохранительных органов по противодействию коррупции позволяет констатировать, что уровень правовой культуры, юридической и экономической информированности, антикоррупционные ценности в

сознании и поведении сотрудника повышают устойчивость к коррупционному поведению. Кроме того, осознание сотрудником необходимости следования нормам антикоррупционной культуры формирует у него правосознание, готовность к соблюдению правовых норм в поведении и деятельности, проявлению высокой гражданской позиции по противодействию коррупции.

Учитывая сложность и многоаспектность феномена «коррупция», считаем, что необходимо рассматривать ее в контексте различных связей и отношений как социального характера (экономических, правовых и т. п.), так и внутренних проявлений субъекта, его поведения, мотивов, социальных установок, а также тех лиц, которые вовлечены в коррупционную ситуацию.

Согласно имеющимся исследованиям в области борьбы с коррупцией отметим существенные признаки, создающие обстановку, благоприятную для коррупционных преступлений в правоохранительных органах:

- низкий уровень правовой культуры сотрудников правоохранительной сферы и судебной системы (прокурора, судьи, начальника и его заместителя, участковых, инспекторов ПДН, психологов, воспитателей и др.);
- перегрузка правоохранительных органов большим количеством однотипных задач, исключающая установление неформального диалога (взаимодействия) между подразделениями;
- нестабильная социально-экономическая ситуация в регионе;
- нарушение принципа разделения властей в правоохранительной сфере;
- отсутствие в федеральном законодательстве достаточных регламентов процедуры возбуждения уголовных дел, предъявления обвинения и избрания меры пресечения,

а также их утверждения и направления прорыву [4].

Принятым в 2008 году федеральным законом «О противодействии коррупции» установлены основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Положения нормативных актов относительно мер профилактики коррупции направлены на реализацию принципов открытости и публичности в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственных внебюджетных фондов, реализацию антикоррупционных норм и требований в деятельности органов государственной власти.

Изучение антикоррупционного законодательства, научных публикаций, результатов правоохранительной и общественной практики свидетельствует о необходимости использования мультидисциплинарного подхода как к пониманию природы и причин коррупции, так и к построения системы средств ее предупреждения, воспитательной работы по формированию высоко нравственной личности будущего сотрудника правоохранительных органов.

Эффективными мерами по противодействию коррупции в правоохранительных органах разными авторами называются:

- формирование достойного денежного довольствия для сотрудников, чтобы исключить влияние желания незаконного финансового обогащения;
- организация воспитательного процесса по доведению недопустимости коррупционных явлений;
- проведение запланированных и внезапных проверок в области коррупции в структурах МВД России;
- более тщательное рассмотрение кандидатур, претендующих на высокие должности в структурах МВД России;
- поощрение сотрудников за добросовестное исполнение своих обязанностей, соблюдение законности в сфере охраны правопорядка.

В профилактике и ликвидации коррупционных явлений среди будущих сотрудников в образовательном процессе ведомственных вузов МВД России важное значение имеет формирование антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционных ценностей, которые обеспечат сотруднику способность и готовность строго следовать правовым нормам на законодательном и исполнительном уровнях в служебной деятельности и личном поведении.

Рассматривая будущего сотрудника полиции как человека с высоким уровнем правовой культуры, обязанностью которого является соблюдение законов и нормативных правовых документов, который, вступая в должность, берет на себя ответственность за неукоснительное выполнение требований нормативно-правовых актов, направленных на борьбу с преступлениями и правонарушениями, необходимо обеспечить направленность содержания антикоррупционного образования на разъяснение антикоррупционной политики, положений антикоррупционного законодательства, организовать проведение антикоррупционных мероприятий [5].

Для того, чтобы обучающиеся в образовательных организациях МВД России могли в полной мере в дальнейшей служебной деятельности противостоять определенным коррупционным соблазнам, им необходимо не только обладать знаниями антикоррупционного законодательства, быть информированными, но и способными в дальнейшем результативно и правильно оценивать те или иные коррупциогенные факторы и следовать антикоррупционному поведению [6, с. 335–337].

Считаем, что этих мер недостаточно для формирования высокого уровня антикоррупционной направленности будущего сотрудника полиции.

В педагогической науке разработаны методы, обеспечивающие формирование и развитие личности в процессе ее обучения, образования и воспитания, способной и готовой в будущем эффективно осуществлять профессиональную деятельность. Для ка-

чественного антикоррупционного образования, предупреждения коррупции среди сотрудников органов внутренних дел следует исходить из основной задачи, которой является «обеспечение населения, особенно молодого поколения знаниями, системой ценностей, взглядов, убеждений, интересов, навыков, необходимых для нормального функционирования общества и собственного развития» [7, с. 47–53].

В числе факторов развития системы ценностных ориентаций ученые (Г. М. Андреева, М. С. Яницкий и др.) называют общество в целом, его культуру, законы и традиции, семью, социальную и образовательную среду, личность педагога, средства массовой информации и т. п. Однако пассивное восприятие любого воздействия без деятельностного участия самой личности не способно сформировать ценностные ориентации личности.

Для того, чтобы будущий сотрудник мог противостоять коррупции, важна его собственная «убежденность в неприемлемости такого поведения, чтобы данная убежденность была непосредственно связана с атмосферой антикоррупционного общественного сознания, в том числе антикоррупционного сознания членов коллектива, в котором он проходит службу. Подобная форма связи личности и общества дает для индивида как минимум три ряда отношений: непоколебимость в истинности постигнутого (как совместного знания, так и профессионального); уверенность в согласовании этого знания коллективным потребностям; уверенность в роли освоенных социальных норм, мыслей и эталонов для собственной жизни» [8, с. 197–206].

В условиях формирования антикоррупционного сознания личности будущего сотрудника приоритетом для администрации и педагогического коллектива образовательной организации должно стать решение следующих задач:

– систематизация и обобщение личного опыта, знаний, убеждений, поведенческих, моральных и правовых норм, особенно связанных с коррупцией и противоправными

действиями коррупционеров, путем закрепления их в профессиональной деятельности, системе обучения и воспитания;

– формирование устойчивой антикоррупционной позиции личности;

– глубокое осознание своей причастности к правоохранительным органам и ведению честного и достойного поведения в целях их укрепления, признания государством, общественностью и бизнесом;

– защита личности от этих явлений путем формирования необходимой для этого активной жизненной позиции и уважительного отношения к закону, обществу, особенно к своему государству.

Основными направлениями системы антикоррупционного воспитания и формирования антикоррупционной культуры будущего сотрудника органов внутренних дел являются:

– формирование солидарного и ответственного поведения в служебной и трудовой деятельности с учетом социокультурных и правовых особенностей сотрудников полиции и общественных организаций;

– создание необходимых условий для всестороннего развития личности сотрудника, сохранение условий для естественного развития и проявления всех сторон ее личности;

– формирование у курсантов интереса и потребности в систематической деятельности по изучению вопросов коррупции;

– воспитание честного, уважительного, творческого отношения к правам, свободам и обязанностям человека, а также к его труду и репутации;

– формирование личностно-профессионального самоопределения антикоррупционного сознания в системе антикоррупционных ценностей;

– профилактика и исправление случаев коррупции; профилактика и устранение последствий преступлений коррупционной направленности;

– принятие правовых актов, содержащих гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, административной и уголовной ответственности за коррупцию; внесение

изменений в законы, предусматривающие юридическое регулирование поведения в системе образования, правоохранительной, судебной и иных сферах деятельности.

Любая педагогическая деятельность, в том числе целенаправленная деятельность по формированию антикоррупционной культуры включает следующие виды деятельности: организаторскую, аналитическую и проектировочную, формируемые в соответствии с педагогическими целями и задачами учебно-воспитательной деятельности обучающихся. Каждый из представленных этапов реализуется в различных действиях, выполнение которых необходимо не только педагогами, но и самими обучаемыми. Деятельность по формированию активной позиции по противодействию коррупции среди курсантов вузов МВД России представляется как сложная система с собственной иерархией, включающая множество компонентов педагогической деятельности. И если условия формирования антикоррупционной позиции у курсанта будут выполнены, то об-

щество получит антикоррупционно устойчивую личность, сотрудника, у которого развито правовое сознание, который умеет противостоять коррупционным соблазнам и способен достойно выполнять свои служебные обязанности.

Сегодня сформированы правовые основы антикоррупционного воспитания, просвещения и образования будущих сотрудников правоохранительных органов, имеются программы, разработаны методические приемы и рекомендации, однако комплексные междисциплинарные исследования позволили бы выработать общие и специализированные подходы к использованию современных психологических и педагогических технологий в образовательном процессе ведомственных вузов МВД России по формированию антикоррупционного сознания и поведения будущих сотрудников, в построении комплексных антикоррупционных систем, среди которых особую роль должна играть психолого-педагогическая концепция формирования антикоррупционного поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистика и аналитика МВД России: официальный сайт // URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Ибрагимова Е. М. Сущность понятия антикоррупционная культура и ее функции / Е. М. Ибрагимова, А. Р. Хамдеев // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9329> (дата обращения: 20.06.2022).
3. Ванновская О. В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих / О. В. Ванновская // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика*. 2009. № 3-2. С. 130–135.
4. *Коррупция и борьба с ней: роль законодательства* / под ред. М. Б. Горного. Санкт-Петербург: Норма, 2000. 136 с.
5. Голик Ю. В. Коррупция как механизм социальной деградации / Ю. В. Голик, В. И. Карасев // Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. 329 с.
6. Лебеденко И. М. Формирование антикоррупционного поведения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России как важная составляющая профессиональной подготовки / И. М. Лебеденко, С. В. Баринов // *Вестник Московского университета МВД России*. № 10. 2015. С. 335–337.
7. Захарук Т. Педагогика против коррупции как патологического явления / Т. Захарук, К. Марциниак-Папроска // *Российский научный журнал*. 2015. № 5 (36). С. 47–53.
8. Басюк С. В. Воспитание гражданско-правовой позиции личности старшеклассника / С. В. Басюк // *Башкирский институт социальных технологий*. № 4-2 (29). 2010. С. 197–206.

REFERENCES

1. Statistics and analytics of the Ministry of Internal Affairs of Russia: official website // URL: <https://мвд.рф> (date of access: 20.04.2022). (In Russ.)

2. Ibragimova E. M. The essence of the concept of anti-corruption culture and its functions / E. M. Ibragimova, A. R. Khamdeev // Modern problems of science and education. 2013. No. 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9329> (date of access: 20.06.2022). (In Russ.)
3. Vannovskaya O. V. Substantiation of the concept of corrupt behavior of civil servants / O. V. Vannovskaya // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy. 2009. № 3-2. P. 130–135. (In Russ.)
4. Corruption and the fight against it: the role of legislation / ed. by M. B. Gorny. St. Petersburg: Norma, 2000. 136 p. (In Russ.)
5. Golik Yu. V. Corruption as a mechanism of social degradation / Yu. V. Golik, V. I. Karasev // St. Petersburg: Law Center Press, 2005. 329 p. (In Russ.)
6. Lebedenko I. M. Formation of anticorruption behavior of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as an important component of professional training / I. M. Lebedenko, S. V. Barinov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 10. 2015. P. 335–337. (In Russ.)
7. Zakharuk T. Pedagogy against corruption as a pathological phenomenon / T. Zakharuk, K. Marciniak-Paproska // Russian Scientific Journal. 2015. № 5 (36). P. 47–53. (In Russ.)
8. Basyuk S. V. Education of the civil-legal position of a high school student's personality / S. V. Basyuk // Bashkir Institute of Social Technologies. № 4-2 (29). 2010. P. 197–206. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ковтуненко Л. В., доктор педагогических наук, доцент;
Титова О. А., без ученой степени.

Information about the authors:

Kovtunen L. V., Doctor of Pedagogy, Associate Professor;
Titova O. A., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 28.06.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 25.11.2022.

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Елена Ивановна Мещерякова¹, Елена Анатольевна Ендовицкая²,
Галина Павловна Мазина³

¹ Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Воронеж, Россия, elenamsol@yandex.ru

² Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета, Борисоглебск, Россия, endovitskaya_e_a@mail.ru

³ Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, galina_mazina@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического исследования проблемы правового образования старшеклассников в аспекте формирования их правовой культуры как условия профессионального самоопределения в направлении выбора профессии сотрудника органов внутренних дел. Приводятся конкретизированные с учетом цели и особенностей исследования ключевые понятия «правовая культура старшеклассников», «профессиональная ориентация старшеклассников к выбору профессии сотрудника ОВД», а также выделяются и характеризуются структурные компоненты исследуемого феномена культуры. Акцентирована особая роль профессиональной ориентации, профессионального самоопределения в осознанном выборе профессии сотрудника органов внутренних дел. Предложена комплексная педагогическая программа «Формирование правовой культуры старшеклассников и их готовности к выбору профессии сотрудника органов внутренних дел». Приведена общая характеристика разделов программы, определены направления ее успешной реализации в процессе обучения и воспитания старшеклассников общеобразовательных школ.

Ключевые слова: правовая культура старшеклассников, профессиональное самоопределение, профессиональная ориентация, комплексная педагогическая программа

Для цитирования: Мещерякова Е. И., Ендовицкая Е. А., Мазина Г. П. Правовое образование старшеклассников как условие профессионального самоопределения будущих сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 222–229.

Original article

HIGH SCHOOL STUDENTS' LEGAL EDUCATION AS A CONDITION FOR PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF FUTURE OFFICERS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Elena I. Meshcheryakova¹, Elena A. Endovitskaya², Galina P. Mazina³

¹ Air Force Military Academic Center «N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia, elenamsol@yandex.ru

² Borisoglebsky branch of the Voronezh State University, Borisoglebsk, Russia, endovitskaya_e_a@mail.ru

³ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, galina_mazina@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a theoretical study of the problem of legal education of high school students in the aspect of their legal culture formation as a condition for professional self-determination in the direction of choosing the profession of an internal affairs officer. The key concepts “high school students’ legal culture”, “professional orientation of high school students to the choice of the profession of an internal affairs officer” are given, that are concretized taking into account the purpose and features of the study, as well

as the structural components of the studied cultural phenomenon are identified and characterized. The special role of professional orientation, professional self-determination in the conscious choice of the profession of an internal affairs officer is emphasized. A comprehensive pedagogical program “Formation of high school students’ legal culture and their readiness to choose the profession of an internal affairs officer” is proposed. The characteristics of the sections of the program are given, the directions for its successful implementation in the process of teaching and educating high school students of general education schools are determined.

Keywords: high school students’ legal culture, professional self-determination, professional orientation, comprehensive pedagogical program

For citation: Meshcheryakova E. I., Endovitskaya E. A., Mazina G. P. High school students’ legal education as a condition for professional self-determination of future officers of the internal affairs bodies // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 222–229.

Научные проблемы, связанные с правовым обучением и воспитанием старшеклассников, привлекают внимание представителей самых разных гуманитарных областей (философии, социологии, культурологии, педагогики, психологии) и находят отражение в многочисленных публикациях последних десятилетий. Однако, несмотря на обилие опубликованных результатов исследований, многие актуальные проблемы остаются недостаточно изученными, а положения, содержащиеся в публикациях, дискуссионными. Мы выбрали для проведения исследования малоизученный аспект педагогической проблемы правового образования старшеклассников – формирование их правовой культуры как условия профессионального самоопределения в направлении выбора профессии сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД). Тем самым обозначена связь двух взаимосвязанных процессов – формирования правовой культуры и профессионального самоопределения старшеклассников, от которых во многом зависят не только обоснованность и осознанность выбора профессии, но и успех осуществления профессиональной деятельности сотрудника ОВД.

Исследование любой педагогической проблемы требует выявления противоречий, отражением которых такая проблема является. Основным противоречием, лежащим в основе педагогической проблемы правового образования старшеклассников, выступает, по нашему мнению, противоречие между востребованностью современного российского общества в достижении молодежью высокого уровня правовой культу-

ры, с одной стороны, и недостаточным теоретико-методологическим обоснованием правового воспитания школьников (в том числе и старшеклассников), учитывающим особенности влияния современных реалий на процесс формирования правосознания, правовой культуры, на становление ценностно-смысловых доминант молодежи, а также отсутствием должного понимания педагогами механизмов правового воспитания, способностей и готовности педагогов к их использованию в процессе воспитания, с другой стороны.

Тогда обозначенная педагогическая проблема, исследуемая в аспекте формирования правовой культуры старшеклассников как условия профессиональной ориентации будущих сотрудников ОВД, представляет совокупность следующих вопросов: во-первых, как обеспечить в процессе воспитания старшеклассников формирование правовой культуры, стимулирующее осознанный выбор профессии сотрудника ОВД; во-вторых, как сформировать ценностно-смысловые доминанты личности, определяющие становление убежденности в личностной значимости защиты законности и правопорядка.

Приступая к исследованию педагогической проблемы в установленном аспекте, важно конкретизировать ключевые для его проведения понятия: «правовая культура старшеклассников», «профессиональная ориентация старшеклассников к выбору профессии сотрудника ОВД», а также выделить структурные компоненты исследуемого феномена культуры. В этом мы видим определенный вклад в создание теорети-

ко-методологических основ правового воспитания старшеклассников, формирования их правового мировоззрения.

Для конкретизации определения понятия «правовая культура старшеклассников» мы использовали утверждения, содержащиеся в многочисленных исследованиях, авторы которых (В. Г. Баженов, Г. П. Давыдов, И. Г. Митюнова, А. Ф. Никитин, В. М. Обухов, Н. Г. Огурцов, В. Ф. Подгорный, Е. А. Рассолова, Я. В. Соколов, Н. И. Элиасберг и др.) представляют собственные подходы к характеристике феномена. Самое общее представление о правовой культуре личности содержится, например, в работе И. Г. Смолиной: «правовая культура личности – это глубокое знание и понимание основ права, ответственное исполнение его предписаний как осознанной необходимости и внутренней потребности» [1, с. 11].

Конкретизируя дефиницию, мы определяем правовую культуру старшеклассников как часть общей культуры личности, неразрывно связанную с правовой культурой общества, как интегративное личностное качество, отражающее: 1) приобретенные знания правовых норм; 2) эмоционально-чувственное отношение к ним и к их соблюдению; 3) уровень правосознания личности; 4) соблюдение норм действующего законодательства; 5) готовность к осуществлению правоохранительной деятельности (если речь идет об ориентации на выбор профессии сотрудника ОВД).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие исследователи изучают правовую культуру и процесс ее формирования в связи с правосознанием личности, что нашло отражение, например, в работе А. Е. Скобелева: «правовая культура – это правосознание, реализованное в повседневной жизни (в правовых отношениях, деятельности правовых институтов, поведении людей и т. д.)» [2, с. 113]. Это утверждение является весьма спорным, так как в нем: 1) находит отражение не культура, которой дано на сегодня уже более 500 определений, а лишь одно из ее проявлений – реализация правосознания в повседневной жизни; 2)

культура (в данном случае правовая) фактически отождествляется автором с сознанием (в данном случае правосознанием), хотя культура – это не сознание вообще и не отдельные его элементы; 3) не учитывается то важнейшее обстоятельство, что правосознание реализуется, прежде всего, на стадии правотворчества, а затем уже на стадии реализации права. И хотя, согласно обоснованному выводу Н. Н. Плужниковой, «проблема сознания в современной науке остается нерешенной» [3, с. 26], сознание (способность идеального воспроизведения действительности, специфические механизмы и формы такого воспроизведения) необходимо рассматривать как условие развития культуры, в том числе и правосознание – как условие развития правовой культуры.

Важно подчеркнуть, что эффективность целенаправленного формирования правовой культуры старшеклассников, ориентированных на выбор профессии сотрудника ОВД, будет выше, если в этот процесс привносятся элементы формирования культуры правоохранительной деятельности, которая приобретает в связи с этим особенно важное значение. Ведь культура правоохранительной деятельности – это «интегративное динамически развивающееся личностное образование, объединяющее правовые и гуманитарные знания, а также практические умения осуществления правоохранительной деятельности на основе сформированной системы ценностных ориентаций, определяемых правозащитными функциями такой деятельности в интересах общества и государства» [4, с. 245]. Ядром профессиональной культуры сотрудника ОВД выступает правовая культура, однако, помимо правовой культуры, профессиональная включает и другие элементы. К такому выводу мы пришли, анализируя влияние факторов внешней среды на становление и развитие правовой и профессиональной культуры сотрудников ОВД, которое объясняется пересечением правового пространства и пространства правоохранительной деятельности [5, с. 26–27].

В исследованиях отечественных ученых представлены разные подходы к опре-

делению структуры правовой культуры. Так, Е. Г. Шиханова выделяет в ней когнитивный, мотивационно-волевой и поведенческо-деятельностный компоненты [6, с. 26–27]; Е. А. Рассолова – когнитивный, эмоционально-ценностный, поведенческий [7, с. 46], Н. В. Корчагин – когнитивный, поведенческий, эмоционально-чувственный, нравственный и волевой [8, с. 9]. Учитывая особенности формирования правовой культуры старшекласников в связи с их профессиональной ориентацией и выбором профессии сотрудника ОВД, а также возрастные и иные особенности, мы выделяем в структуре профессиональной культуры личности старшекласника следующие компоненты: когнитивный, ценностно-мотивационный, эмоционально-волевой и поведенческий.

Последовательность представления структурных компонентов правовой культуры старшекласников соответствует логике изучения процесса формирования их правовой культуры. Так, когнитивный компонент, включающий правовые знания (знания о правовой системе государства, системе нормативных правовых актов и содержащихся в них правовых нормах и др.), становится базовым, ведь его с формированием создаются основы для остальных. Хотя, безусловно, в процессе формирования правовой культуры старшекласников наблюдается взаимодействие всех обозначенных компонентов. В мотивационно-ценностном компоненте объединяются: осознанное принятие ценностей права и ценностей правоохранительной деятельности, устойчивая мотивация к соблюдению правовых норм и правил всеми субъектами правоотношений, в том числе – и самим собой, интеграция личностных, коллективных и общественных ценностей и смыслов, связанных с поддержанием законности и правопорядка, самомотивация развития правовой культуры. Эмоционально-волевой компонент выступает связующим звеном ценностно-мотивационного и поведенческого компонентов: именно мотивами и ценностями, вызывающими определенное позитивное эмоциональное состояние (эмоциональность в данном случае

выступает в качестве имманентного свойства мотива) непосредственно определяется соответствующее им адекватное правовое поведение, рассматриваемое как сознательно и последовательно осуществляемые действия для достижения целей, поставленных и достигаемых субъектом.

Если в когнитивном компоненте сосредоточены и накапливаются необходимые старшекласнику правовые и иные гуманитарные знания, в мотивационно-ценностном объединяются ценностно-смысловые доминанты целенаправленного правового поведения, то в эмоционально-волевом компоненте взаимодействуют и переплетаются: 1) эмоции, т. е. психические процессы, отражающие субъективное оценочное отношение старшекласника к тем правовым ситуациям, с которыми он сталкивается в процессе обучения или в реальной действительности, и 2) воля, т. е. способность личности осознанно регулировать (контролировать, направлять) свое поведение, которая, по словам С. Л. Рубинштейна, «проявляется в самодетерминации и саморегуляции им своего поведения и психических явлений» [9]. Все, что содержательно наполняет когнитивный, мотивационно-ценностный и эмоционально-волевой компоненты правовой культуры старшекласника, находит проявление в поведении субъекта, то есть в совершаемых им действиях, поступках в относительно продолжительном периоде времени в постоянных или изменяющихся условиях. Именно поэтому поведенческий компонент правовой культуры старшекласников мы рассматриваем как итоговый, результирующий. Сформированность поведенческого компонента становится своеобразным показателем результативности педагогической деятельности, осуществленной в связи с профессиональной ориентацией старшекласников, в том числе и тех, кто выбирает для себя профессию сотрудника ОВД.

Правовая культура старшекласников, изучаемая как многокомпонентное интегративное личностное образование (качество), формируется под влиянием самых разных факторов внешней среды, в том числе и об-

разовательной среды школы (гимназии, лицей и др.). Важную роль в ее формировании призвана играть профессиональная ориентация старшеклассников, актуализирующая их профессиональное самоопределение и целенаправленная на выбор профессии сотрудника ОВД.

Анализ многочисленных публикаций, в которых отражаются результаты исследования проблем, связанных с профессиональным самоопределением и профессиональной ориентацией старшеклассников (А. Г. Асмолов, П. П. Блонский, С. И. Вершинин, Н. Э. Касаткина, А. В. Кирьякова, Е. А. Климов, И. С. Кон, Т. В. Кудрявцев, Н. С. Пряжников, Н. Н. Чистяков, С. Т. Шацкий и др.), позволяет утверждать, что исследователи рассматривают профессиональную ориентацию в широком и узком смысле трактовки понятия. Не вдаваясь в подробное представление результатов анализа взглядов исследователей, заметим, что профессиональная ориентация старшеклассников в широком смысле представляется как система социально-педагогического воздействия, целью которого становится подготовка старшеклассников к осознанному и обоснованному выбору профессии в соответствии с потребностями и личности, и общества. В узком смысле профессиональная ориентация трактуется как целенаправленная педагогическая деятельность, осуществляемая с целью выработки внутренней потребности к выбору конкретной профессии, с которой выпускник собирается связать свою жизнедеятельность как минимум в ближайшей перспективе после окончания школы, а также готовности сделать такой выбор с пониманием того, каковы перспективы выбора профессии, с какими трудностями он может столкнуться в связи со сделанным выбором. Профессиональное самоопределение старшеклассников, характеризуемое как «процесс образования, развития и формирования личностной зрелости, проявляющейся в самостоятельном процессе планирования своего профессионального будущего» (А. Э. Попович) [10, с. 15], становится своеобразным результатом такой педагогической

деятельности.

В связи с тем, что оказать педагогическое влияние на профессиональную ориентацию, рассматриваемую в широком смысле, практически невозможно, мы конкретизируем понятие «профессиональная ориентация старшеклассников к выбору профессии сотрудника ОВД» в узком его понимании. Адаптируя сложившиеся подходы к определению профессиональной ориентации к выбору профессии сотрудника ОВД и связывая их с тем значением, которое имеет для такого выбора формирование правовой культуры старшеклассников, мы следующим образом определяем исследуемый феномен: профессиональная ориентация старшеклассников к выбору профессии сотрудника ОВД – это целенаправленная педагогическая деятельность, осуществляемая педагогами общеобразовательных школ, а также и сотрудниками ОВД, целью которой выступает достижение старшеклассниками уровня сформированности правовой культуры, необходимого и достаточного для уверенного профессионального самоопределения в направлении выбора профессии сотрудника ОВД, основанного (выбора) на понимании смысла, значимости, специфики правоохранительной деятельности, оценке своих возможностей и способностей к ее успешному осуществлению.

Главным средством профессиональной ориентации, нацеленной на профессиональное самоопределение старшеклассников в направлении выбора профессии сотрудника ОВД, становится комплексная педагогическая программа формирования их правовой культуры. Реализовать такую программу, требующую осуществления системы взаимосвязанных действий в процессе обучения и воспитания старшеклассников, целесообразно в условиях профильного обучения. Однако профильные классы, в которых осуществляется целенаправленная подготовка к поступлению в образовательные организации МВД, имеются далеко не везде. В связи с этим разрабатываемые совместными усилиями сотрудников ведомственных вузов и педагогов общеобразовательных

школ комплексные педагогические программы формирования правовой культуры старшеклассников в указанном направлении профессиональной ориентации должны реализовываться в соответствии с планами учебной и воспитательной работы школ с обучающимися.

Опыт разработки и реализации комплексной педагогической программы «Формирование правовой культуры старшеклассников и их готовности к выбору профессии сотрудника органов внутренних дел» (далее – Программа) сотрудниками Воронежского института МВД России и общеобразовательных школ г. Воронежа свидетельствует о том, что в такую комплексную педагогическую программу целесообразно включение следующих разделов:

1) пояснительная записка, в которой: а) содержится информация о содержании Программы и ее значении для обоснованного и осознанного выбора профессии сотрудника ОВД; б) приводятся основные понятия, используемые в тексте Программы («правовая культура старшеклассников», «профессиональная ориентация старшеклассников к выбору профессии сотрудника ОВД» и др.);

2) в первом разделе устанавливаются: а) цель, для достижения которой разработана Программа (мотивация старшеклассников к выбору профессии сотрудника ОВД на основе достижения ими необходимого уровня сформированности правовой культуры); б) задачи, которые нужно решить для достижения цели (обеспечить получение старшеклассниками правовых и связанных с ними иных гуманитарных знаний на уроках по истории, обществоведению и др.; воспитывать у обучающихся морально-нравственные качества, необходимые для обеспечения законности и правопорядка; стимулировать старшеклассников к правовому саморазвитию и самосовершенствованию, соблюдению установленных норм и правил и др.);

3) во втором разделе указываются ответственные по направлениям реализации Программы – учебному и воспитательному, а также психолого-педагогическому сопровождению профессионального самоопреде-

ления старшеклассников; в рамках каждого направления составляется план проведения конкретных мероприятий (классный час «Моя будущая профессия – следователь», беседа оперативного сотрудника ОВД «Как мы находим тех, кто совершил преступление и прячется», просмотр и обсуждение видеofilmа о повседневной работе сотрудников ГИБДД и др.), а также методы их проведения: традиционные (уроки, классные часы и т. п.); инновационные, в том числе активные (дискуссии, круглые столы, защиты проектов и др.), интерактивные (ролевые игры, мозговые штурмы, мастер-классы и др.);

4) в третьем разделе: а) перечисляются средства, которые необходимы для организации и проведения запланированных мероприятий (материально-техническая база реализации Программы): материалы, размещенные на бумажных носителях, электронные ресурсы, наглядные, мультимедийные и иные инновационные средства; б) представляются методические материалы, разработанные для учителей, воспитателей, психологов, по организации и проведению запланированных мероприятий;

5) в приложении к Программе приводится полный и конкретный план, включающий конкретные мероприятия, формы и время их проведения, ответственных лиц (формат плана – таблица).

Как показывает практика, результат профессионального самоопределения старшеклассников в направлении выбора профессии сотрудника ОВД существенно зависит от того, насколько в процессе профессиональной ориентации удастся обеспечить достижение выпускниками общеобразовательных школ высокого уровня сформированности правовой культуры, чему способствует представленная Программа. Успех реализации Программы во многом зависит от того, насколько удастся соединить в проводимых мероприятиях правовое пространство, пространство правоохранительной деятельности и образовательное пространство школы. Кроме того, учитывая особенности юношеского возраста старшеклассников (интенсивное интеллектуальное и активное

нравственное развитие, повышенное внимание к проблемам морально-нравственного и этического характера, ускоренное становление личностного мировоззрения и стремление к независимости, самостоятельности, обособленности от взрослых, желание осуществить «самый правильный» профессиональный выбор и др.), ключевым компонентом, от которого в решающей степени зависит формирование правовой культуры

старшекласников как целостного образования, становится эмоционально-волевой компонент.

Несмотря на важнейшее значение обозначенных направлений, от которых в решающей степени зависит успех реализации Программы, каждое из них требует достаточно объемного представления, что неосуществимо в рамках одной статьи, но будет сделано нами в последующих публикациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смолина И. Г. Правовая культура избирательного процесса в Российской Федерации. Новосибирск: Наука, 2007.
2. Скобелев А. Е. Понятие, структура и общая характеристика правовой культуры // Известия Саратовского университета. 2009. № 9. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 1. С. 110–114.
3. Плужникова Н. Н. Проблема сознания в современной философии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 8 (83). С. 24–27.
4. Мещерякова Е. И. Теоретико-методические аспекты формирования профессионально-педагогической культуры адъюнктов в процессе прохождения педагогической практики // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. С. 244–250.
5. Мещерякова Е. И., Панферкина И. С. Правовая интеграция как условие развития правового пространства и пространства правоохранительной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 25–30.
6. Рассолова Е. А. Правовое воспитание старшекласников // Вестник Университета Российской академии образования. 2007. № 1. С. 45–47.
7. Митюнова И. Г. Аксиологический подход к формированию правовой культуры старшекласников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2007.
8. Корчагин Н. В. Формирование правовой культуры учащихся профессионального училища (лицея): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2012.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: серия Мастера психологии. СПб., Питер, 2002 / URL: https://gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/rubin/18.php (дата обращения: 12.01.2022).
10. Попович А. Э. Профессиональное самоопределение старшекласников в педагогическом процессе общеобразовательной школы: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Москва, 2011.

REFERENCES

1. Smolina I. G. Legal culture of the electoral process in the Russian Federation. Novosibirsk: Nauka, 2007. (In Russ.)
2. Skobelev A. E. The concept, structure and general characteristics of legal culture // News of the Saratov University. 2009. No. 9. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. Issue 1. P. 110–114. (In Russ.)
3. Pluzhnikova N. N. The problem of consciousness in modern philosophy // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2013. No. 8 (83). P. 24–27. (In Russ.)
4. Meshcheryakova E. I. Theoretical and methodological aspects of the formation of professional and pedagogical culture of adjuncts in the process of passing pedagogical practice // Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: materials of the All-Russian scientific and practical conference St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 244–250. (In Russ.)

5. Meshcheryakova E. I., Panferkina I. S. Legal integration as a condition for the development of the legal space and the space of law enforcement // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. P. 25–30. (In Russ.)
6. Rassolova E. A. Legal education of high school students // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. 2007. No. 1. P. 45–47. (In Russ.)
7. Mityunova I. G. Axiological approach to the formation of the legal culture of high school students: author. dis. ... cand. ped. sciences. Veliky Novgorod, 2007. (In Russ.)
8. Korchagin N. V. Formation of the legal culture of students of a vocational school (lyceum): author. dis. ... cand. ped. sciences. Saratov, 2012. (In Russ.)
9. Rubinshtein S. L. Fundamentals of General Psychology: a series of Masters of Psychology. SPb., Peter, 2002 / URL: https://gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/rubin/18.php (date of access: 12.01.2022). (In Russ.)
10. Popovich A. E. Professional self-determination of high school students in the pedagogical process of a general education school: author. dis. ... doc. ped. sciences. Moscow, 2011. (In Russ.)

Информация об авторах:

Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор;
Ендовицкая Е. А., без ученой степени;
Мазина Г. П., без ученой степени.

Information about the authors:

Meshcheryakova E. I., Doctor of Pedagogy, Professor;
Endovitskaya E. A., no academic degree;
Mazina G. P., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 27.02.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 27.02.2022; approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 25.11.2022.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках». Научные специальности, по которым могут публиковаться материалы:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru.

Структура статьи

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в начале статьи.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), ORCID (при наличии) контактные телефоны). Если авторов более одного, указать одного как ответственного за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность и др.) под заголовком «Информация об авторе» указать в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10) слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация в порядке цитирования источников в тексте статьи. Дополнительно привести перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG,

разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводят на языке текста статьи и, как правило, повторяют на английском языке.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

**Заявка
на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале
«Вестник Уфимского юридического института МВД России»**

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

(название статьи)

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА